Шалва Амонашвили

ОСНОВЫ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

Книга 2

ШКОЛА ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вся жизнь и творчество Ш. А. Амонашвили посвящены развитию классических идей гуманной педагогики, утверждению в педагогическом сознании понятия «духовного гуманизма». Издание собрания сочинений автора в 20 книгах под общим названием «Основы гуманной педагогики» осуществляется по решению Научно-издательского совета Российской академии образования. В отдельных книгах психолого-педагогические и литературные творения группируются по содержанию. Первые две книги «Основы гуманной педагогики» практически вмещают девять книг. Они вводят читателя в романтический мир гуманного образовательного храма, но указывают на подводные камни, о которых спотыкается авторитарное педагогическое сознание. Эти первые книги Ш. А. Амонашвили, как и все издание, обращены к широкому кругу читателей – учителям, воспитателям, работникам образования, родителям, студентам, ученым.

- Шалва Амонашвили
  - ○
  - ○ От редактора
  - ○ VI. В чаше Ребёнка сияет зародыш зерна Культуры
  - ○ VII. Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний, Учителю надо впитать море Света
    - ■
    - ■ Детей и педагогику я люблю
  - ○ VIII. Как любить детей
    - ■
    - ■ Истоки моей любви
    - ■ Любили ли меня учителя?
    - ■ Я – герой
    - ■ Я прячусь в кухне
    - ■ Контрольная для учителя
    - ■ Английский грузинскими буквами
    - ■ Единица на всех, шишки по голове каждому
    - ■ Я знаю «Эй, би, си, ди»…
    - ■ Созвездие учителей
    - ■ Мы очарованы. Что дальше будет?
    - ■ Что в имени учителя
    - ■ Подарок
    - ■ Она – моя
    - ■ Мы смотрим на тихо плачущую учительницу

- Во мне поэтический дар
- Она готовила меня для спасения
- Момент истины
- Героическая Любовь
- Тетрадь для математики и стихов
- Люби ближнего своего как себя самого
- Мы облагораживаем учителя физики
- От злобы учителя меня спасает шпаргалка
- Я студент востоковедческого факультета
- Зигзаги судьбы
- Так я думал в конце 50-х годов
- Дети призывают меня отходить от авторитаризма
- Идеи из будущего
- Пусть учитель живёт для Вечности
- Любят ли авторитарные учителя детей?
- Исправление ошибки
- Трагикомические события
- Мечта о Детском Государстве
- Сердце живого педагогического процесса
- Грустное лицо Сухомлинского
- «Как любить детей»
- Нежданная радость
- Укрепление веры
- Двадцатилетний эксперимент
- Открываем уже открытое
- Благая Весть о Любви
- Там, где не царствует Любовь
- Я стажируюсь у Константина Дмитриевича Ушинского
- Допущения гуманной педагогики
- Защитники
- Факел Духовности и Любви
- Соты Мудрой Любви к детям
- Я обращаюсь к книгам как к Небесам
- Мой клубок любви
- Надо любить детей, чтобы защитить их
- Я устремлён в Будущее

○ IX. Учитель, вдохнови меня на творчество!

-
- Мои мысли о вдохновении

Шалва Амонашвили
Основы гуманной педагогики. Книга 2. Как любить детей

© Амонашвили Ш. А., 2012
© ООО «Амрита», 2012

От редактора

Первая и вторая книга трудов Ш. А. Амонашвили, объединенные под общим названием «Основы гуманной педагогики», включают в себя 9 небольших по объему книг, каждая из которых есть ступенька вхождения в гуманную педагогику. Шалва Александрович писал каждую для очередных Международных педагогических чтений, которые посвящались тем же самым темам, что и названия книг. Именно с такой тоненькой книжечки началось «вхождение» в Гуманную педагогику огромного количества учителей, участников Вторых Международных педагогических чтений в 2003 году: «Улыбка моя, где ты?» Что несёт в себе столь необычное название книги для учителя? Приглашение к размышлению о будущем? Тревогу за настоящее? Радость жизни каждому конкретному Ребёнку? Безусловно. Автор постепенно подводит нас к тому, что улыбка – это особая ценность, которой должна жить школа, это духовное состояние учителя, это внутренний свет его души, отражающий радость Детства. Не потерял ли наш учитель свою улыбку? Счастливы ли наши дети? И как мы можем помочь им быть счастливее?

Для Шалвы Александровича улыбка – это символ доброты, чистоты и благородства человека. А для читателя – это первая ступенька вхождения в мир Гуманной педагогики, «в мир по имени Амонашвили». Многие учителя разглядели за столь необычным названием книги постановку автором глубокой философско-педагогической проблемы, приглашение к серьёзному разговору о состоянии сегодняшней школы и современной педагогики. Сам Шалва Александрович пишет: «Так же, как речевое состояние, ядром которого является внутренняя речь, в человеке существует состояние улыбки, основой которого является внутренняя Улыбка. Она пропитывает весь характер человека, его духовно-нравственный мир. Она сопровождает его постоянно… Учитель сам становится улыбкой и распространяет вокруг себя эманацию добра и надежды».

В этой книге Шалва Александрович фактически впервые заявляет свой уникальный авторский стиль изложения педагогических истин. Дальнейшие работы показывают, что этот стиль, творческий почерк, манера изложения материала, включение педагогических картин, художественных этюдов, притч и даже молитв мы встречаем у любимых Шалвой Александровичем педагогов-гуманистов. Многие страницы его

книг перекликаются по характеру с трудами И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского, молитвами Януша Корчака – так же ярко, вдохновенно, открыто, а главное – так же просто, и так же мудро.

Во всех его книгах, пожалуй, больше вопросов, чем ответов. Автору особенно важно разбудить мысль учителя, пробудить чувства, заставить задуматься. Но чем дальше погружаешься в текст, тем отчётливее начинаешь «слышать Слово», чувствовать его сердцем и осознавать, что в этих книгах, где кажется, что так всё просто, на самом деле так всё сложно, сразу главного и не поймёшь – в этих книгах с нами говорит мудрость. И только тогда острее понимаешь тревогу, боль, крик души человека, посвятившего свою жизнь главному – любви к Ребёнку!

Ступени Гуманной педагогики трудны. Гуманную педагогику невозможно постичь сразу, выучить и сдать экзамен. Нет такой учебной дисциплины. Есть каждодневный труд, бесконечность, есть вечная «Школа Жизни». Здесь от учителя требуется не просто желание «быть гуманным». Шалва Александрович зовёт дальше и ставит ещё более сложный вопрос: «Почему не прожить нам жизнь героями духа?» Подъём духа есть внутренняя сила общества, сила Культуры. И нам ли не знать, что благодаря силе духа наш человек часто побеждал! Сила духа среди учителей и воспитателей есть утверждение Культуры Образования, процветание педагогического гуманизма, который ведёт ребёнка (ученика, воспитанника) к постижению в себе своей бессмертной сущности и смысла Жизни. «Отдавший Свет умножит Его в себе». Только сердцу героя Духа доступны страницы Вселенской Книги Мудрости Воспитания.

А далее опять вопрос: «Без сердца что поймём?» И в нём заключена одна из самых актуальных инновационных проблем современности. Сегодня всё более глубоко осознаётся мысль, что не знания сами по себе составляют смысл современного образования, а умение их «оживить», творчески раскрыть, соотнести с другими отраслями науки и со своим собственным мироощущением, с окружающей действительностью. Если мыслить сердцем, то можно найти массу способов и приёмов выработки у ученика достаточно справедливой самооценки, сделать главной ценностью и результатом деятельности не формальную отметку, а тот интеллектуальный рост, то чувство вдохновения, ту радость творчества, которые позволят ему обрести уверенность в успехе, в воспитании воли, становлении характера, чести и достоинства личности.

Следующий трактат – «Спешите, дети, будем учиться летать!» – поднимает читателя не просто на следующую ступень,

а устремляет в духовную высь. Эту книгу нельзя пересказать; читая её, вы поймёте, почему в это же самое время известнейший австралийский учёный, представитель школы гуманистической психологии Билл Ньюмен пишет книгу под названием «Парите вместе с орлами», где как бы продолжает мысль Ш. А. Амонашвили о благородстве, силе духа, о красоте, о любви: «Вместе мы способны изменить мир».

Тонкой нитью проходит практически во всех произведениях автора мысль о высокой духовности, о христианских корнях классического педагогического учения. Педагогика, как сфера культуры, обращена к сердцу каждого человека – и большого, и маленького, и верующего, и неверующего, – постигающего великие духовные традиции. Для нашей многонациональной и поликонфессиональной страны важно осознание ценностных оснований всех религиозных учений, позволяющих прийти к целостности восприятия мира, к гармонии бытия, к культуре образовательного поля, чтобы глубже, полнее раскрыть современное содержание понятия «педагогика» в её гуманистическом измерении.

Нужно сказать о высочайшей деликатности автора, выражающейся в «теории допущений» гуманно-личностной педагогики. Гуманное педагогическое сознание он основывает на системе педагогических допущений, благодаря которой каждый участник образовательного процесса определяет для себя своё личностное ощущение педагогики как науки, как искусства и как любовь. Эти допущения и выводы, которые автор объединяет под понятием четвертого – духовного – измерения, составляют духовно-философскую основу гуманно-личностной педагогики. Их развёрнутое содержание впитывает в себя в качестве источников Святые Писания основных религий, духовно-философские учения, классическое педагогическое наследие.

Труды, включенные в первую и вторую книги собрания сочинений, занимают особое место в жизни и творчестве Ш. А. Амонашвили прежде всего тем, что это живые ступеньки вхождения в Гуманную педагогику. Живые, потому что тема каждого из них являлась предметом больших и малых обсуждений, круглых столов, мастер-классов на международных, республиканских, областных и городских педагогических чтениях. А импульс этому движению дали Первые Международные педагогические чтения в Москве в 2002 году. С тех пор они проводятся в Москве ежегодно при научном руководстве Ш. А. Амонашвили сторонниками гуманной педагогики со всей России, стран Балтии и Ближнего Зарубежья.

В течение 3 дней более 700 человек заполняют все большие и малые аудитории Московского городского педагогического университета – это классы большой научной школы Амонашвили, и каждая строка в этих книгах говорит о том, как надо любить детей, как надо мыслить гуманно и как надо воспитывать духовность в растущем человеке. Высота духовного поиска, вдохновения и творчества делают отношения ученика и учителя особыми, доверительными, а знание – живым, действенным, согревающим ум и сердце, ибо путь к душе человека лежит через любовь.

У каждых Педагогических чтений своя тема, свой лейтмотив, своя педагогическая история. Они являют собой торжество Гуманной педагогики, наглядно показывают ступени восхождения, развития, совершенствования каждого участника.

Книги Ш. А. Амонашвили раскрывают значимость творчества в гуманном образовательном процессе, настраивают на новое видение педагогической реальности. Самое высокое предназначение, даруемое ученику и учителю гуманной педагогикой, есть возможность свободного творчества.

Постигая глубокий смысл трудов Ш. А. Амонашвили, всё отчётливее осознаёшь, что мы, педагоги, несём особую ответственность за наше будущее. И от доброты и щедрости сердца учителя зависит: оживут ли в его руках зёрнышки истины, отзовётся ли его слово в душе ученика.

VI. В чаше Ребёнка сияет зародыш зерна Культуры

– Дети, дети, куда вы нас тащите?
– К Свету!
– А где он?
– Мы покажем вам дорогу!
– Это далеко? Может быть, не надо?
– Следуйте за нами, надо спешить, пока не наступила тьма!

* * *

Почему рождаются дети?

Чтобы мы воспитывали и превратили их в таких же, как мы сами?

В рождении такого поколения нет смысла.

Они рождаются не для того, чтобы мы их воспитывали и уподобляли самим себе, а для того, чтобы исправить наши ошибки и вернуть человечество на Путь Истины.

Мы потеряли Путь, нужен проводник.

Каждый ребёнок – возрождённое новое бытие, а дети – это народ, действующий в Истине. Мы, конечно, будем их воспитывать и образовывать. Но что есть для нас воспитание и образование?

Наша самость и наше самомнение не замедлят ответить: передача молодому поколению накопленных человечеством знаний и, таким образом, подготовка их к жизни.

Но что, если мы незаметно для себя потеряли Путь?

Каким тогда будет наше представление о жизни, к которой готовим своих сыновей и дочерей?

Как нам удостовериться, что мы готовим их к жизни, а не впутываем в наши недоразумения?

Относительность земных знаний итак очевидна. Её можно уменьшить лишь истинной правдивостью. Но правдивость, говорят нам, можно измерить лишь духовностью.

Но как быть, если мы сами тонем в коварном болоте материального мира и забываем о духовном?

Какие ценности жизни мы станем возвеличивать в умах и сердцах подрастающего поколения?

Хорошо, что многие, очень многие понимают, что детей нужно воспитывать и образовывать совершенно по-другому.

Во-первых, нельзя навязывать им наши мысли и устремления и заклинать, чтобы шли они по нашим стопам.

Во-вторых, надо верить, что пришли они в этот мир со своими мыслями, которые более возвышены, чем наши.

В-третьих, надо увидеть в них спасателей, перед которыми мы, как заблуждающиеся отцы, искренне каемся.

В-четвёртых, мы должны отчитываться перед ними, как мы «рулили» в жизни и почему сейчас сидим на мели.

В-пятых, надо уметь самому обновляться, чтобы с ними вместе составить мощную волну прогресса.

Сказано: «Когда творите новое, зовите детей. В них законное начало дела».

* * *

Дети Света!

В них только Истина.

Но они могут забыть об Истине и принять ложь, если мы забудем о том, что именно надо воспитывать и какое образование им надо дать.

В них Путь к Свету.

Но они могут оказаться в сетях тьмы, если мы сами не покажем им, с каким мужеством и упорством, с зажжёнными факелами в руках, проходим через тьму, чтобы выбраться к Свету.

В них вера в Творца.

Но они могут потерять веру, если не удостоверятся, с какими муками мы расстаёмся с бездуховностью и лицемерием и как радуемся каждому малому продвижению.

В них Чистота.

Но они могут упасть в грязь, если не почувствуют, как мы сами мучаемся нашими низменными устремлениями и как нам в тягость чувство собственности.

В них Любовь.

Но они могут заразиться ненавистью, если покажем им, как попираем святые заповеди: «Не убей» и «Любите врагов своих».

В них и созидание.

Но они могут стать разрушителями, если вместе с вооружением их новыми знаниями вооружим ещё новым оружием и направим против мира.

В них всё только прекрасное.

Но может всё стать безобразным.

Может… может!

А разве многое уже не происходит?

Посчитали ли мы, скольких детей уже успели озлобить, оставить без Бога, отдали тьме?

Сказано строго: «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

* * *

Дорогие Коллеги!

Мы же чувствуем и видим, что с нами происходит что-то неладное.

Спросим друг друга: «В чём наша беда?»

Каждый найдёт свой ответ.

Кто-то, наверное, скажет: «Бедно живём».

Кто-то объяснит: «Потеряли веру».

Кто-то добавит: «Буксует экономика».

Иной будет твердить: «Правительство не то».

Другой воскликнет: «Вокруг воровство и коррупция».

Кто-то вспомнит: «Много хамства и бездушия».

Будут и те, кто скажет: «Всё нормально».

Но придёт Мудрец, который объяснит нам:

«Утрата Культуры является утратой человеческого облика».

В этом беда наша.

Вы тоже признаёте это?

* * *

Мы же знаем, что существует неумолимый закон причины и следствия?

Спросим друг друга: «В чём наша главная ошибка?»

И на этот вопрос у каждого также будет свой ответ:

– Не надо было устраивать революций.

– Не надо было провозглашать коммунизм.

– Не надо было отменять частную собственность.

– Не надо было учреждать диктатуру идеологии.

– Не надо было разрушать великую страну.

– Не надо было давать волю всем проходимцам.

– Не надо было допускать, чтобы грабили страну.

Кто-то может сказать:

– Всё закономерно.

Но Мудрец скажет нам: «Главная ошибка людей, что они почитают себя вне сущего. Как можно созидать, не признавая

Высшего Водителя?»

Я принимаю это объяснение.

А Вы?

* * *

Нам надо найти выход из сообщества «цивилизованных дикарей», нам нужно обновить жизнь.

Спросим друг друга: «Что делать?»

И вновь найдём множество ответов.

– Создать сильную власть.

– Свергнуть олигархов.

– Объявить войну взяточникам и криминалу.

– Повысить всем зарплату.

– Дать всем работу.

– Запретить разгул средств массовой информации.

– Установить социальную справедливость.

Кто-то невозмутимо скажет:

– Ничего предпринимать не надо, всё хорошо.

Но Мудрец сто раз терпеливо повторит нам, чтобы мы, наконец, поняли:

«Новую эпоху можно строить лишь с помощью атрибутов Культуры».

«Перерождение планеты возможно лишь путём Культуры».

«Не может человечество процветать без знания о величии Культуры».

«Не может быть международного согласия и взаимопонимания без Культуры».

«Там, где Культура, там и мир».

«Там, где Культура, там и правильное решение труднейших социальных проблем».

В знак согласия я киваю головой и записываю каждое слово Мудреца: «Конечно, – шепчу про себя, – где лад, там клад».

Вы тоже киваете головой в знак согласия, дорогие Коллеги?

* * *

Культура!

Сколько историй, творчества, самопожертвования, устремлённости к Свету нужно было сложить многим поколениям, чтобы напитать это слово непревзойдённой мощью и энергией!

Культуру можно сравнить с Солнцем.

Солнце посылает нам живительное тепло и саму жизнь. Для каждого из нас оно одинаково щедрое.

Культура тоже солнце, только человеческое.

Мы – человечество – создавали наше солнце тысячелетиями. Каждый пришедший в мир человек с огромным творческим трудом извлекал из себя искру света и вкладывал её в духовную матрицу человечества. Так слагалась Культура. В ней люди отражали волю своего духа.

Если с других планет увидят, как наша планета Земля светится, то мы с гордостью можем сказать, что это есть свет нашей Культуры.

Но мы люди, у которых разбегаются глаза.

Мы пока те, кто с лёгкостью отдаётся низменным чувствам и часто надолго забывает о Культуре.

А Мудрец предупреждает: «Нужно ощущать шаги Культуры, но не зигзаги изнеженности».

* * *

Два ангела, – один молодой, другой постарше, – смотрели с Седьмого Неба на Землю и наблюдали за жизнью людей. Старший ангел был назначен наставником младшего.

– Зачем Бог сотворил человека? – спросил молодой ангел у своего наставника.

– Чтобы он мыслил, – ответил наставник.

– Зачем человеку мыслить?

– Чтобы творил он Культуру.

– Что есть Культура?

– Она есть Путь к Богу.

– Зачем человеку Путь к Богу?

– Чтобы совершенствоваться и тоже стать ангелом.

Молодой ангел был любознательный.

– Покажи мне Культуру!

Старший ангел указал ему на один из больших городов.

– Смотри, это есть столица государства. Там есть музеи, театры, концертные залы, художественные салоны… Всё, что в них хранится и происходит, называется искусством.

– Искусство, – повторил младший ангел, чтобы запомнить.

– Видишь, мчатся автомобили и поезда, летят самолёты и космические ракеты, люди изобрели телевизоры, компьютеры, информационную паутину… Делает всё это Наука…

– Наука, искусство… – повторил молодой ангел.

– В тех зданиях, куда входят и выходят дети, протекает их Образование…

– Образование, Наука, Искусство…

– А вот те красивые сооружения с золотыми куполами есть Храмы. В них люди молятся Богу. Это есть Религия…

– Религия, Образование, Наука, Искусство… Всё это Культура?

– Да, Культура, она и есть Путь к Богу, – ответил ангел-наставник.

Он гордился достижениями человека и хотел рассказать ещё о многом.

Но в это время произошло что-то очень страшное.

Буквально из ниоткуда вдруг с оглушительным рёвом над городом повисли ракеты и самолёты, и огромный город погрузился в адский пламень, языки которого вознеслись до Седьмого Неба.

Молодой ангел ужаснулся.

– Зачем человек взорвал свою Культуру?

А ангел-наставник заплакал: «Человек опять сошёл с Пути!»

* * *

Мы видим, – на историческом опыте, на опыте личном, – что, когда человек и человечество превращают Культуру в смысл своей жизни, то преуспевают, продвигаются. Если же они нарушают законы Культуры, их постигает беда.

Но эта беда становится горше еще потому, что её последствия долго сопровождают человечество.

Беда случилась с Адамом и Евой – они первыми нарушили закон Почитания Света: сорвали плод с запретного древа познания добра и зла и съели его. Потому и были наказаны Богом – изгнаны из Рая.

Изгнанными из Рая оказались и мы, весьма отдалённые потомки.

Но мы не очень-то старались вернуться обратно, мы приучились не внимать Воле Бога.

Почитание Света стало в тягость сыну Адама и Евы – Каину. Он обиделся на Бога за то, что Тот принял не его дар, а брата – Авеля.

Смотрите, как Бог предупредил Каина: «Почему ты огорчился? И отчего поникло лице твоё? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечёт тебя к себе, но ты господствуй над ним».

Но Каин не прислушался к словам Бога, обманом увёл брата в поле и убил его.

Это было первое убийство человека человеком, брата братом.

Мы, потомки, тоже попрали высшее предупреждение Господа: «Но ты господствуй над соблазном!»

Убиваем и убиваем, грешим и грешим, изобретаем всё новое оружие для массового уничтожения.

* * *

Наполнилась Земля злодеяниями – всякая плоть извратила путь свой.

Разгневался Бог.

Сказал Ною, человеку благочестивому: «Сделай себе ковчег».

Сделал Ной ковчег, как научил бог. Ввёл туда свою семью, а также по паре мужского пола и женского от всякой плоти.

Потом устроил Бог потоп и истребил всё, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих.

От тех, кто остался в живых в Ноевом ковчеге, заново населилась земля.

Так была спасена Культура – Путь к Богу.

И дал Бог завет живым: «Не будет больше истреблена всякая плоть водами и потопом». А знамением завета Своего Он послал Радугу. «И когда я наведу облако на землю, то явится Радуга в облаке, и Я вспомню завет Мой».

Как прекрасно: Радуга – символ Пути к Богу, символ Культуры!

Но помним ли мы, что означает появление Радуги на небе?

К сожалению, первым забыл о Радуге один из трёх сыновей Ноя – Хам. Увидев, как пьяный отец спит обнаженным, он позвал братьев, чтобы посмеяться над отцом. Однако те проявили благоразумие и накрыли отца, не взглянув на его наготу.

Тем не менее, нам досталась беда – антикультура в виде хамства.

* * *

Сколько бед натворила в нашей жизни история Вавилона.

Это был период ускоренной цивилизации: вместо камней для строительства люди изобрели кирпичи, и вместо извести начали применять земляную смолу.

Людьми овладела самость, гордыня, жажда славы. И начали

применять своё изобретение не для строительства храма, чтобы прославить бога, а для первого небоскрёба на Земле – башни высотой до Небес.

Вавилоняне первыми стали возвеличивать цивилизацию и унижать Культуру. Цивилизованное бескультурье – вот на чём строилась башня.

Возмутился Бог хамством вавилонян, и чтобы пресечь их неразумный порыв, единый для всех язык смешал так, чтобы один не понимал речи другого.

Так человечество потеряло общий для всех язык.

Это была первая культурная катастрофа, от которой до сих пор не можем оправиться.

Может быть, разгадаем тайну: почему люди свой город назвали Вавилон, что в переводе означает: Врата Бога?

* * *

У людей оказалась короткая память.

Они забыли, что причины без следствия не бывает.

Что же должно было произойти с жителями городов Содома и Гоморры, что они погрязли в безнравственности?

Пролил Господь на эти города серу и огонь с неба и ниспроверг их, истребил всех жителей.

А человечество унаследовало стыд и срам: содомский грех и гомосексуализм.

* * *

– Дети, дети, это ещё что?
– Метла!
– Зачем она нам?!
– Чтобы выметать!
– Что?
– Мусор из души!

* * *

Наши достойные предки с огромным усилием воли и духа создали Культуру, которой можем гордиться.

Но оставили недостойные предки антикультуру, которой нужно стыдиться.

Теперь наша очередь: что же мы передаём молодому поколению и что от нас достанется будущим поколениям – возрождённая и победоносная Культура или униженная, рядом с которой торжествует «цивилизованное одичание»?

Страх терроризма и насилия.

Опасность войн и мирового господства.

Мощнейшие средства разрушения и порабощения.

Сотни тайных лабораторий, где учёные от тьмы создают более чудовищные и коварные средства для порабощения человеческого разума.

Опасность, связанная со всё более возрастающими экологическими катастрофами.

СПИД – чума на долгие времена и, может быть, более опасная зараза, с которой не справятся люди ближайшие столетия.

Попустительство бездуховности и безнравственности, наркомании и алкоголизму.

Выхолощеные понятия свободы и демократии.

Загрязнённая и безнравственная речь.

Злоба. Зависть. Чувство самости. Хамство. Ложь. Предательство. Невежество. Суррогаты Культуры.

Всё это признаки нашего времени.

Культуре плохо, Культура задыхается.

Совместимы ли атомная и водородная бомбы, психотронное оружие, оружия, названия которых нам ещё не известны, с понятием Культуры?

Совместим ли автомат Калашникова с понятием Культуры?

Совместима ли рекламная агрессия с понятием Культуры?

Можно ли говорить: «культура массового поражения», «культура войны», «культура хамства», «культура насилия», «культура ненависти», «культура убиения», «порнографическая культура», «культура воровства» и т. д. и т. п.?

«Такое совместить нельзя!» – скажет любой, кто ещё сознаёт значение Культуры.

А Мудрец скажет: «Берегите Культуру. Она святыня народа, венец человечества».

* * *

Из Космических легенд Востока:

«Выше панацеи Культуры не знало человечество, да и не будет знать, ибо Культура – сумма всех достижений огненного творчества».

* * *

– Дети, дети, что вы ищете в нашем сундуке?
– Следы!
– Следы чего?
– Культуры!
– Зачем вам они?
– Так мы сократим дорогу к Свету!

* * *

Урок Николая Константиновича Рериха о величии Культуры.

Он – автор Всемирного Пакта о защите Культуры.

– Культ Ур – значит Почитание Света.

– Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества.

– Культура есть Красота во всём её творческом величии.

– Культура есть благоухание, сочетание Жизни и Красоты.

– Культура есть утверждение добра во всей своей действенности.

– Культура есть любовь к человеку.

– Культура есть сердце.

– Культура есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему нравственному и прекрасному.

– Культура постоянно покрывает новым, высшим куполом несовершенство вчерашнего дня.

– Красота и Знание являются основами всей Культуры, и именно они меняют всю историю человечества.

– Или Культура со всем её познаванием, или дикость, хотя была она прикрываема цивилизованными воротничками.

– Не мутный, туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произросло культурное просвещение.

Заключение: Понятие Культуры, по значению самого корня своего, устремляет к самоотверженному изучению, познанию и наслоению всех исканий, возвышающих сознание.

Задание: найдите ответ на вопрос – «Если не Культура, то что же?».

* * *

Урок Дмитрия Сергеевича Лихачёва о Культуре.

Он – автор проекта Декларации прав Культуры.

– Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации.

– Вне Культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла.

– Культура является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека.

– Человек принадлежит Культуре целиком, он пронизан ею, он с нею слит.

– Культура любого народа, определяя его духовную уникальность, выражая его творческие силы и способности, одновременно является достоянием всего человечества.

– Культура есть главный источник гуманизации человеческой истории.

– Культурное развитие и культурная солидарность в совокупности с экономической и политической интеграцией современного мирового сообщества является залогом толерантности, взаимопонимания и демократии, условием предотвращения войн и насилия.

– В условиях ускорения цивилизационных процессов и усиливающейся экспансии антигуманных явлений массовой коммерческой культуры под угрозой оказывается целостность культур различных народов мира и культурное развитие человечества в целом.

Задание: Вообразите человека, из которого выдавлена последняя капля Культуры; и вообразите человека, в котором пылает огонь Культуры.

* * *

Размышления после уроков.

«Пусть мыслится мыслимое» (это есть одна из десяти заповедей Дмитрия Сергеевича Лихачёва).

Культура есть проявление воли духа, потому в ней источник смысла жизни и для отдельного человека, и для общества, и для человечества в целом.

Культура – Солнце внутри нас.

Солнце есть свет и тепло.

Культура есть свет духовности.

Солнце подарили нам Небеса, подарил его Творец.

Культуру дарим мы Небесам, дарим её Творцу.

Накопления Культуры принадлежат Вечному.

Культура есть зов из будущего.

Однако что есть будущее?

Неужели человек и человечество только и должны ждать, когда наступит будущее?

Будущее ждать не надо, оно уже существует, оно в нас самих.

Человек Культуры не будет жить в ожидании будущего, а создаёт его сегодня, делает его настоящим. Для Культуры будущее – это не только календарный срок, когда, может быть, будет завершено строительство храма, чтобы потом там молиться, – а само строительство, идущее с молитвой и мыслью о храме.

Человек Культуры – Светоносец.

Народ Культуры – Факел.

Страна Культуры – Маяк.

А если вся Земля созидает Культуру, то она уже Звезда во Вселенной.

Звезда – иначе Образ Вечного.

* * *

Дорогие Коллеги!

Предложу Вашему вниманию восточную притчу, может быть, даже не одну.

Они о…

В общем, сами поймёте, о чём.

* * *

Три мыши приблизились к отшельнику.

Он сказал каждой из них:

«Ты поселилась в муке. Хотя запасов её хватит на весь род твой, но от этого ты не стала добрее…

Ты избрала местожительство в книгах и перегрызла немало их, но ты не стала образованнее…

Ты устроилась среди священных предметов, но не стала возвышеннее…

Право, мыши, вы можете стать людьми. Как люди, вы посрамляете данные сокровища».

* * *

Знаете, что я сделал, дорогие Коллеги?

Прочёл эту притчу детям и спросил: «Что скажете?»

И ещё раз убедился: дети приходят в этот мир, чтобы помочь взрослым вернуться на Путь Истины.

Вот что они мне сказали: «А вы воспитывайте нас так, чтобы мы не стали, как мыши».

Хочу, чтобы вы тоже убедились в моём предположении.

Вам понравилась эта притча?

Расскажу другую.

* * *

Три льва пришли к отшельнику.

Он сказал каждому:

«Ты только что умертвил путника, спешащего к семье…

Ты похитил единственную овцу у слепого…

Ты уничтожил коня важного вестника…

Можете, львы, стать людьми. Наденьте страшную гриву и начните войну. Не удивляйтесь, что люди окажутся более жестокими, нежели вы».

* * *

Тоже прочёл детям и сказал: «Говорите, что сердце подскажет».

Все говорили, обсуждали, осуждали взрослых, возмущались.

Одна девочка только слушала и молчала. А в конце расплакалась.

«Почему плачешь?» – обеспокоились мы.

И она сказала нам: «Мне жалко людей…»

* * *

Подарю ещё одну восточную притчу. Только прочтите, пожалуйста, её детям и послушайте, какие наставления они дадут нам.

* * *

Три голубя прилетели к отшельнику.

Он сказал каждому:

«Ты клевал чужое зерно и счёл его своим…

Ты утащил целебное растение и почитаешься священной птицей…

Ты прилепился к чужому храму и во имя суеверия заставил кормить себя…

Право, голуби, пора вам стать людьми. Суеверие и ханжество славно прокормят вас».

* * *

Вот так Восток объясняет нам, как мы можем выглядеть, потеряв Культуру.

* * *

Как чувствует себя Культура?

Слово «культура» в современном обществе, конечно, используется широко. Но не в своем оновном значении, не в значении устремлённости к Свету, а в значении вещей, развлечений, времяпрепровождения, амбиций, самости, в смысле «рыночной экономики». Слово «культура» принуждают обслуживать явления, которые есть ее суррогаты.

Культуре сегодня плохо, она унижена, к ней относятся без трепета и даже подменяют словом «цивилизация».

Цивилизация возвеличивается, Культура унижается.

Так же, как возгордившись своим знанием выжигать кирпичи, вавилоняне бросили вызов Богу.

Но Культура отражает дух, она – проявление воли духа. А цивилизация представляет только материю.

Надо укротить цивилизацию для её же пользы.

Цивилизация, как ребёнок, который впервые зажёг спичку и, восхищённый своим упехом, готов предать огню всё вокруг.

Она – тот ученик, который научился грамоте и считает, что учитель ему больше не нужен.

Она – тот юноша, который свой первый пушок на подбородке принимает как знак своей зрелости и мудрости.

Она – тот кузнец, который точит всем желающим сабли и ни разу не задумывается, что люди будут ими рубить.

Цивилизация – тот материалист, который верит только самому себе, ибо все остальные врут.

Цивилизация – тот учёный, который изобретает взрывные

устройства с кнопками «пуск», но без кнопок «опасно».

Цивилизация – тот актёр, который радуется, что устремляет зрителей к больному воображению.

Цивилизация – тот культурист, который демонстрирует свои гипертрофированные мускулы ради того, чтобы сорвать аплодисменты у безалаберной толпы, а потом не знает, как избавиться от уродливости своего тела.

Чем сильна цивилизация?

Средствами соблазна, растления.

Средствами влияния на низменные чувства людей, особенно молодёжи.

Средствами манипулирования сознанием общества и отдельного человека.

«Бери от жизни всё!» – говорит она на каждом перекрёстке, на площадях, на рынках.

И в её шуме тонет мудрость Культуры: «Отдавай жизни всё».

* * *

– Дети, дети, здесь много развлечений!
– Развлечение не есть устремление!
– Мы устали, нам нужен отдых!
– Отдых не есть созидание!
– Что же нам дальше созидать? Всё уже создано!
– Созидать нужно самих себя!

* * *

Надо усмирить сорвавшуюся с цепи цивилизацию, пока она не стала совсем бешеной. Вот тогда придет уже непоправимая беда – мы по уши будем втянуты в общество «цивилизованных дикарей».

«Это будет особый вид дикарства, овладевшего научными инструментами», – так сказал Мудрец.

Надо усмирить цивилизацию, но не смирительной рубашкой, которую она сама изобрела, а с помощью лучших средств Культуры: Верой, Надеждой, Любовью. Надо спокойно и вразумительно объяснить, что мы в ней очень нуждаемся. Но Культура важнее. Цивилизация не выше Культуры, она инструмент в руках Культуры. Цивилизация должна входить в мир не сама по себе, а через Культуру: она облагородит цивилизацию, сделает её чуткой, любящей, отзывчивой,

освободит её от суррогатов Культуры, от всего ложного.

Не цивилизация, а Культура должна властвовать в нашей жизни.

Не сегодня, так завтра эта цивилизация исчерпает себя, уйдёт из жизни. Но Культура вечна. Со временем она будет больше сиять, будет рождать всё новые и новые цивилизации.

Нам нужно воспитывать детей в Культуре.

Пусть цивилизация помогает, а не мешает.

Вообразим только, какими станут сознание и жизнь людей, если

телевидение,
радио,
газеты,
журналы,
интернет,
если все виды искусства –
театр,
балет,
кино,
музыка,
литература,
живопись
окажутся под доброй волей их матери – Культуры!

У нас растут дети.

А Мудрец не устаёт напоминать:

«Нельзя продолжать воспитывать новое поколение на суррогатах Культуры. Всякий суррогат есть ложь, но лживые основы не могут явиться устоями, и потому разрушение и самоистребление неминуемо».

* * *

Дорогие Коллеги!

Осмелюсь предложить Вам «новое» понятие: «педагогическая философия Культуры». Я имею в виду попытку философского осмысления Культуры с точки зрения воспитания и образования.

Посмотрите, пожалуйста, что у меня получается. Если обнаружите какие-либо несоответствия, прошу Вас, не удивляйтесь, ибо сказано: «Все учения древности указывают на необходимость вмещения противоположений, ибо сама жизнь соткана из таких кажущихся противоречий».

Итак, «пусть мыслится мыслимое».

Культура есть не существительное, а глагол.

Культура есть не свет, а почитание Света.

Культура есть не заброшенный храм, а забота о нём.

Культура есть не Путь, а созидание Пути к Свету.

Мои ученики стоят в музее перед шедевром живописи. Что я им скажу? «Смотрите на Культуру», или «Это есть часть Великой Культуры»?

Нет, картина эта не есть сама по себе ни Культура, ни часть Культуры.

Покажу своим ученикам памятники архитектуры, поведу на концерт симфонической музыки, дам почитать Достоевского. Что я при этом им скажу – что они соприкасаются с Культурой?

Я не хочу путать Культуру с ценностями Культуры.

Ценности Культуры, какого бы рода они ни были, есть существительные Культуры.

А сама Культура есть особая, самая возвышенная Жизнь, независимо от того, протекает она во внутреннем или во внешнем мире.

Культура есть деятельное, созидательное, творческое состояние Духа. Она есть отношение к ценностям Культуры и, вообще, отношение ко всяким явлениям духовного и материального миров.

Потому в музее, находясь перед шедевром живописи, я постараюсь обратить внимание моих учеников на собственные чувства, мысли, на те импульсы, которые они переживают в себе. Попытаюсь вызвать в них собственные оценки, помогу тоньше чувствовать и смотреть, то есть, проявить свое отношение. Вот эта деятельность Духа и есть Культура.

Ведь, чтобы что-либо стало ценностью Культуры, надо, чтобы наиболее развитые люди, а потом и многие другие, назвали его ценностью Культуры. Это не та оценка, что на аукционах, это духовная оценка. Известно множество случаев, когда какое-либо произведение искусства, творчество какого-либо художника долго не воспринимались как высшие ценности, как высшая Красота, а потом, иногда спустя десятилетия и более, приходило признание.

Где нам искать Культуру? В непризнанном пока шедевре и художнике или в процессе от непризнания к признанию, который протекалв людях? Именно этот процесс, как путь людей-ценителей к восхождению, и есть Культура.

Культура и ценность Культуры – две стороны единого целого.

Культура есть устремление, а ценности Культуры есть утверждённые ступеньки, которые творятся в процессе устремления. Со своей стороны, ценности Культуры могут ускорить устремлённость, совершенствовать её качество,

предупреждать о ложном.

Ценности эти служат напоминанием о том, чем мы можем гордиться, к чему мы должны стремиться, о чём нам следует заботиться, от чего не следует отступать. Они – символы мощи Духа, олицетворения Красоты, Чести и Достоинства земного бытия Духа. Они служат рождению образов, настраиванию их на созвучие, расширению сознания, утончению чувств и нравов.

Есть только одна мера качества или уровня Культуры – устремлённость человека к Высшему.

* * *

Три человека тащат камни на стройку.
Один делает это потому, что так сказали.
Другой потому, что зарабатывает кусок хлеба.
Третий потому, что строит храм.

* * *

Это есть разные качества устремлённости и потому разные уровни Культуры в каждом из них.

Если человек устремлён к самоусовершенствованию средствами внутреннего и внешнего миров, он человек Культуры.

Если же нет такой устремлённости, то этот человек не есть человек Культуры, и можно найти много других понятий, чтобы назвать его иначе.

Сила Культуры – в духе нашем.

Воспитание Культуры связано именно с устремлённостью к Свету. Без этой идеи воспитание Культуры преобразится в обучение ценностям Культуры. Однако знающих много, но воспитанных мало.

* * *

– Дети, дети, что вы нашли в нашем сундуке?
– Книгу. Откуда она здесь?
– Она нам досталась от прадеда!
– Вы читали её?
– Зачем? Она старая!
– Как может быть книга старой, если в ней Благая Весть?

* * *

Вот какую Благую Весть для вас я вычитал из одного мудрого источника – Живой Этики:

«Можно радоваться, что сущность человека устремлена к усовершенствованию. Сам он часто не хочет замечать этот недремлющий импульс. Человек даже пытается противиться лучшим побуждениям, но где-то глубоко в недрах „чаши“ уже сияет зародыш зерна Культуры. Рано или поздно зерно прорастёт, и поэтому каждый человек уже несёт в себе частицу общечеловеческого».

Давайте глубже разберёмся, чему именно мы можем радоваться.

Мы – это учителя, воспитатели, наставники, родители, все, кто имеет дело с воспитанием и образованием. Ибо в понятии «человек» мыслится не только взрослый, но и маленький.

Мы можем радоваться.

Первое. Тому, что в недрах «чаши» души Ребёнка изначально уже сияет зерно Культуры.

Значит, Ребёнок не обречён, человечество не обречено.

Второе. Тому, что сущность Ребёнка устремлена к совершенствованию.

Значит, устремлённость к Свету есть естественное состояние его Духа, состояние Духа всего человечества.

Третье. Тому, что импульс к совершенствованию недремлющий.

Значит, в любом удобном случае он может прорваться и проявиться.

Четвёртое. Тому, что рано или поздно зерно Культуры прорастёт.

Значит, Культура непреложная судьба наша.

Пятое. Тому, что Ребёнок уже несёт в себе частицу общечеловеческого.

Значит, у человечества есть надежда на согласие, на мир, на единение.

Как не удивляться и не радоваться таким дарам прозрения Культуры, которые изначально присутствуют в каждом из нас, в каждом Ребёнке!

Получается, что не надо прививать Культуру Ребёнку, а надо развивать, взращивать и воспитывать, надо в нём образовывать её.

Скажем о себе, о взрослых тоже: каждый из нас при старании, при устремлённости может развить в себе имеющееся в «чаше» зерно Культуры.

Оно не сохнет там, оно живое и ждёт зова и пробуждения.

В чём же тогда наша проблема?

Оказывается, проблема весьма сложная: мы, взрослые, не хотим замечать в себе Божий Дар! Зерно Культуры постоянно посылает нам импульсы, напоминает о себе; но мы часто остаёмся слепыми к искрам от «чаши». Более того, если даже ощущаем подобные импульсы, то противимся им, этим вестникам Света. То есть, предпочитаем оставаться в невежестве вместо того, чтобы собрать в себе всю армию великих сил и направить на спасение Культуры в себе, на спасение самих себя.

И грешно, и обидно.

Если это было бы не так, а наоборот, то зерно Культуры росло бы в нас свободно. Это бы означало процветание личности, процветание человечества. Исчезли бы многие проблемы.

Разве есть у нас проблемы: как дышать, как пить, как есть, как открывать глаза? Их нет, потому что мы не сопротивлялись их проявлению.

Пробуждение и развитие зерна Культуры повлияло бы на исчезновение или смягчение остроты многих проблем, которые мучают нас сегодня. Назвать некоторые из них?

Невежество.

Сквернословие и скверноречие.

Бездуховность и бездушие.

Пороки всякие.

Злоба и ненависть.

Недоверие.

Насилие.

Войны и разрушения.

Убийства.

Страсть к наживе.

Страсть к власти.

Наркобизнес.

Предательство.

Национальная рознь.

Фашизм.

Лжекультура.

Лжепророки.

Беспризорность.

Умножьте их на сто, на тысячу, и мы получим картину нашей действительности.

И всё это потому, что не замечаем или даже отгоняем от себя лучшие побуждения, идущие от «чаши».

Получается, что самый ярый враг человека – он сам.

Всё это о взрослых.

Ребёнку ещё можно простить. Он, может быть, и не сопротивляется своим лучшим побуждениям, может быть, и старается следовать им. Но ведь нужно, чтобы рядом была Культура, были люди, возвеличивающие Культуру. Если вестник Света – Ребёнок – не соприкоснётся с людьми Культуры, а соприкоснётся с бескультурьем, то он оглохнет, ослепнет к Культуре. Сияющее зерно Культуры покроется мраком. Подрастёт ребёнок и станет таким же бездуховным, каких много среди нас.

Вот какой грех, какая беда!

И какая неотложная для нас забота!

* * *

Дорогие Коллеги!

Мы же чувствуем и видим, что в мире происходит что-то неладное, и потому тревожимся.

Мы наслышаны об атлантах и Атлантиде.

Далека ли от нас эта трагедия?

Может быть, прошедшие с тех пор тысячелетия есть наша защита?

Бывает так: трагедия одного поколения, иногда даже одного человека, защищает последующие поколения, если только они извлекут преподанный им урок и будут следовать законам мудрости.

А если нет?

Не извлекли урок наши отдалённые предки – они быстро забыли об атлантах. И напоминание об этом тоже остаётся без отклика.

Вот что говорят сегодня те, кто знает, о чём говорит:

«Настоящее время отличается потрясением нравственности.

Нахождения науки разошлись с бытом, получается особый вид дикарства, овладевшего научными инструментами…

К сожалению, настоящее время совершенно соответствует последнему времени Атлантиды. Те же лжепророки, тот же лжеспаситель, те же войны, те же предательство и духовное одичание…»

Пожалуйста, дорогие Коллеги, следите дальше за каждым утверждением и делайте свои выводы.

«У нас гордятся крохами цивилизации.

Так же точно атланты умели промчаться над планетой, чтобы скорее обмануть друг друга.

Так же осквернились храмы, и наука сделалась предметом

спекуляции и раздора.

То же самое и при строительстве, точно не дерзали строить прочно!

Так же восставали против Иерархии и удушались собственным эгоизмом.

Так же нарушали равновесие подземных сил и вызвали взаимными усилиями катастрофу».

Теперь обломки бывшей бескультурной цивилизации покоятся на дне океана.

Неужели с нами может произойти нечто такое, что случилось с атлантами?

Будем думать о лучшем.

Но зачем забывать мудрость: «Бережённого Бог бережёт?»

Где спасение?

В Культуре!

Во всеобщей Культуре!

Нет иной панацеи для человечества, чем Культура.

* * *

Благая Весть обнадёживает нас: «Рано или поздно зерно Культуры прорастёт».

Прорастёт само собой? Нам ждать?

И что значит – рано или поздно?

Почему именно не рано, скажем, так же, как научается Ребёнок родной речи в раннем детстве, научается как бы сам по себе? В раннем детстве научается ещё и ходить, тоже как бы сам по себе. Овладевание этими высшими человеческими способностями практически протекает мгновенно, а не рано или поздно.

Психологи скажут нам: «Что вы хотите? Ведь речь и умение ходить на двух ногах есть проявление Культуры? Значит, Культура уже вырастает в Ребёнке. Также в раннем детстве он осваивает различныее знания, умение читать, писать, считать. Всё это ведь проявление Культуры? Зерно Культуры не дремлет!»

Вроде бы всё правильно.

Но если считать, что Культура есть глагол, а не существительное?

Ребёнок овладевает речью, а потом начинает сеять с помощью речи раздор, оскорбления, грубость, ложь… Речь лишь инструмент Культуры, а не сама Культура. А Культура заключается в духовном прозрении, когда через речь несем другим радость и успокоение, передаем знания и призываем

к Свету. Речью надо очищать свой духовный мир.

Есть говоруны, крикуны, насаждающие безобразие и раздор.

Он научается ходить, а потом спешит разрушить, обидеть, захватить, напасть. Ходьба на двух ногах лишь инструмент Культуры, но не сама Культура. Ходить нужно, чтобы подоспеть помочь, принести облегчение, созидать. Какой смысл иначе этому умению? Есть двуногие, в которых культура покрыта мраком.

Нам нужно, чтобы Культура не задержалась в ребёнке.

Позднее прорастание Культуры тоже неплохо. Лучше поздно, чем никогда. Но раннее проявление Культуры, конечно, было бы куда лучше!

* * *

Да, усложняется наша педагогическая жизнь.

Говорит нам Мудрец: «Не может слагаться Культура мгновенно».

Как же тогда быть?

«Нужно собирать фокусы жизни, таким образом накопляется то качество, которое называется Культурой… Как инструментам оркестра, явлениям жизни также требуется настройка».

Как это так?

Собирать жизнь в её разных ракурсах!

Настраивать явления жизни!

Кто должен собирать и настраивать?

Пусть делает это сам ребёнок по мере своего взросления!

Пусть займётся этим сам, будучи взрослым!

Это не наше дело – заниматься воспитанием Культуры!

Это так сложно, так сложно!.. Мы не управимся…

…Ой, простите, что это на меня нашло!

Сами собой только сорняки вырастают.

А за Культурой надо ухаживать.

И речь не возникла в ребёнке сама собой, и ходить тоже он не научился сам. Была среда, были воспитатели, и уже их присутствие в жизни ребёнка, именно присутствие стало для него образовательным миром. Сказано: оторви Ребёнка от внешнего мира, и он очень скоро станет полным идиотом.

Кому же, если не нам, дорогие Коллеги, воспитывать культуру?

Сравните:

Культура означает Почитание Света.

Учитель означает Светоносец.

К какому же выводу можно придти?

Он такой: воспитание Культуры есть судьба учителя.

Мы обязаны найти в себе мудрость, чтобы явления жизни учителя настраивались как инструменты оркестра.

* * *

– Что за непослушные дети!

– Что за непонятливые взрослые!

* * *

Взрослые думают, что дети рождаются для того, чтобы их воспитывать, наставлять и направлять на Путь истинный. И полагают, что сами уже воспитаны и стоят на этом Пути.

Но им лучше было бы мыслить наоборот: дети приходят в мир земной, чтобы исправить то, что извратили взрослые.

К каждому взрослому приставлен ребёнок, а то и армия детей, которым поручено помочь взрослому вспомнить, кто он есть. То, что взрослые заботятся о детях, а дети создают взрослым проблемы, – это и есть помощь, это и есть невидимая водящая рука детей.

Почему дети так себя ведут?

Потому что сами взрослые ведут себя по-другому!

Взрослым надо понять, как себя вести, чтобы явления их жизни фокусировались в ребенке, в котором стягиваются и плавятся крупицы Культуры.

Но разве все взрослые это понимают?

Тем не менее – воспитывают.

Ругают детей, недовольны ими.

Плохо, что дети не слушаются, самовольничают, грубят, хулиганят, курят…

Такое поведение детей, конечно, одобрять нельзя.

Но это же следствие! А причины, которые их породили, в чем они кроются?

Они во взрослых.

Как сами взрослые ведут себя?

Сказать, что ведут они себя хуже детей, будет неправильно.

Дети, чьим поведением мы недовольны, ведут себя так, как взрослые. А взрослые ведут себя плохо. Ну, речь идёт, разумеется, не обо всех взрослых, но и не о единицах.

Они воспитывают детей, забыв о сердце. Это хорошо?

Дают наставления, а сами нарушают их. Допустимо?

У кого дети учатся лгать? У взрослых, у кого же ещё!

У кого они учатся хамить? Опять у взрослых.

Кто их заманивает в порочную сеть? Взрослые.

Это о мире взрослых говорят, что в нём расцветает коррупция, взяточничество, подлость, бездуховность. В общем, бескультурье.

Это всё у взрослых.

Ну, как, хорошо ведут себя взрослые?

Но они же воспитывают детей?!

Дети вначале сопротивляются взрослым. Пока есть силы, пока они ещё улавливают в себе лучшие побуждения, они, дети, напоминают взрослым, что нельзя сворачивать с пути.

Делают они это с помощью доступных им искренних средств: непослушанием, упрашиванием, мольбой «не надо», криком, плачем, уходом из дома, правонарушением, а то и суицидом, чтобы наказать виновного взрослого.

Взрослые редко догадываются о протянутой с Небес детской водящей руке и хватаются за неё обеими руками. И тогда Культура торжествует.

Обычно же взрослые, находясь в плену своего эгоизма и самости, поддаваясь раздражению и гневу, отвергают небесную детскую руку помощи, и тогда рушится вся педагогика, рвётся связь между Небом и Землёй.

Культура страдает, стыдится невежества взрослых.

А закон неумолим: Культура воспитывается Культурой.

* * *

Дорогие Коллеги!

Сможем ли мы с Вами объять необъятное?

Таким необъятным является воспитание Культуры.

Наши старания не приведут нас к знаменательному успеху, но попытка будет благородна. Даже ошибки, которые мы можем допустить в этом поиске, будут благословенны.

Это потому, что мы открываем врата.

Нам нужно будет, как пчёлам, собирать каждую крупицу опыта и возводить образование как очаг Культуры.

Может быть, стоит высекать на наших щитах закон:

Культура есть

Сущность,

Дух,

Смысл,

Причина,

Истина,
Свет,
Путь воспитания и образования.

* * *

Как же мне самому помогали, как меня воспитывали и образовывали? Как получилось, что явления моей жизни слагались и до сих пор преломляются то в одном, то в другом ракурсе, и каждый раз получаю импульсы, которые, как я полагаю, двигают мою Культуру?

Думаете, я обнаруживал эти импульсы и мог назвать, когда, что и как происходило?

Нет, раньше этого не было, и даже сейчас я с трудом их улавливаю. Мой духовный опыт не может опровергнуть закон, который определил Мудрец:

«Овладение Культурой происходит незаметно».

Может быть, педагогика воспитания Культуры тоже должна быть такая – прозрачная, незаметная, тонкая, идущая от сердца, от чувствознания? Может быть, она должна быть скорее импульсивной, когда вовсе и не думаешь, что занят воспитанием Культуры, а последствия получаются именно такие?

Эти суждения ведут нас к выводу о том, что *естественный и истинный процесс воспитание протекает тогда, когда и воспитатель не думает, что воспитывает, и воспитанник не чувствует, что его воспитывают, но этот процесс всё же свершается.*

* * *

Во всяком случае, моя бабушка, точно знаю, совсем не думала о каком-либо воспитании, когда по вечерам, перед сном, усаживалась у моей кровати и начинала читать молитву. Я смеялся и говорил: «Бабушка, а где Бог? Нет Бога!» А она отвечала мне без возмущения: «Не говори так, сынок, Бог есть!», и продолжала нашёптывать молитву. А молитва была такая, что я её помню до сих пор и порой сам нашёптываю её своим внукам.

Ляжешь и заснёшь,
Перекрестишься.
Девять икон с девятью ангелами
Справа от тебя упокоятся.
Благословляют тебя

Крест и Распятый на Кресте.
Пусть Святой Георгий
Сразит сатану и искусителя.
Кто или что тебя напугало:
Прохожий,
Собачий лай,
Вой волка
Иль искуситель?
Пусть гнев Святого Георгия
Обрушится на них всех.
Не бойся, сердце,
Вернись в своё гнездо.
Бог мой Всемогущий,
Храни моего внука
Под своим покровом,
Дай ему сон и спокойствие,
Господи!

Бабушка оберегала меня от злых сил, трижды повторяя молитву.

Были ли молитвы бабушки явлениями в моей жизни?

Конечно, были, они такими и остались до сих пор.

В чём я улавливаю смысл фокусирования явлений в моей жизни?

Может быть, в том, что бабушка любила меня, а мне нравился её шёпот перед сном?

Этот жизненный фокус был неведом нам обоим.

А потом, спустя десятилетия, в нём слились, как мне представляется, и другие явления, что незаметно для меня приближало мою душу к вере. Но эта была не та вера, которую якобы привили мне в раннем детстве при крещении, а вера сознательная, та вера, которая есть часть Культуры. Только не спрашивайте, пожалуйста, меня, когда именно я осознал в себе веру, ибо мне теперь кажется, что она была во мне всегда.

Объяснил ли я этим рассказом что-либо в связи с воспитанием Культуры?

* * *

В военный госпиталь приехал ансамбль песни и пляски сельской школы, чтобы подбодрить раненых.

«Ааа-са… оо-па…» – кричал бодро самый маленький танцор. И так как не все раненые могли встать и выйти в коридор, где проходил концерт, мальчик в папахе вбежал в палату, кружась

и размахивая кинжалом. И, воткнув кинжал в пол, сорвав с головы папаху, бросился на колени перед недвижно лежавшим солдатом. Потом встал и низко ему поклонился. Тот посмотрел на мальчика заворожено, пальцем подозвал к себе. В глазах у него были слёзы. Он взял руку мальчика и вложил в неё кусок сахара.

«Спасибо!» – прошептал он.

Крупные слёзы медленно пробирались по его щекам.

Думал ли тогда тяжелораненый солдат о воспитании мальчика?

Вряд ли.

Шли десятилетия. Мальчик стал взрослым. Но постоянно прокручивал в душе это явление жизни, осмысливая его с разных сторон. Думал то о куске сахара, то о слезах солдата, то о его жизни, то упрекал себя, что не спросил имени.

Образ солдата возникал в нём, скромное, ненавязчиво участвуя в его духовной жизни. Но образ каждый раз всё расширялся, вбирал в себя, фокусировал, другие явления жизни и наполнялся особым смыслом. Образ этот не раз уравновешивал его взрослую жизнь, звал к состраданию, сочувствию, к пониманию красоты человеческой души.

Мальчик-танцор был я, а случай этот из моей жизни произошел в 1942 году.

Духовный мир каждого из нас неугомонен. Жизнь в нём течёт в тысячу раз быстрее, чем жизнь внешняя. И хотя мы владеем сознанием и волей, тем не менее, лучшие побуждения остаются незамеченными или улавливаются с трудом. Но если мы твёрдо будем верить, что они есть и посещают наш внутренний мир, настроим наши сердца принимать их и следовать им, то этот незримое движение к самосовершенствованию будет непрерывным.

* * *

– Дети, дети, что вы нам принесли?
– Зрение!
– А что нам надо узреть?
– То, что внутри вас!
– А что внутри нас?
– Безобразие!

* * *

Время и жизнь!

Как легко взваливать на время и жизнь свои неудачи.

Но нам это не к лицу.

Нам – это учителям, воспитателям, наставникам; мы – особое сословие, мы – надобщественное явление, мы – водители общества, художники жизни.

Время, жизнь и Культура Образования!

Культура Образования не в том смысле, чтобы возвести руки к небу, выразить на лице негодование и беспомощно воскликнуть: «Что происходит, а?! Что происходит?!»

Недовольство временем и обстоятельствами жизни должны стимулировать наши порывы к лучшему.

Пусть возмущается наш дух, но это должно означать: мы не согласны ни со временем, ни с жизнью, если они несут разложение.

Мы их будем менять.

Мы будем перетягивать будущее, в котором наше воображение рисует всю красоту и мощь Культуры. Эти старания и будут Культурой Образования, это и будет воспитанием Культуры.

* * *

«Наше время – время крушения государства, полного развала жизни, его обнажённого цинизма, проявления величайших преступлений и жестокости. Время, когда пытка находит своё этическое обоснование, а преступления вроде Варфоломеевской ночи выставляются как идеал…»

Я прерываю цитату, чтобы спросить Вас, дорогие Коллеги, знакомо ли вам это время? Сравните, пожалуйста, эти характеристики с тем, что происходит вокруг нас.

Только учтите, пожалуйста, что здесь речь идёт о времени почти столетней давности.

Записал эти мысли в своём дневнике Владимир Иванович Вернадский в 1920 году.

Возьмём с него пример: он не жалуется кому-либо о безобразиях своего времени, но оценивает их с той целью, чтобы знать, как восстать против них, на что опереться.

Теперь я продолжу прерванную мысль.

Это же самое ужасное время

«…вместе с тем есть время

сильного,
искреннего,
полного и
прекрасного
подъёма духа…»

* * *

Простите, пожалуйста, опять прерву цитату.

Хочу вместе с вами задуматься: не наблюдаем ли мы в наше необлагороженное время такой же прекрасный подъём духа?

А мы-то кто?

Какие времена наступили в мире Образования?

Сложные времена!

Это есть время –

усиления авторитаризма и административного насилия в Образовании, коварства материальных благ и расслоения детей из бедных и богатых семей;

пристрастного деления детей на развитых и малоразвитых,

на воспитуемых и трудно воспитуемых,

на обучаемых и трудно обучаемых;

это время усиления агрессии и жестокости взрослых против детей;

время бума детских суицидов и смертности;

это время государственного лицемерия, когда рождение каждого ребёнка покупается за деньги, а улицы переполняются детьми беспризорными;

это время развала семьи и умножения семейных трагедий;

время, когда сотни тысяч детей, отброшенных миром образования, превратились в бомжей и успешно пополняют мир криминала;

это время, когда наркомания среди детей и молодёжи, детский алкоголизм, курение, детская проституция, детская жестокость, торговля детьми ужасают;

это время возрождения национальной ненависти и фашизма среди молодёжи;

это время бездетной педагогики;

время господства бездушных и разлагающих сознание тестов и так называемых ЕГЭ (единых государственных экзаменов);

это время унижения учителя, обесценивания самой важной для общества профессии педагога;

это есть время унижения родного и возвышения чужого;

это есть время бездуховности в образовании;

время, когда Культура становится в тягость…

Это всё есть.

Но вместе с тем это есть время

«сильного,
искреннего,
полного и
прекрасного
подъёма духа».

Подъём духа есть внутренняя сила общества, сила Культуры.

Подъём духа среди учителей и воспитателей есть утверждение Культуры Образования, в котором процветает педагогический гуманизм.

* * *

Один старец призвал своих учеников и показал им лист чистой бумаги, в середине которого была проставлена чёрная точка.

– Что вы здесь видите? – спросил старец.

– Точку, – ответил один.

– Чёрную точку, – подтвердил второй.

– Жирную чёрную точку, – уточнил третий.

И тогда их любимый учитель сел в углу и заплакал.

– Скажи нам, отче, о чём ты так горько плачешь? – удивились ученики.

– Я плачу о том, что все мои ученики увидели только чёрную точку и никто из них не заметил чистого белого листа…

Это есть восточная притча.

* * *

Вы помните о прерванной цитате?

Продолжим её. Владимир Иванович Вернадский далее в своём дневнике пишет:

> *«Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклоняется, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей…»*

Поспешим задать вопрос великому учёному: «Нельзя ли отложить заботу об образовании на потом, когда наступят лучшие

времена? Да где искать нам столько сил, чтобы воспротивиться насилию времени?»

Вот что он скажет нам:

«Где искать опоры?
Искать в бесконечной силе духа.
Нельзя
отложить заботу
о великом и вечном
(это он об образовании – „великое и вечное“)
на то время,
когда будет достигнута для всех
возможность удовлетворения своих элементарных нужд.
Иначе будет поздно.
Мы дадим материальные блага в руки людей,
идеалом которых будет – „хлеба и зрелищ“.
Есть,
пить,
ничего не делать,
наслаждаться любовью…»

Простите, дорогие коллеги!

Вновь прерываю мысль, чтобы насторожить Вас: будьте далее особо внимательны, ибо задеваются наши Честь и Достоинство, наша педагогическая Совесть.

Итак:

«…Неужели учитель
может удовлетвориться,
когда он будет воспитывать
Скалозубов,
Молчалиных,
жадных до денег банкиров,
обжор,
эгоистов?!»

Что же нам остаётся?

Вот что: сказать хором, с чувством подъёма духа:

– Нет, нет, нет!.. Мы – учителя Культуры! Мы не можем совершить предательства!

Преданность учителя Свету есть источник Культуры образования.

Культура Образования не зависит от времени и обстоятельств, от условий жизни. Она зависит только

от Совести учителя.

* * *

Нелья отложить заботу о великом и вечном.

Нельзя допустить такое, какие бы ни были времена и нравы…

– Ребята, найдите поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре!» – сказала пожилая учительница, мудрая и добрая, своим ученикам.

Любовь к учительнице заставила каждого искать книгу. Было трудно, но сделали.

– Будем читать и размышлять! – сказала она на второй день.

Читали день, читали два…

Читали в течение полугода…

Читали до последнего дня учебного года.

Читали медленно, размышляли.

Перечитывали, углублялись.

Читали и влюблялись в героев.

Читали и восхищались мудростью.

Читали и впитывали возвышенную речь.

Философствовали о духовности.

Писали сочинения, научные статьи.

Выпускали номера рукописного журнала «Нестан и Тариэл».

Устраивали симпозиумы и конференции о мудрости, о прекрасноречии Руставели.

Жили поэмой, жили в духе рыцарства, дружбы, возвышенной любви, преданности.

Жили мыслями о подвиге.

Расширялась душа «лучшими побуждениями».

Кипела духовная жизнь, в ней прекрасные образы слагались в мировоззрение.

По коридорам школы шествовали утверждённые и строгие программы и учебники.

В них возвеличивалось грубое, материалистическое сознание, идеология.

В них утверждался культ вождя.

А в классе расцветала другая жизнь – она утверждала культ Культуры.

Вера. Духовность. Свобода. Мысль…

На улице стоял 1948 год.

В классе жила Вечность.

А Учителя звали Варвара Вардиашвили.

С тех пор «Витязь в тигровой шкуре» не расстаётся со мной.

Дорогие коллеги!

Вы можете не бояться меня.

Не бояться ни одного грузина, который пропитан духом «Витязя». Из них ни один никогда не сможет стать предателем, преступником, человеком без совести. Ибо в них Культура «Витязя в тигровой шкуре».

Эта поэма – Пятое Евангелие для грузина.

Хотите, прочитаю Вам строки из поэмы?

Послушайте, пожалуйста…

Постскриптум. Откуда-то берутся «министры» великого и вечного, которые скажут нам, что уже не время учить в школе «Витязя в тигровой шкуре», «Евгения Онегина», «Войну и мир»… Кто-то очень старается денационализировать Образование, то есть объявить его вне национальной Культуры.

Вы пойдёте за такими министрами?

Вы подчинитесь их приказу?

А я, по-вашему?

* * *

– Дети, дети, там опасно!
– Но надо пройти!
– Вы можете упасть в пропасть!!
– Но надо пройти!!
– Вы не боитесь?!
– Но надо пройти!!!
– Тогда пустите нас вперёд!
– А вы не боитесь?!
– Но ведь надо пройти?!

* * *

Я улавливаю в себе одно хрупкое обобщение.

Позвольте передать Вам его в виде притчи.

Было два брата – добрый и злой.

И было у них поле. Решили посеять пшеницу.

Встал добрый брат утром рано, взял из амбара мешок зерна и, восхваляя и благославляя песней землю, посеял. Поняла земля песню человека и приняла каждое зёрнышко.

После полудня злой брат тоже взял мешок зерна, ибо не знал, что брат уже посеял и, проклиная землю и труд крестьянина, разбросал в поле семена. Земля не поняла злобу

и неблагодарность человека и отвергла каждое семя.

Настало время, пришли братья в поле и увидели богатый урожай.

– Это мой посев! – с гордостью воскликнул злой брат.

Но добрый брат ничего не сказал, он был рад богатому урожаю.

Земля – это дети.

Братья – это учителя и воспитатели.

Зёрна – образы, которыми взрослые наполняют духовный мир детей.

Мораль: мы – сеятели в духовном мире ребёнка, а сеять нужно с любовью.

* * *

– Взрослые, взрослые, вы знаете мудрость, как ходить над пропастью?

– Как?

– Красиво!

– Почему?

– Чтобы забыть о страхе. Да ещё ходить нужно с верою.

– Почему?

– Чтобы выросли крылья. Да ещё смотреть нужно не в пропасть, а в небо.

– Это ещё зачем?

– Чтобы в случае чего взлететь ввысь!

* * *

Дорогие Коллеги!

Осмелюсь ещё раз напомнить вам о педагогической философии Культуры. Нам нужен свой взгляд о настраивании явлений жизни как инструментов оркестра. Как уже знаем, именно в этой деятельности духа развивается Культура.

Попытаемся изложить этот взгляд в виде основных постулатов и сделаем это безо всяких претензий на открытие.

Первый постулат.

Существует два мира, в которых выражается наше человеческое бытие.

Это мир материальный, иначе, мир внешний, и мир духовный, иначе, мир внутренний. Также существуют соответственно формы жизни: жизнь в материальном мире

и жизнь в духовном мире (духовная жизнь).

Жизнь в материальном мире есть внешняя, проявленная часть жизни духовного мира. Духовная жизнь многократно богаче, многограннее и многомернее, чем жизнь в материальном мире. То, что свершается в материальном мире в качестве разного вида деятельности и его продуктов, есть проявление воли духа человека.

* * *

Второй постулат.

Внешний мир населён людьми и всеми теми сущностями, которые создала Природа, сотворил Творец. Этот мир богат многообразными формами материи. Человек, общаясь с другими людьми, занимаясь творчеством и трудом, преобразовывает материальный мир, создаёт в нём новые формы.

Внутренний мир населён образами и явлениями жизни (назовём последние тоже образами). Образы возникают в нём из двух источников: из внутренних и внешних. Нам будет трудно разграничивать образы по источникам, указав на одни, как родившиеся из внутреннего источника, и на другие, которые привнёс внешний источник. При старании, видимо, такую работу с большей или меньшей точностью можно проделать. Но для нас не это главное. Важнее то, что внутренний мир имеет своих «жителей», и он постоянно пополняется. Так как образы внутреннего мира ведут себя в какой-то степени самовольно, часто помимо нашей воли и нашего сознания, то можно сказать, что они наделены неким разумом, они живые и разумные сущности нашего духовного мира.

* * *

Третий постулат.

Духовный мир строится, и жизнь в нём протекает совершенно по другим законам. Это связано, в первую очередь, с особым проявлением в нём времени и пространства.

В материальном мире время и пространство имеют свои ограничения; они выражаются в понятиях: прошлое, настоящее, будущее (вчера, сегодня, завтра); здесь, там, близко, далеко, вверх, вниз и т. д.

Та действительность, которая отражается в этих понятиях, в духовном мире не существует. Духовный мир и жизнь в нём

не признают деления времени на прошлое, настоящее и будущее. В нём всё происходит всегда и всюду, что равносильно выражению «здесь и сейчас», только не в том земном понимании, что сейчас или никогда, а в духовном: всё происходит всегда и там, где это нужно. Духовный мир строится на этой основе, он без времени и пространства.

Те образы, которые возникают в духовном мире из внутреннего и внешнего источников, сливаются там в едином потоке жизни. Сущности (образы, явления жизни) духовного мира, раз они там поселились, обретают иное состояние бытия, отличающееся от состояния всего в материальном мире: они не имеют возраста, не стареют и не молодеют, они только познаются, наполняются смыслом, настраиваются.

Вечность для материального мира – это нескончаемое будущее, а беспредельность – это не имеющее границ «там».

Вечность для мира духовного – это неугасаемый огонь мгновения, миг. Этот миг не измеряется, ибо по сути своей он безвременен. А беспредельность – это здесь и всюду, ибо «нет такого места – далеко».

* * *

Четвёртый постулат.

Одно из важнейших условий качества духовной жизни связано с качеством и количеством образов. Качество образов определяется такими критериями, как красота и изящество, возвышенность, открытость. Качественными могут быть образы любви, доброты, радости, сорадости, сострадания, великодушия; образы науки – законы природы, строение веществ, целостная картина мира; образы героизма, преданности, служения, самопожертвования; образы труда и творчества и т. д.

Чем больше будет таких – светлых – образов в духовном мире, тем многограннее и богаче станет там жизнь. Духовный мир не может быть перенаселён.

* * *

Пятый постулат.

Теперь пора вспомнить о «чаше», с которой приходит в земную жизнь каждый человек. Не будем дотошно выискивать, что это за «чаша» и откуда она. Примем как допущение, как веру, что «чаша» оттуда же, откуда и вся Вселенная с её духовными

и материальными мирами. Нам важнее знать, что «чаша» эта «неупиваема». Сказано: «В „Чаше“ лежит крылатый ребёнок», «Где-то в глубине „Чаши“ сияет зерно Культуры». В «чаше» записаны также смысл и предназначение человека, его миссия.

«Чаша» не сосуд, в котором хранятся наши истоки. В ней – наше высшее «Я», от которого и через которое идут импульсы к лучшим побуждениям; там мы могли бы искать причину наших устремлений к совершенствованию, к Свету.

* * *

Шестой постулат.

Как в духовном мире может происходить настраивание жизненных явлений, наподобие инструментов оркестра, их сосредоточение в фокусе жизни?

Жизненные явления или образы мы назвали живыми и мыслящими сущностями духовного мира. Но они сами по себе не настраиваются, или же только в той мере, в какой позволяет беспорядочное движение. Так что нужен «настройщик». Но это не тот случай, когда в материальном мире мы вызываем настройщика рояля, тот настраивает его нам, а мы потом играем. Говоря иначе, в духовном мире не вызовешь «настройщика» из материального мира. Никто из внешнего мира не в состоянии настраивать духовный мир другого. У духовного мира свой «настройщик», он знает, как гармонизировать образы и жизненные явления, как их наслаивать, как переплавлять в фокусе жизни, чтобы получились эволюция, восхождение, совершенствование, в целом же, сдвиг в Культуре. Но «настройщик» требует от хозяина, чтобы тот был внимателен к нему, встречал его, помогал в работе, учился у него настраивать те или иные группы образов в единое целое. То есть, изначальная устремлённость к совершенствованию должна перейти в другое, высшее качество – в сознательную устремлённость к самоусовершенствованию. Вот таков «настройщик» в духовном мире: это долгое и терпеливое старание души – непрерывно, постоянно созидать в себе Культуру. Проходит оно, в основном, незаметно, неуловимо даже тогда, когда подключаются воля и сознание. И человек не сможет назвать дату, когда именно достигнуты те или иные продвижения, хотя видит, что прогресс есть.

* * *

А теперь седьмой постулат, самый важный для нас.

Может быть, дорогие Коллеги, Вам показалось, что воспитывать Культуру в Ребёнке мы не сможем в силу того, что внутренний мир не допускает «настройщика» из внешнего мира?

Позвольте мне тогда сначала напомнить, что означает слово «воспитание» в его духовном смысле: воспитание есть питание духовной оси образами.

Представим себе такую картину: мы сидим у камина и наблюдаем, как таинственно и прекрасно танцуют языки пламени. Нам неизвестны причины, почему они сейчас так играют и переливаются, но надо полагать, что невидимый нам «настройщик» ведёт свою созидательную деятельность. Однако если заметим, что огонь слабеет и вот-вот погаснет, разве не догадаемся об одной, от нас зависящей причине: надо добавить в камин поленьев? И как только мы это сделаем, огонь станет ещё сильнее, и тогда языки пламени продолжат свой таинственный и более прекрасный танец.

В чём же наша исключительная роль в воспитании Культуры?

В том, чтобы питать Духовный мир, постоянно снабжать его образами, только возвышенными и прекрасными.

Но откуда брать нам эти образы, которым не будет счёта?

Их нужно брать из собственного духовного мира.

Говоря иначе, то, что поступает в нас из внешнего мира и возникает из духовных источников, мы облагораживаем, возвышаем, развиваем. Вот этими образами мы и должны снабжать духовный мир наших учеников и воспитанников.

Воспитание Культуры происходит в диалоге духовных миров. А лучшее воспитание тогда, когда возникает духовная общность между учителем и учеником, воспитателем и воспитанником. В этой общности образы перетекают из одного мира в другой без какого-либо посредничества, как бы сами собой. Вот такое «тихое», незаметное, естественное воспитание.

Вы понимаете, дорогие Коллеги, к чему я клоню?

К тому, чтобы учитель, воспитывающий Культуру, сам должен быть устремлён к высокой Культуре, сам должен быть занят самоусовершенствованием. Только не говорите, что кому-то много лет и потому уже не время этим заниматься. Не забудем мудрость: «Когда живём в беспредельности, ничего никогда не кончается, а всё только начинается».

Жизнь по образу Культуры сделает нас нескончаемым источником прекрасных образов, которые дети незаметно будут вбирать в себя.

Но если к этому добавим и осознанную устремлённость к воспитанию, как делала эта глубоко почитаемая мною Варвара

Вардиашвили, то в жизни наших воспитанников свершим чудо.

Однако, какие образы могут поступать от бескультурного учителя и воспитателя?

Безобразные образы. Какие ещё?

И каково будет внутреннему «настройщику», если он умеет творить только по законам Красоты, а не по-другому?

Если вместо высушенных поленьев мы бросим в огонь куски изношенных шин, огонь начнёт дымить и чадить, и мы, окружающие, задохнёмся.

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!

Велика эта Истина!

Она способна побудить учителей Света к подвигам и творчеству.

Надо пробудить зародыш.

Чем пробудить?

Чем же другим, если не теми же самыми силами, что есть основы Культуры: Любовь, Красота, Знание! Пусть будет только Культура состоянием нашего духа.

…Маленькая сельская школа.

Мы с вами наблюдаем за работой учителя.

Играют дети, шумят, шалят.

Один крестьянский мальчик больно ударил девочку палкой по руке.

Она заплакала. Бежит к учителю, который к тому же её отец. Просит защитить её и наказать мальчика.

Обидчик отошёл в сторону, напуган.

Можете угадать, дорогие Коллеги, каким будет решение учителя?

Не таким, какие бывают, когда Любовь, Красота и Знание блуждают в педагогическом сознании бесприютно, не понимая, зачем они там, а закон – «зло наказуемо» – торжествует.

Решение сельского учителя будет странным, ибо он одержим своей Педагогической Культурой.

Он усаживает девочку себе на колени, что-то ей нашёптывает на ушко; она успокаивается. Потом тихо говорит: «Иди к нему и угости его малиновым вареньем».

Лакомиться вареньем деревенскому мальчику приходится не часто. Однако он ждёт не угощенья от девочки, которой сделал больно, а наказания от учителя.

Сашенька подходит к нему и протягивает баночку с вареньем.

– Ешь, очень вкусно! – говорит она улыбаясь, как будто не было никакой обиды, но слёзы на глазах ещё не высохли.

Мальчик поражён.

Ну как, он наказан или не наказан?

В «чаше» его сияет зерно Культуры.

Что сделает угощение вареньем взамен худших ожиданий?

Пробудит зародыш или воспрепятствует его проявлению?

Пройдут годы, он повзрослеет. Чем станет это явление жизни в его духовном мире?

Моя гуманная педагогика, которая есть Педагогика Культуры, учит меня:

– Погрузите Ребёнка в море доброты, и всякое зло, если есть в нём такое, потонет.

– Держите Ребёнка в мире Красоты, и всё безобразное, если есть в нём такое, покинет его.

– Бросайте Ребёнка в огонь Любви, и всякая ненависть, если есть в нём она, сгорит.

Но вот какой вывод сделали американские учителя, которым очевидец этой истории рассказал о варенье: «На следующий день этот мальчик должен был ударить девочку палкой по другой руке». Значит, мальчика надо было наказать, а не угощать вареньем.

Но он же был поражён?

В нём же родилось явление жизни?

Воспитание с недоверием?!

Не собираюсь обсуждать, что могло бы произойти с Зерном Культуры в «чаше» мальчика, следуя американскому варианту решения педагогических проблем.

Сделайте это сами, если охота.

Я же в своём воображении много-много раз буду посещать яснополянскую школу, буду созерцать, как Лев Николаевич Толстой творит этот необычный педагогический образ, и восклицать в душе: «Ой, какая утончённая Любовь к детям! О, как красиво преподносится она им! О, какие глубокие знания души ребёнка!»

* * *

– Дети, дети, что это?

– Факел!

– Зачем он нам?

– Чтобы хорошо видеть!

– Что видеть?

– Свет во тьме!

* * *

Почему эта школа так грустно выглядит, что за вывеска у входа?

Подростки толпятся во дворе – девочки, мальчики, курят, грубо шутят, плюются, толкают друг друга.

Ребята, вы тут учитесь? Что это за школа?

Специальная? Противная? Для дураков? Ну-ну, не надо так шутить!

Значит, школа выравнивания!

А вы «выравниловцы»?

Почему в этой школе так много вас из детского дома?

Другие школы вас не принимают, считают, что раз вы из детского дома, значит, малоразвитые, и вас сразу надо выровнять. А себя называют «элитарными», видите ли, «кадетская школа», «благородная гимназия», некий лицей…

Понятно!

А вы, ребята, тоже из детдома?

Тогда почему вы не там, в «элитарных»?

Вас «выперли» оттуда?!

Психологи решили вашу судьбу? По какой причине вас направили в «школу выравнивания»?

Просто избавились от вас?

Из-за двоек?

Из-за нарушения дисциплины?

Из-за драки?

Из-за того, что родители не смогли заплатить какие-то «взносы»?

А учителя ваши, наверное, не хотели с вами расставаться, как-никак, они, должно быть, хоть чуточку любили вас…

Расстались с радостью?

Там так и угрожают ученикам, что нерадивых направят в «уравниловку»?

А как родители, они не защищали вас?

Как это – «кто их спрашивал»!

А богатые родители?

Значит, детей богатых родителей, что бы там ни случилось, не трогают!

Среди вас есть хоть один из богатой семьи?

Ни один!

Многие из вас не имеют отцов, они бросили вас…

Грустно!

А как в этой школе вас приняли, радостно?

Чего вы смеётесь? Это же, как бы она ни называлась, школа, дом радости!

Как вы себя чувствуете в этой специальной школе?

Наверно, учат совершенно по-другому, чтобы вас быстрее выровнять и отправить обратно, не так ли?

Учат хуже?! Странно!

А как к вам относятся, с уважением?

Вас унижают? Не может быть!

Какими словами? Ой-ой, не повторяйте, пожалуйста!

Вы стыдитесь вашей школы? Скрываете от других, где вы учитесь?

Ну, конечно, кому понравится такое клеймо!

А вы сами, ребята, чувствуете, что вы и вправду, простите за такое слово, «слаборазвитые», «трудновоспитуемые», «труднообучаемые»?

Вы такие же, как все!

Отлично.

Тогда вот что мы вам предлагаем: давайте изменим в школе всё-всё! Сделаем так, чтобы школа стала обычной средней общеобразовательной, а эту вывеску-табличку похороним где-нибудь во дворе!

Вы нам поможете?

Сделаем школу элитарной?

Не надо шутить, мы всерьёз!

Сейчас в школе нет начальных классов. Какая мама, какой папа приведут сюда в первый класс своё чадо и сразу обрекут его на умственную отсталость? Но сделаем, чтобы были и начальные классы.

Ничего не получится?

Это почему? Вы не верите в себя?

Ах, вы не верите в учителей, они не согласятся!

Посмотрим.

* * *

Учителя, почему вы такие озлобленные и недовольные? Вас кто-то обидел?

Дети?! Как они могут обидеть вас?

Какие они, вы говорите?

Недоношенные, неполноценные, кретины, дебилы…

Ой, ой, какие выражения!

Невоспитанные, подонки…

Где их надо держать? В колонии для несовершеннолетних правонарушителей?!

Не пробовали быть воспитателями?

Даже в колонии для несовершеннолетних стараются перевоспитывать детей. А вы не занимаетесь этим? Не пробовали быть с ними добрыми, уважать их, проявлять к ним любовь?

Они этого не поймут?

Они этого не заслуживают?

Почему? Они же ваши, ваши дети?!

У вас нет времени на благотворительность? Надо успеть пройти программу?

А успеть, чтобы в человеке состоялся человек, не надо?

Послушайте, вот какую Благую Весть мы хотим сообщить вам: «В „чаше“ Ребёнка сияет зерно Культуры, и оно рано или поздно прорастёт».

Вы не радуетесь этому?

Не верите?

Не верите в то, что хотя бы в одном вашем ученике имелась какая-то чаша, где сокрыто зерно Культуры?

Тогда во что вы верите?..

Скажите, пожалуйста, кто из вас считает себя человеком Культуры?

Все!

Все вы культурные! Тогда почему же такое бескультурье в вашем образовательном мирке?

Вы оправдываете образование без Культуры?

Культура с палкой?

С такими детьми по-другому нельзя?!

Тем не менее, предлагаем испытать свои творческие возможности.

Давайте изменим в школе всё-всё!

Начнём жить на основе высокой человеческой Культуры.

Любовь. Красота. Знание…

Духовность…

Духовная общность…

Воспитание личности…

Воспитание сердца…

Возвеличивание Блага…

Похороним понятие «выравнивание», оно наш стыд и срам…

Вот такой подвиг учительской души!

Зачем вы хмуритесь, учителя?

Почему так иронически улыбаетесь?

Утопия?

Чему вы не верите?

В самих себя не верите или в ваших учеников?

Так решайте: поможем нами же униженным молодым людям оживить в себе зерно Культуры или убережём в себе свои авторитарные убеждения?

Значит, вы все покидаете школу…

Остаются только двое «фанатов»…

Ну что же, воля ваша.

А мы наберём новый коллектив учителей и попытаемся сложить из него педагогический ансамбль, который прославит Культуру…

* * *

Дорогие Коллеги!

Это – действительность экспериментальной школы № 200 города Москвы.

Школа выравнивания спустя два года прошла аттестацию и получила лицензию обычной средней общеобразовательной школы. Открылись начальные классы.

Ученики оправдали ожидания.

А учительский ансамбль исполнил симфонию на тему Гуманной Педагогики.

Славных дел без славных предводителей не бывает

Назову тех, кто своим талантом и преданностью к детям настраивал педагогический ансамбль:

Марина Игоревна Шишова, директор,

Марина Николаевна Абрамова, завуч.

Они провозгласили в школе свой манифест:

Почитать Свет.

Утверждать Красоту.

Возвеличивать Благо.

Радоваться Познанию.

Жить в Сотрудничестве.

Пылать Сердцем.

Дарить любовь.

Проявлять Мужественность.

Восполниться Терпением.

Созидать в Творчестве.

Чтить Ежедневность.

Верить в «Чашу» Ребёнка.

Что Вы на всё это скажете?

* * *

Мальчик размечтался перед сном.

«Вот скоро стану взрослым, и что я сделаю для людей? – подумал он, – давай подарю всем жителям Земли что-то самое прекрасное, чего никогда не было и не будет».

И начал он перебирать, какую такую Красоту подарить людям.

«Построю великолепный Храм».

Но сразу передумал: «Храмов прекрасных очень много».

Подумал ещё: «Сочиню необыкновенную Песню!»

Но опять замешкался: песен тоже много.

«Лучше изваяю нерукотворную скульптуру!»

Снова отбросил мысль: скульптур нерукотворных много.

И он загрустил.

Заснул он с этой грустью.

И увидел сон.

Пришёл к нему мудрец.

«Ты хочешь подарить людям нечто самое прекрасное?» – спросил он.

«Да, очень хочу!» – с жаром ответил мальчик.

«Так подари, чего медлишь?»

«Но что? Всё уже сотворено!»

И начал перечислять:

«Хотел построить Храм, но все храмы уже построены…»

Мудрец прервал его: «Не хватает одного единственного Храма, который можешь построить только ты…»

Мальчик продолжил: «Хотел сочинить Песню, – но их тоже много…»

Мудрец опять прервал его: «Людям не хватает одной единственной Песни, и её можешь сочинить только ты, и спеть её в Храме том…»

«Думал изваять великолепную Скульптуру, но разве осталось что-либо не изваянное?»

«Да, – сказал мудрец, – не изваяна одна единственная Скульптура, которая так нужна людям, и можешь изваять её только ты, и украсить им Храм твой».

Мальчик удивился: «Ведь всё уже сделано!»

«Да, но всей той Красоте мира не хватает только одного великолепия, творцом которого можешь стать ты», – сказал мудрец.

«И что это за Красота, которая выпала на мою долю?»

И произнёс мудрец волшебным шёпотом: «Храм есть ты, сделай себя великолепным и благородным. Песня есть душа твоя,

утончай её. Скульптура есть твоя воля, изваяй свою волю. И получат планета Земля и вся Вселенная Красоту, которую ещё не познал никто».

Мальчик проснулся, улыбнулся Солнцу и шепнул самому себе: «Теперь я знаю, какую Красоту могу подарить людям!»

Дорогие Коллеги!

Прочитайте этот рассказ вашим ученикам. Может быть, кому-то он поможет понять, как творится Культура.

* * *

– Дети, дети, запомните, это – ненависть!
– Покажите нам красоту Любви!
– Это – предательство!
– Покажите нам красоту Преданности!!
– Это – вражда!
– Расскажите о красоте Единения!!!
– Послушайте, дети, надо же знать всё?!
– Дайте всё, только от Прекрасного!

* * *

Сказано: «Где есть знание, там явление Культуры».

Но не всякое знание, не мёртвое, а живое.

Однако во всём наборе образовательных знаний живые знания выглядят, как пасынки.

Что есть мёртвые знания?

Это те, о которых заведомо знаем, что их можно вовсе не знать.

Это те, которые забываются сразу, как только сообщаются.

В общем, мёртвые знания – это те, которые молодые люди дальше порога школы брать не будут и жалеть об этом тоже не будут.

Живые знания составляют Культуру Образования.

Они – живительная влага для зерна Культуры.

Живые знания – те, которые:

– одухотворяют и облагораживают человека,
– влекут к горизонтам науки,
– способствуют творить новую жизнь,
– воодушевляют мысль на новые поиски,
– будут цвести в жизни как бутончики роз,
– несут просветление и эволюцию.

– Живые знания – огонь познания.

– Мёртвые знания – душители познания.

– Живые знания – крылья.

– Мёртвые знания – гири на ногах.

Но принуждаем наших детей заучивать и запоминать огромный груз мёртвых знаний, на что уходит особо ценное время жизни. Именно на этом отрезке жизни, а не потом когда-либо, растущий и взрослеющий человек мог бы получить мощное развитие талантов и способностей, познавательных мотивов и взглядов, составить в себе целостную картину мира.

Сказано ещё: «В знании свершается великая неограниченная эволюция».

Имеются в виду новые знания.

* * *

Страсть к Красоте и Знанию – природа детей.

Дети – учёные без предрассудков, ищут Истину, которая есть лик Красоты Знания.

Дети – учёные без страха, допускают, испытывают, ищут, порой рискуя жизнью.

Дети – учёные без ограничений мысли, охватывают видимое и невидимое, близкое и отдалённое, духовное и материальное, космическое и земное.

Дети – учёные без узкой специализации.

Дети – жаждущие и дарящие Знания.

Дети – с чувствознанием.

Дети – учёные с верой.

Кто сказал, что дети не любят учиться, что в них лень?

Это заблуждение.

Что же остаётся детям, если мы не признаем зерно Культуры, или, ещё хуже, наступаем ногой на «чашу»? С ними произойдут превращения, из-за которых будем винить их же самих.

Так и делаем.

Кроме того, что не доверяем и принуждаем, допускаем ещё одну оплошность: дробим целостные знания на мелкие кусочки, превращаем их в длинный ряд пронумерованных упражнений, примеров, задач, заданий, параграфов и заставляем выполнять и заучивать их.

Вот и нам задача: если раздробим целостную картину мира на тысячу мелких кусочков и на уроках будем давать ученикам разглядывать и запоминать по одному кусочку, неужели получится, что на последнем уроке каждый расскажет и покажет

нам эту же самую целостную картину мира?

В ребёнке заложен естественный закон познания: видеть часть в целом, а целое – в части. Только в таком движении мысли он видит и чувствует Красоту Знания и радуется ей.

Дети хотят познать не кусочки облаков, но небо с облаками.

Они радуются не тусклой звезде, но Звёздному Небу.

Они видят не травинку в поле, а цветущее поле.

Они играют не с песчинкою, а с песком.

В таком видении целостной картины мира рождается восхищение Красотою.

Лишь через образ целого они устремляются к частям, не забывая о том, что в частях тоже просвечивается целое. Так чувство Красоты становится непрерывным.

Во всём этом и заключена одна из тайн взращивания и усиления познавательного интереса.

Дети ждут от нас понимания: «Дайте нам синтез знаний, дайте чувствовать Красоту науки и знаний, и мы порадуем вас своим устремлением».

Сказано: «Лик Красоты и Знания излечит народ от распущенности мысли и укажет путь великих достижений духа».

* * *

Из источника знаний напились семеро юношей.
И что мы видим?
Один превратился в сейф.
Второй торгует на базаре.
Третий хвастается на площади.
Четвёртый разгуливает с поднятым носом.
Пятый ликует перед учёными.
Шестой воображает свой памятник.
Седьмой же ходит с учениками.
Среди них один – Светоносец.

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!
А вокруг бездуховность, неверие, хула, лжепророки.
Культура – враг тьмы, враг лжепророков. Она верна Творцу.
Спешит Светоносец к детям.
Знает он: «Знание, которое вызывает вражду против бога –

злое знание. От него войны, разрушения, ужасы, не раз посещавшие Землю».

Отгоняет от «чаши» тьму.

Взывает Волхвов Востока, чтобы принесли они чистые, духовные знания и оросили ими «чашу», где зерно Культуры.

Ибо сказал Мудрец: «Пробуждение Духовности является космическим условием».

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!

А вокруг вовсю разгуливает суррогат Культуры.

Культура растеряна, просит помощи.

Спешит Светоносец к детям. Он мечом своим поражает ложь, отгоняет её от «чаши».

И взывает к девяти богам муз во главе с их покровителем Аполлоном свершить правосудие над суррогатами и ложью.

Призывает общество защитить детей от бескультурья. Защитить их от дурной музыки, дурных зрелищ, дурных развлечений, дурных взрослых.

Пусть проявится зерно Культуры!

Сказано: «Отрицая Культуру, заменяя её технократией, мы отвергаем эволюцию и нарушаем Космический закон».

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!

А вокруг гул сквернословия, дурноречия.

Культура задыхается от эманации разлагающейся речи.

Потому спешит к детям Светоносец.

Он рассеивает от «чаши» удушающие газы.

Складывает потоки доброречия, любовноречия, мудроречия, прекрасноречия, чуткоречия. Обильно поливает ими зерно Культуры и шепчет мудрость: «Язык есть летопись народа. Словарь есть история Культуры».

Пусть не забудет об этом сияющий зародыш.

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!

А вокруг оплетается всё плесенью собственности.

Культура не терпит чувства собственности – оно губительно и разрушительно.

Спешит Светоносец к детям расчистить окружение «чаши» от плесени, чтобы зародыш не заразился.

Расскажет детям: был богатый человек, и мудро вёл своё хозяйство, и всё больше богател. Но не было у него чувства собственника, а была светлая мечта. И написал он об этом дочери:

«Моя идея была с самых юных лет наживать, для того чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях».

Так мир получил от Павла Михайловича Третьякова Третьяковскую галерею картин.

Вот такая собственность без чувства собственника.

Может быть, сияющий зародыш настроит когда-либо свои жизненные явления на лад этого образа?

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!

А вокруг него растрата смысла жизни и потеря пути.

Культура не приемлет жизнь без смысла жизни.

Спешит Светоносец к ученикам.

Он сметает паутину уныния и блуждания вокруг «чаши».

Потом открывает пожелтевшую от времени тетрадь и читает строки, чтобы услышал зародыш Культуры:

«Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое о том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть моё призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности…»

Так мир получил великую науку от Владимира Ивановича Вернадского.

Светоносец шепчет зерну Культуры: «И тебе тоже суждено сказать нечто прекрасное и важное человечеству. Не упускай искру просвета, она напомнит тебе о твоём предназначении».

* * *

В «чаше» сияет зерно Культуры!

А вокруг раздоры, ссоры, дележи, распри, нетерпимость, зависть, неуступчивость.

Культура ценит согласие, уступчивость, понимание.

Спешит Светоносец к детям, чтобы уберечь «чашу» от людской злобы, и расскажет детям о двух старцах, которые жили по соседству, и никогда не было у них распри. Но сказал однажды один: «Начнем и мы распрю, как другие люди». Тот же ответил: «Не знаю, какая бывает распря». Тогда первый старец сказал: «Вот, я кладу кирпич посередине и говорю: он мой, а ты говоришь: нет, он мой. Это и будет начало ссоры».

И сделали так. Один из них говорит: «Кирпич мой». Другой же сказал: «Нет, он мой». И сказал первый: «Да, да, он твой, возьми и ступай».

Сказал Мудрец: «Первый признак Культуры – отсутствие личных раздоров».

– Дети, дети,
мы видим восход Солнца!
– Значит,
у вас открываются глаза!
– Дети, дети,
мы радуемся Радуге!
– Значит,
пробуждается Разум ваш!
– Дети, дети,
мы чувствуем запах Звёзд!
– Значит,
вы прозреваете!
– Дети, дети,
мы плачем!
– Значит,
вы орошаете зерно Культуры!
– Дети, дети,
что нам дальше делать?
– Воспитывайте нас!

* * *

Господи!
Раз Ты сотворил нас по Образу и Подобию Своему,
Значит, зерно Культуры
есть Воля Твоя в нас.
И раз направил нас
на путь учительский,
значит, Воля Твоя,
чтобы пробуждали мы

в Ребёнке Дар Твой.
Но дай нам силы
раскрыть его в самих себе,
и дай мудрость,
чтобы пробудить
Чудный Зародыш
в детях наших.
Да будет Земля Твоя
на Небесах
Сияющей Звездой Культуры!
Аминь.

VII. Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний, Учителю надо впитать море Света

Господи!
Помоги устремлениям моим
Впитать в себя море Света!
И помоги, чтобы я свершил
НачертанияТвои во мне!
И расширь мою сущность,
Чтобы я смог вместить в себя
Весь дар Твой,
Ибо он велик!
И взыщи с меня сполна,
Если я отступлю от пути
Учителя Света.
Аминь

Дорогие коллеги!

Поговорим о нас – об Учителе.

Кто мы есть?

К чему мы призваны в это сложное время?

К чему мы устремлены сами и хотим устремить наших учеников?

Поговорим о том, какой нужен учитель современному детству.

Нам нужна мудрость воспитания, а не технология воспитания. Но как мы будем открывать её в себе и из каких источников впитаем её?

Нам нужно расширить наше педагогическое сознание. Но что это такое – расширенное педагогическое сознание?

Нам нужно осознать мощь наших устремлений.

Мощь эта очень велика. Велика до той степени, что мы должны добровольно лишить себя права распоряжаться ею как «культурные одиночки» и поспешить к единению.

Единение всех наших личных устремлений может превратиться в ведущую Мировую Учительскую Волю – в Союз Учительских Сердец. Мировая Учительская Воля будет в состоянии освободить наше педагогическое сознание от современных рыночных заблуждений, от заблуждений авторитарной педагогики, которые угнетают нас. Она сможет

противостоять злу и тьме, которые пробиваются в мире образования и стараются разрушить её основы. Мировая Педагогическая Воля способна зародить новое педагогическое мышление для воспитания нового поколения детей, которых мы сами уже называем Детьми Света.

Но коль скоро нет пока Учительской Воли в масштабе всего мира, давайте для начала сотворим её в наших школах, в наших посёлках и городах, чтобы убедиться в своей светлой мощи, и распространим её благое влияние на страну, на мир. Единение наших возвышенных устремлений есть единственный дар учительского духа, который мы можем привнести в эволюционное движении человечества. Мы в состоянии ускорить и украсить это движение, удерживать его от отклонений.

* * *

Кто мы есть, дорогие коллеги?

Не будем себя унижать.

Если кто среди нас скажет, что он маленький человек, тем самым он унизит всех нас, всех учителей.

Нам надо, в конце концов, осознать, что Учитель есть надобщественное явление! Учитель – направляющая сила общества, и путь, по которому он ведёт общество, выстраивает он не столько из внешних установок, а из весьма глубинных внутренних истоков. Оттуда идут импульсы, которые питают наше чувствознание и убеждение, нашу совесть и преданность, нашу мудрость и веру.

Нам нужно только расширить своё сознание, чтобы дать этим направляющим импульсам, исходящим из недр духа, течь свободно, проявляться и придавать нам смелость в свершении своего предназначения. И мы тогда узнаем, что ведём поколение Света не к лавкам, где торгуют совестью и нравственностью, а к вершинам Культуры и Света. Мы не работаем, мы несём великое служение, ибо мы есть соработники у Бога.

* * *

Сказал мудрец: «Детям Света нужны Учителя Света».

Однако что есть Свет – нечто абстрактное или нечто сущее?

Свет есть явление Божественное.

Свет есть всё, что только возвышает духовно-нравственную природу человека и человечества.

Свет есть жизнь, он есть деятельность, направленная на творение Блага, на познание и утверждение Истины.

Свет одухотворяет и облагораживает знания во имя торжества Духа и умножения Культуры.

Свет есть осознанное стремление к сотрудничеству и единению.

Свет есть любовь ко всему, что нас окружает, любовь к ближнему.

Каждый из нас, дорогие коллеги, может продолжить перечисление смысла и значения Света, и ваше доброе сердце не подведёт вас.

Наверное, вы бы дополнили: Свет есть вера, Свет есть сострадание, он есть преданность, красота и т. д., и всё это будет правильно.

Будет также верно сказать: Свет есть борьба против тьмы, против всяких её проявлений.

На вопрос же, где истоки Света и где хранится Свет, мы бы пришли к единому ответу: и истоком, и накопителем Света является Человек. Свет в человеке есть не сумма расчленённых понятий, а состояние его духа. Дух есть источник Света, он же есть накопитель Света. Человек в состоянии вместить в себя столько Света, сколько будет способна его свободная воля и сколь мощно он устремится к Нему. Человек, полный Света, будет щедро Его исторгать.

* * *

Придет кто-то и скажет:

– Могу быть учителем.

Спросите:

– Рычать и кусать умеете?

Если скажет: «Да!», – гоните, он не наш.

Если скажет: «Нет, но могу научиться!», – гоните, тоже не наш.

Если скажет: «Да, но могу отучиться!», – испытайте его.

Если скажет: «Извините, я ошибся адресом!», – догоните его на улице и верните. Он наш.

* * *

Учитель есть душа, носитель Света.

Но сделаем оговорку: носителем Света является духовный

Учитель. Восточная мудрость гласит: «Когда готов ученик, приходит Учитель». Это сказано об ученике, который осознал в себе значимость духовного Учителя и ищет его, не мыслит свою дальнейшую жизнь без Учителя. К такому ученику приходит Учитель. Ученик этот будет полностью доверять Учителю свою жизнь, будет без оглядки следовать за Ним, будет трепетно внимать его наставлениям. Он будет сознавать всю сложность пути ученичества и с согласием примет его.

Но учеником духовного Учителя редко может оказаться ребёнок, таким может быть юноша или молодой человек, прошедший отрезок жизненного пути в размышлениях о сути вещей, Природы и Вселенной, о сути Высших Сил и собственного бытия.

Но готовы ли дети с такой же сознательной волей искать своих учителей и безропотно пройти с радостью не совсем лёгкий, может быть, весьма даже тернистый путь познания? Будет ли воодушевлять наших учеников перспектива духовного роста, ожидаемая не сегодня, а когда-то. Откажутся ли они ради такого будущего от своих, как говорят психологи, актуальных потребностей, то есть, от сегодняшних радостей и удовольствий.

Конечно же, нет.

Авторитаризм традиционной педагогики решает эту проблему путём принуждения. Логика здесь простая: дети сами не заходят брать на себя бремя учения; потому, ради их же блага, надо принуждать детей с помощью всяких открытых и скрытых способов. И если кто-то из них будет упорствовать, будет мешать своим учителям, пусть родители заберут их из школы. Учителям нет дела до таких.

Но мы знаем, что в подобной образовательной атмосфере пострадает самое главное: проявление и утверждение личности каждого школьника. Познание для них потеряет истинный смысл; отношение к знаниям станет такое же, как отношение к товарам: купить, чтобы выгодно продать.

Мы не можем выбирать такой путь, ибо мы – Учителя Света, а знания, прошедшие через Свет, не подвергаются купле-продаже, знания служат умножению общего блага, служат ступеньками духовно-нравственного роста.

Да, это так: ученики наши пока ещё озираются вокруг, осваиваются, их начинают манить соблазны и удовольствия земной жизни. Можем ли мы ждать того дня, когда они будут готовы для нас и поспешат к нам, или сами поспешим к ним, чтобы помочь понять, для чего они рождены? Дети не готовы своей сознательной волей следовать процессу, который их будет образовывать. Это мы должны готовить себя и поспешить к ним.

Здесь закон другой: «Если Учитель готов, к нему приведут учеников». Мы не можем сказать детям: «Вот наш Свет, мы несём его вам. Если есть в вас сознательная воля, берите, сколько можете. Если нет её, приходите, когда наберёте». Наше отношение к детям другое: нам нужно прививать им охоту к познанию, а также будить и развивать в них сознательную волю. Потому мы не носители Света, а скорее, дарители.

* * *

Разберёмся со знаниями.

Мы – дарители Света.

Мы знаем, что есть Свет: Он – сама Жизнь, он весь наш духовный мир, который вмещает в себя всё познанное, познаваемое и непознаваемое. Свет есть каждый из нас и все мы вместе.

Свет есть всё.

А знания?

Они часть всего этого.

Знания нельзя отделить от Света, вне Света они опасны, ибо беспризорные знания тут же вовлекает в себя Тьма.

Что есть знания?

Знания очерчивают пределы свободы человека и горизонты расширения его свободы. Знания налагают и права на пользование этой свободой.

Знания есть познанная человечеством часть своих прав и дозволенной власти во всём, что его окружает и что есть в нём самом. Во внешнем мире человек открывает знания, а внутренний мир налагает на них нравственные нормы пользования. Знания открывают перед человеком его возможную власть во всём, но голос духа и совести призывает его к сознательному ограничению своей власти в пользу себя же самого. Здесь действует закон: «Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мной» (1-е Кор., 6,12). Знания даются нам, чтобы мы пользовались ими только во благо. Мы открываем те тайны Природы и нашего внутреннего мира, которые соответствуют, с одной стороны, интеллектуальному уровню нашего развития на данном историческом этапе, с другой, созреванию нашего духовно-нравственного уровня. Но часто знания получают люди, духовно-нравственный уровень которых ниже, чем мощь знаний. Сделать вывод из этого несложно, в повседневной жизни мы можем увидеть реальные примеры того, как высшие знания используются

во вред людям.

Знания как незажжённые свечи: вот зажжёт человек свечу и поставит на алтарь храма человечности, чтобы светила она всем. Так знания послужат Свету. Но если он зажжёт свечу, чтобы осмотреться, что можно украсть из храма человечности, тогда знания послужат тьме.

* * *

Придёт кто-то и скажет:

– Могу быть учителем, имею диплом.

Где же дети? Дайте мне учить их!

Могу держать их в руках.

Умею кричать и орать, попирать и унижать.

Могу пугать, угрожать.

Могу доводить до отчаяния.

Умею ехидничать и высмеивать.

Буду винить и ругать всех и каждого.

Буду во всём отказывать.

Буду доносить родителям и настраивать их против своих же детей.

Умею строго наказывать.

Я бездушный, бессердечный, мстительный, раздражительный, грубиян, истеричный.

Что ещё нужно?

Дайте учить детей…

Скажите такому:

– Мы не держим в школе бешеных собак!

* * *

Кто же властвует над знаниями?

Конечно, человек.

Тогда перед нами, учителями, возникает непреложная задача:

воспитывать наших учеников в Свете и Светом,

чтобы не произошла через них утечка знаний

в область тьмы.

Законным владельцем знаний является Свет.

Знания охраняемы Светом.

Знания умножают мощь Света, умножают стократно, тысячекратно, делают его непобедимым. Но украденные знания также способствуют тьме.

Арифметический счёт есть знания.

Но человек со Светом будет считать на благо всем.

Человек с тьмою будет считать в пользу себя.

Есть разница?

Мы – Учителя Света.

Мы – дарители Света.

Кем же мы станем, если отделим знания от Света? То есть, будем давать знания, и пусть со Светом разберутся сами?

Послужим тьме.

Потеряем Свет и станем носителями знаний. Мы не сможем стать дарителями знаний, ибо дарить умеет только Свет.

Но оглянемся, дорогие коллеги, вокруг: не много ли завелось учителей – носителей знаний, урокодателей? Это они породили в своей авторитарной речи понятия: вооружать подрастающее поколение знаниями, умениями, навыками. А вооружать духовно, нравственно, Светом не надо? Но, видимо, для авторитарного педагогического сознания это не столь важно. Важнее всего – вооружать знаниями. И вооружают, и считают, что это есть забота об учениках, это есть их подготовка к «будущей жизни».

Вооружать!

Вооружение учеников знаниями – плохое, вредное понятие. Оружие есть то, что разрушает жизнь. Вооружён тот, кто против кого-то.

Знания же без Света есть мощнейшее оружие массового поражения. В нашей действительности это так и происходит: знания до такой степени обслуживают тьму, что жизнь на земле доведена до грани разрушения. А войны сильных со слабыми затеваются иногда только для того, чтобы испробовать убийственную и разрушительную мощь нового оружия.

Попытаемся отказаться от этого понятия – вооружать будущее поколение. Оно затуманивает смысл нашего служения Свету и осложняет также постижение смысла жизни нашими учениками. Их не следует вооружать знаниями, дула которых, сознательно или бессознательно, они могут направить против жизни. Лучше дарить и доверять им знания как жемчужины, которые пригодны только для украшения жизни, дарить так, чтобы творили они ими благо и красоту, облагораживали свою жизнь и жизнь других, служили Свету.

Но надо открыть в себе педагогическую мудрость, как это сделать?

* * *

Спросят:

– Как строить образование?

Отвечайте:

– Сначала лишите Ребёнка чувства собственности, потом дарите знания.

Будет образование.

Сначала отделите Ребёнка от злости, потом приближайте к знаниям.

Будет образование.

Сначала притупите в Ребёнке зависть, потом обостряйте его взор к знаниям.

Будет образование.

Сначала перепашите в Ребёнке самость, потом сейте в нём знания.

Будет образование.

Сначала воспитывайте Ребёнка, потом обучайте его.

Будет образование.

* * *

Дорогие коллеги!

Мы часто говорим о природе Ребёнка, о том, что надо учитывать психологические особенности Ребёнка при реализации наших педагогических намерений.

Но что мы вкладывает в понятие «природа»?

Как правило, имеем в виду те возможности, которые проявляются в Ребёнке в разном возрасте.

Это, конечно, нужно. Но это узкое понимание природы.

Попытаемся расширить наше понимание природы Ребёнка.

В ребёнке присутствует начала двух природ: природы духовной и природы материальной. Можно сказать и так: природы небесной и природы земной, или же природы духа и природы тела. Они – разные аспекты человеческой сущности, но в земных условиях друг без друга не существуют. Как сказано в духовных учениях, тело есть инструмент духа. Говоря иначе, дух через тело свершает задачи своей земной жизни. Таким образом, несмотря на их разность, они живут в своей целостности, вместе составляют сущность человека, его высшую природу.

Вот и определяется наша ещё одна непреложная задача:

строить педагогический процесс сообразно сущности высшей природы ученика и учеников.

Если наши устремления и творчество помогут нам, и мы откроем путь к такому подходу к ученикам, то они примут дар

наш, примут с желанием и радостью, хотя не без волевых напряжений, не без умственных и эмоциональных усилий. И это потому, что между нами и нашими учениками возникнет такое взаимопроникновение, которое Василий Александрович Сухомлинский назвал духовной общностью.

Но чтобы нам удалось достичь такой взаимности, нужно будет научиться постигать, понимать постоянно меняющуюся, развивающуюся сущность Ребёнка.

* * *

Дорогие коллеги!

Чтобы дарить Свет, надо его иметь.

Нам нужно иметь Свет во всей его полноте, в той полноте, какую мы в состоянии вместить в себе.

Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний,

Учителю надо впитать в себя целое море Света.

Так сказал Василий Александрович Сухомлинский.

Здесь мы позволили себе внести одно изменение: вместо слова «дать» записали слово «дарить». Кроме того, слова «учитель», «свет», «ребёнок» написали с большой буквы, желая придать им особую значимость. Сделали это с верой, что великий педагог поймёт нас.

Пусть мудрость Василия Александровича станет законом для нашей педагогической жизни.

Итак, надо впитать море Света!

Но мы не купим Свет на базаре.

Его надо впитывать и умножать в себе неутомимым трудом души.

Впитывать море Света значит:

– Стремиться расширить своё сознание от Мира Земного до Мира Небесного – в этом поможет нам понимание Духовности.

– Постоянно совершенствовать свои знания и опыт – в этом поможет нам Творчество.

– Прильнуть к горным источникам педагогических знаний – в этом помогут нам Классики мировой педагогики.

– Взращивать в себе благородство и великодушие – в этом поможет наша Свободная Воля.

– Творить благо во всех сферах жизни – в этом поможет нам Сердце.

– Закалять себя в самоотверженной преданности – в этом поможет нам Совесть.

– Радоваться Жизни – в этом поможет нам осознание нашего

Предназначения.

В нас есть силы, чтобы наполниться Светом и созидать в себе Светлого Человека, светиться для учеников наших, для окружающих, для всего мира, для Вселенной.

Свет есть источник жизни.

Стремление к Свету поможет нам наполнить образовательный мир жизнью и вытеснить из него скуку и уныние.

* * *

Спросят: «Кто вы?» Отвечайте: «Дарители Света».

Спросят: «В вас самом есть Свет?»

Отвечайте: «Мы впитываем его от каждого прохожего».

Спросят: «Умеете дарить Свет?»

Отвечайте: «Всю жизнь будем этому учиться».

* * *

Дорогие коллеги!

Не надо ли кому-нибудь из нас проверить, насколько желание быть Учителем искреннее и откуда оно возникает? Не случайные ли мы люди в мире образования?

Конечно, это не та аттестация, которую проводят чиновники и от которой мало толку качеству образования и оценке нашего труда. Это, скорее, самоанализ, чтобы каждый из нас в сердце своём знал – кто он есть в жизни детей.

Есть такое чувство – желание, истоки которого нам не всегда известны.

Было ли у вас желание – страстное, устойчивое – быть Учителем?

Не ослабло ли оно спустя годы?

Не жалеете ли сейчас, что стали Учителем?

Какой же путь вы выбрали бы для себя, если бы начинали всё сначала?

Найдите в себе ответы на эти вопросы, и многое прояснится для вас.

Дети часто высказывают желание стать в будущем учителями.

Но спустя годы у них оно отпадает, и они выбирают иной путь. Другие же сохраняют желание и реализуют его, набираясь жизненного опыта. И опять: кто-то видит, что это не его сфера деятельности; а кто-то, наоборот, убеждается, что нашёл своё

призвание.

Есть и такие, кто, будучи школьником, вовсе не желал и не собирался быть учителем, у них были другие жизненные планы. Но судьба, действуя по своим законам, привела их к своему истинному пути, и в них загорелось страстное желание – быть с детьми, жить ради и во имя детства.

Встречаются и такие, которые вовсе не хотели быть учителями, но, не разобравшись в себе или не справившись с обстоятельствами, оказались в мире образования. Часть из них трудится честно, со всей ответственностью и пониманием долга, они полюбили детей и полюбили учительское дело. Они не могут нести служение, но работают добросовестно. Им спасибо.

Но что сказать о тех, кто не родился для учительской жизни, не любит эту жизнь, но, тем не менее, остается в нашей среде?

Есть желания, с которыми люди рождаются – у каждого свои. Они несут их в душе. Но есть желания, как соблазны, как иллюзии, – их провоцирует среда. Желания эти могут быть и светлыми, и тёмными.

Желание, которое от духа, огненное и неуклонное.

Желание – это есть основа нашей сущности, оно есть искра Божья в нас. Оно ведёт нас к пониманию и осознанию непрерывности нашей учительской жизни, к утверждению нашего жизненного пути, нашей миссии. В нём корни нашего творчества, целенаправленной любви к детям и профессии своей. Выше всего поднимается желание общего блага, желание дарить Свет и нашим ученикам, и всем детям Земли, дарить Свет Пространству. В желании нашем мы найдём силу к устремлённому продвижению. Оно разукрашено радугой наших чувств, а вера заполняет его смыслом жизни.

Желание от духа есть вестник нашего личного будущего, оно обращено только к будущему. В нём импульсы созидания вечного будущего, которому нет конца. А само созидание будущего, творимое в настоящем, есть переживание счастья, переживание радости восхождения.

Желание, какое бы сильное оно ни было, вовсе не обещает, что устранит всякие трудности на нашем пути, убережёт нас от поражений, промахов и ошибок. Но зато обнадёживает, что при осознании жизненного смысла наших устремлений придаст силы и мужество идти против течения.

Желание от духа есть крылья наши, которые понесут нас навстречу будущему, куда устремим мы и наших учеников.

Сказано:

Творить можно только тогда, когда мысль осознаёт желание; чем желание осознано ярче, тем устремление творит мощнее.

Проверим, дорогие коллеги, нашу Искру Божью! Вот критерии от мудреца, они помогут нам в этом:

– Если учитель не проявляет терпения к первым шагам ученика, то тогда он не будет Учителем.

– Если учитель не поймёт путь ученика, то он не будет Учителем.

– Чуждо сердцу Учителя каждое притеснение ученика.

– Учитель наблюдает опыт ученика и лишь тихонько отведёт руку, если она касается огня.

* * *

Дорогие коллеги!

С каким увлечением и интересом я прочёл бы книгу, в которой были бы собраны истории о том, какими судьбами каждый из вас пришёл к детям, пристрастился к учительской жизни. Мы бы открыли в них сокровенную тайну – тайну о предназначении, о миссии. Мы бы, наверное, убедились, что, действительно, пути Господни неисповедимы.

К сожалению, нет такой книги. Но я написал для неё свои страницы. Если вы поступите также, книга получится. Осмелюсь предложить вам рассказ о себе. Это есть попытка заглянуть в то прошлое, которое привело меня в это настоящее и ведёт в будущее.

Будучи учеником, я не желал когда-либо стать учителем. Скорее, у меня было отвращение к этой профессии. Во-первых, считал её ниже своего достоинства. Во-вторых, во мне зародилось совершенно определённое желание быть журналистом. В-третьих, многих моих учителей я недолюбливал, так как чувствовал то же самое с их стороны. Мне было трудно учиться у них, а они охотно ставили мне двойки. Я всегда переживал на их уроках страх и тревогу.

Был только один учитель, который вобрал в себя совесть всех остальных, принял меня таким, каким я был. Это была Варвара Вардиашвили, учила она нас родной литературе, но её уроки были скорее уроками человечности, красоты, возвышенной речи.

Любя её, я и поспешил поступить на факультет журналистики. Но в приёмной комиссии Тбилисского университета мне объяснили, что места для медалистов уже заполнены.

Я пришёл в отчаяние.

Тогда мой одноклассник сказал мне в фойе университета: «Давай поступим на востоковедческий факультет. Журналистом

и так станешь». И хотя о таком факультете я услышал впервые, согласился и был зачислен в группу истории Ирана.

Я увлёкся изучением персидского языка и за год освоил его так, что начал читать рубаи Омара Хайяма. Во мне зародилось другое желание: стать дипломатом.

Учился я с большим увлечением.

А теперь проследите, дорогие коллеги, как сложилась моя судьба дальше.

Я был единственный мужчина в семье. Отец погиб на войне. Мама, инвалид второй группы, получала мизерную пенсию. И была ещё младшая сестра. Надо было помогать семье.

Я решил совместить университетские занятия с работой.

Пошёл в райком комсомола и попросил дать мне какую-нибудь работу, хоть грузчика, курьера. Мне было всё равно, лишь бы была зарплата. В райкоме комсомола мне сказали, что могут дать направление в школу на должность пионервожатого. Я не обрадовался школе, но согласился, ибо зарплата в 45 рублей была больше пенсии матери. Плюс к этому моя студенческая стипендия – и можно было бы прожить.

Всмотритесь в зигзаги судьбы.

Пришёл в школу с направлением, а директор мне говорит: «Я тебя на работу не приму, выглядишь как старшеклассник. У тебя нет никакого опыта, дети тебя слушаться не будут».

Возвращаюсь обиженный в райком комсомола и прошу дать работу, только не в школе.

А мне там говорят: «Только что освободилось место старшего пионервожатого в другой школе». И вручили направление.

Надо же было такому случиться!

Школа эта была та же самая, которую я окончил год тому назад!

Директор принял меня с радостью. Сказал, что я справлюсь.

Так в 1951 году я был назначен пионервожатым.

С утра до пяти часов я работал в школе, а потом спешил в университет на лекции. В связи с нехваткой аудиторий занятия проходили в вечернее время. Кстати, это и поощрило меня начать работу.

Своих бывших учителей теперь я начал узнавать как своих коллег и как обычных людей. Все они, как люди, были очень даже хорошие, помогали друг другу, улыбались, интересовались, как дела, что хорошего, и тому подобное. Но как только звенел звонок на урок, они выходили из учительской будто в масках жёсткой справедливости: улыбки исчезали, голос становился нетерпимым и раздражённым.

До сих не могу объяснить такое отчуждение учителей

от самих себя.

Могла ли эта обстановка возбудить во мне желание навсегда остаться в мире такой двойной жизни?

Меня поражало в школе только одно: искренность детей.

Я сдружился с ними, они приняли меня как своего среди учительской массы. Я действительно был не намного старше старшеклассников. Я помогал всем во всём, защищал каждого. Проводил для них увлекательные походы, ставил спектакли, организовывал олимпиады и вёл себя так, как старшеклассник.

Но мысль о том, что я останусь в школе или вообще застряну где-то в щелях образования, не приходила мне в голову.

Понимаете, дорогие коллеги, такая мысль, хотя не приходила в голову, но, как я теперь убеждаюсь, желание, которое я нёс в духе, существовало во мне скрыто от моего сознания и просыпалось осторожно, чтобы не спугнуть меня. А мысль быть дипломатом (и уже не журналистом) всё более укреплялась во мне, тем более, что среди профессоров университета я был на хорошем счету. Некоторые из них то и дело предлагали поступить в аспирантуру. Для тогдашнего времени это была весьма заманчивая перспектива, тем более для меня, который сам пробивался в жизни.

В школе я был добрым строгим авторитаром для своих пионеров. Особенно задевали меня судьбы отдельных подопечных: у некоторых отцы погибли на войне, кому-то трудно было учиться, как мне в своё время, кто-то занимался мелким воровством, находились курящие. Я не искал тогда никаких педагогических методов. Действовал, как подсказывало сердце, и видел, что мои старания не проходили зря.

Могу ли я сейчас назвать дату: в какой день и час я почувствовал, что стою на своей тропинке, в начале пути? Нет, не могу. Но точно знаю: это произошло в течение первого же года моей вынужденной педагогической жизни. Я мечтал о другом и рад был зарплате, которую повысили до 55 рублей, но в душе моей пробуждалось зерно, в котором было заложено моё, теперь не боюсь этого сказать, предназначение, моя миссия.

И всё: я стал рабом моего осознанного желания.

Скажи кто-нибудь в конце года, что мне предстоит бросить школу и заняться совсем другим делом, я бы огорчился. Мне уже расхотелось быть дипломатом, или историком-востоковедом, или кем-нибудь ещё.

Школа!

Дети!

Хочу быть учителем!

И всё!..

Шли годы.

На этом пути я хлебнул много страданий, трудностей, нападок, клеветы, предательства, разгромов. Но всё это скорее усиливало во мне преданность к педагогической жизни, и никогда, даже находясь в отчаянии, я не сожалел о своем выборе. Я защищал не себя, а детей во мне, которым нужна была обновлённая школа. Защищал идеи, которые начали главенствовать во мне и которые со временем вырисовывались в облик гуманно-личностной педагогики.

Я защищал докторскую диссертацию не для того, чтобы «остепениться» и обустроиться в научной жизни, а для того, чтобы открыть этим идеям путь в науку. Я занимал должности не ради кресла, а опять-таки для того, чтобы пресечь необоснованные и часто просто злобные нападки невежд на ценности гуманной педагогики.

Я не сожалею по поводу всего, что было в моей жизни, и прощаю всем, кто когда-то, в 60–90-е годы прошлого века всячески старался остановить продвижение моих коллег и меня. Я даже выражаю всем им, были они партийные босы или министры, редакторы газет, журналов, издательств, или мои коллеги по работе, мою признательность: своим противостоянием (неважно уже теперь какими способами) они очень даже посодействовали тому, о чтобы идеи, которые были выше меня, окрепли.

Эту преданность своему пути так и буду беречь и впредь.

Спасибо, дорогие коллеги, что выслушали мою длинную исповедь.

* * *

Море Света и искорка знаний!

Знания – часть Света, и они составляют его могущество.

Только находясь внутри Света, знания тоже становятся Светом. Воспламенённые, облагороженные знания прокладывают путь сознанию и двигают эволюцию, несут людям благо, умножают культуру.

Знания без Света сразу попадают в сети тьмы, рождают губительные последствия. И это не абстрактный вымысел. Каждый, и мы в том числе, владеет неким объёмом современных знаний и имеет доступ к другим знаниям. Существуют ещё засекреченные знания, и они тоже в руках групп людей. Наконец, каждый день обогащается новыми открытиями, несущими мощь, но как сложатся их судьбы, неизвестно. Есть знания, которые

могут предоставить огромную власть тому, кто ими овладеет. Тьма борется, чтобы захватить мощнейшие знания и засекретить их.

Если человечество могло бы проявить единую Мировую Волю, то оно сделало бы все научные лаборатории открытыми и все знания направляло бы на служение Свету. Сверхзнания даются для открытия отдельным учёным и группам учёных не для собственного пользования, а для блага человечества. Свет не торгует знаниями, он только может нести и дарить их. Но тьма торгует знаниями. Все знания, которые во власти тьмы, были захвачены, похищены, украдены.

Зачем нам, учителям, море Света?

Нам не нужно будет впитывать в себя море Света, если станем просто преподавателями, теми, кто передаёт молодому поколению знания и даже принуждает их взять. Это то же самое, что раздавать нашим ученикам на уроках химии, математики, биологии, физики милые и красивые формулы о взрывчатках и отравляющих веществах, тут же снабжать их развитыми умениями и отшлифованными навыками, и ни на йоту не заботиться о духовно-нравственном смысле их применения. Где гарантия, что ученики сразу или после, когда покинут школу, не применят эти формулы и умения для разрушения, а не для созидания?

Если учитель думает, что он лишь преподаватель, он тот, кто даёт знания ученикам, а потом контролирует и оценивает качество их усвоения, – то он не Учитель. Но мы же видим, дорогие коллеги, как удобно пристроились в нашем образовательном огороде преподаватели, эти безответственные работники, уклоняющиеся от воспитания, ибо Свет преподавать или передавать из рук в руки – невозможно. Свет дарится, и одаривание Света есть самое глубинное таинство педагогического процесса, это вроде посвящения учеников в нечто очень важное и сокровенное.

В этом таинстве – всё наше творчество: как нам жить вместе с нашими учениками, чтобы они приняли наш дар с чувством признательности и ответственности. И видим, что не обойдёмся без высокого, одухотворённого педагогического искусства.

* * *

Зачем нам море Света?

Ведь жизнь пройдёт, пока мы наполнимся морем Света!

Может быть, это просто для красного словца, которое

пригодится нам для пафосных педагогических речей, а не для устремлённого на всю жизнь труда и творчества?

Но нет! Сказано было это не ради украшения речи, хотя выражение действительно красивое. А сказано было для выражения Истины.

Если мы хотим называться Учителем, то мы должны светиться своей духовностью и нравственностью, своей мудростью и любовью, человечностью и Божественностью.

И так как это идеал, который выше Кавказских гор, то мы должны набраться смелости и устремиться к вершинам, и любое устремлённое продвижение каждого из нас будет достижением не только нашим, но и всех учителей, всего человечества, всех Высших Сил Света. Если кто этого не поймёт, будет больно за судьбы детей.

Но сами же понимаете, что без Учителя Света, без Учителей Света мир потускнеет, Солнце потемнеет, звёзды погаснут.

Не будем ждать рукоплесканий за наши усердия и восхождения, нам это не нужно, но будем торжествовать в душе за каждую искорку Света, которую впитываем в себя, стремясь к морю Света.

Кто есть альпинист?

Тот, кто поднимается к вершинам не только во сне, но и наяву. Он восходит, он уже покоритель.

Кто есть учитель?

Тот, кто пожимает руку Сухомлинскому не только в своём воображении, но в устремлении к нему на деле, в творческом педагогическом горении. Он ищет, он уже впитывает море Света.

* * *

Море Света и искорка знаний!

Кто-то озадаченно воскликнет: «Какая странная связь!»

Что есть искорка знаний?

Малюсенькое, как песчинка, знание?

Допустим: показали маленьким детям незнакомую букву и сказали: «Это есть буква А». Что это – искорка знаний?

Или же сказали им, что один плюс один будет два. Тоже искорка знаний?

Указали им на Небе далёкую звезду: «Это звезда Альфа». Опять – искорка знаний?

Написали на доске формулу и сказали: «Это формула земного притяжения».

Изложили им теорию больших взрывов. Какое это уже

знание – большое?

Рассказали о Великой Отечественной войне. Это искорка или пламя знаний?

И, вообще, зачем нам море Света, и зачем ученикам дарить знания? Не проще ли будет: дать им знания, они умные, запомнят, вечером поупражняются дома, завтра перескажут, каждый получит свою отметку. И мы наглядно увидим, как они продвигаются.

Для каких знаний нам нужно море Света?

Для таких, которые втиснуты, в так называемые образовательные стандарты как кильки в консервных банках?

Смешно. Не для этих дел нам нужно море Света.

Море Света не есть пусть даже самая искусная методика преподавания или обучения, или же так называемые «новые технологии образования».

Море Света нам нужно не для того, чтобы хорошо учить искоркам знаний, а для того, чтобы посвящать наших учеников Свету.

Море Света в нас – это наша внутренняя просветлённость, которая открывает нам педагогическую Истину. Она не подведёт нас, а мы не подведём наших учеников.

Море Света делает нас щедрыми, великодушными, благородными, терпеливыми, сердечными, любящими и любимыми нашими учениками. А чтобы ученики росли людьми – душу, сердце и разум каждого нужно поливать именно этой живительной влагой.

Море Света – это наш магнит, который притягивает к нам учеников, они устремляются к тому Учителю, в ком больше Света. Им скучно глядеть на тусклую звезду среди ярких звёзд, а Солнцу, которое ослепляет, они радуются: можно прищурить глаза и улавливать его лучики.

* * *

Море Света Учитель впитывает не с возрастом и стажем, а творчеством и устремлением.

Говорят: мудрость приходит с возрастом. Но иногда возраст приходит один.

Радуга творчества и радость устремления
наполнят Светом даже начинающего Учителя.

* * *

Искорка знания.

Это не просто знание. Тогда Василию Александровичу нужно было бы сказать о песчинке знания.

Искорка знания – это знание, пусть крохотное, микроскопическое, но обязательно с огнём. Это есть знание огненное, одухотворённое, облагороженное. Оно зажигает мысль во благо, гнездится в духе, распускает корни в сердце. Это есть знание, которое делает человека Светоносцем. Воспламенённые в море Света знания пригодны только для созидания, но не пригодны для зла и разрушения.

* * *

Сатья Саи Бабы говорит:

Существует три типа учителей:

– те, кто объясняют,

– те, кто жалуются,

– те, кто вдохновляют.

Пусть каждый из нас определит для себя, к какому типу учителей он себя причисляет.

* * *

Свет в нас – это наша сущность.

Впитывать море Света значит возвышать нашу сущность.

Призывал нас Иисус Христос: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Совершенство наше есть наш Свет.

Но лёгок ли путь к самосовершенствованию?

Нет, конечно, он очень трудный.

«Тесны врата и узок путь, входящий в жизнь».

Труден путь этот потому, что, во-первых, нужны усилия воли, во-вторых, потому, что усилия воли нам нужно будет направлять в свой же внутренний мир – против всего того, что есть в нас дурного и что не может украсить духовный облик Учителя.

Мы не можем выбирать лёгкий путь, ибо мы – Учителя. У нас нет выбора, но есть вопрос: «Как это делать и с чего начать?»

Хорошо, что есть великие люди, мысли и деятельность которых могут стать для нас образцами. Обратимся на этот раз к Учителям Учителей: к Константину Дмитриевичу Ушинскому и Льву Николаевичу Толстому.

* * *

Ушинский.

Будучи магистром Московского университета, двадцатилетний молодой человек создал себе «рецепты» самосовершенствования, включающие десять правил. Но, разумеется, он заранее проанализировал свой внутренний мир, свой характер, и задал себе такие «рецепты», строгое соблюдение которых направило бы его на путь самосовершенствования.

Вот эти «рецепты»:

1. Совершенное спокойствие.

2. Прямота в словах и поступках.

3. Обдуманность действий.

4. Решительность.

5. Не говорить о себе без нужды ни слова.

6. Не проводить времени бессознательно.

7. Делать то, что хочешь, а не то, что случится.

8. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет.

9. Каждый вечер добросовестно давать себе отчёт о своих поступках.

10. Отбросим эгоизм. Будем трудиться для потомства.

Молодой Константин Дмитриевич, надо полагать, перечислял в рецептах те качества, которые он хотел развивать, взращивать и воспитывать в себе, или такие, от которых хотел избавиться.

Далее он создал «Журнал», в котором постоянно записывал свои самонаблюдения по выполнению «рецептов», и иногда вынужден был признаться, что нарушил, скажем, первое правило о совершенном спокойствии, или же – запрет на хвастовство, когда «разгуливалось тщеславие».

Спустя несколько лет Константин Дмитриевич, оказавшись перед жизненными испытаниями, опять обнаруживает, что позволяет себе некие отклонения от намеченных «рецептов». В «Журнале» он пишет: «Снова – самое строгое наблюдение над собой, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству – вот единственная цель моей жизни».

Проходят годы и, уже находясь в должности инспектора классов в Гатчинском сиротском институте, он обнаруживает книжные шкафы с неизвестной для него педагогической литературой и жадно читает всё. А потом с грустью признаётся:

«От скольких ошибок я мог бы быть избавлен, попадись мне эти книги до моего вступления на педагогическое поприще!»

Так впитывал Константин Дмитриевич Ушинский море Света, и как передавалось нам классическое педагогическое наследие.

* * *

Лев Николаевич Толстой.

«Правила жизни» – так назвал он кодекс для себя. В них определил цели и пути своего самосовершенствования. В «Правилах» вырисовывается облик и образ жизни, к которым молодой человек был устремлен. «Правила» распределены по одиннадцати группам и отражают многосторонние устремления Льва Николаевича: развитие воли телесной, чувственной, разумной; подчинение воле чувства самолюбия; развитие памяти, способности обдумывания, умения делать выводы и др. Правил около сорока, приведём некото-рые из них:

– Будь верен своему слову.

– Если ты начал какое-то дело, не бросай его, не окончив.

– Все чувственные деяния не должны быть бессознательным исполнением потребностей чувств, но определением воли.

– Все чувства, имеющие источником любовь ко всему миру, хороши; все чувства, имеющие источником самолюбие, дурны.

– Ищи в других людях всегда хорошую сторону, а не дурную.

– Всегда говори правду.

– Имей цель для всей жизни, для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим.

– Чтоб каждый день любовь твоя ко всему роду человеческому выражалась бы чем-нибудь.

– Будь полезен, сколько ты можешь, отечеству.

– Старайся дать уму как можно больше пищи.

– Всякую новую тебе, встретившуюся тебе мысль сравнивай с теми мыслями, которые тебе известны.

– Все отвлечённые мысли оправдывай примерами.

– Всякое деяние осматривай со всех сторон его вреда и его пользы.

– При всяком деянии рассматривай, сколькими способами оно может быть сделано, и какой из этих способов лучше.

– Рассматривай причины всякого явления и могущие быть от него последствия.

«Ты» – это Лев Николаевич так обращается к самому себе, а не к кому-то другому.

Лев Николаевич начинает писать дневники, чтобы не упускать из виду своё движение по «Правилам жизни».

Дневник он заполняет все последующие годы.

«Хотелось бы привыкнуть, – пишет он, – определять свой образ жизни вперёд не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже».

Позже он запишет в дневнике: «Потом в жизни я старался прилагать эти правила, выписывал из них важнейшие и задавал себе, как урок, приучиться к ним.

И много, много других внутренних движений и переворотов произошло со мной в это время».

Видите, дорогие коллеги, как Лев Николаевич оценивает свои долгие устремления: «…много, много внутренних движений и переворотов…»

Что это такое?

Это то, что называется впитыванием моря Света. Как же иначе могли родиться такие лучики Света на весь мир, как яснополянская школа, как идея свободы школы и образования, как «Азбука» и «Новая азбука», как всё толстовское направление гуманной педагогики? Он ценил свою педагогическую деятельность и свои учебники для детей не меньше чем своё литературное творчество.

«Есть у меня поэтическое прелестное дело, от которого нельзя оторваться – это школа».

Дары духа Льва Николаевича, которые есть проявление его Света, теперь наше богатство. В них мы найдём много мудрых наставлений, вроде:

«Всякий учитель должен знать, что каждая изобретённая метода есть только ступень, на которую должно остановиться для того, чтобы идти дальше».

* * *

Дорогие коллеги!

Может быть, стоит последовать примерам Ушинского и Толстого и тоже задать самому себе свои «рецепты» и свои «правила жизни»?

Вот какую возвышенную мысль высказывает Лев Николаевич о каждом из нас:

«Каждый человек – алмаз, который может очистить и не очистить себя. В той мере, в какой он очищен, через него светит вечный Свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очистить себя».

Вы принимаете эту идею для себя?

Считаете, что вы есть алмаз?

Тогда не будем медлить!

* * *

–Зачем глаза?
– Чтобы улавливать значимое.
– Зачем уши?
– Чтобы услышать зов.
– Зачем сердце?
– Чтобы понять другого.
– Зачем голова?
– Чтобы мыслить о благе.
– Зачем руки?
– Чтобы нести живительную влагу.
– Зачем ноги?
– Чтобы поспеть к страждущему.
– Зачем язык?
– Чтобы произнести целебное слово.
– Зачем всё это?
– Чтобы впитать море Света.

* * *

Дорогие коллеги!

Предлагаю вам сделать следующее.

Отвлекитесь от всего, что вас окружает, освободитесь от суеты и загляните в свой внутренний мир: что оттуда надо выметать?

Может быть, раздражение?

Может быть, злобу?

Может быть, равнодушие?

Может быть, зависть?

Может быть, ненависть, гордыню, грубость?

Может быть, ещё какой-нибудь мусор?

Есть такое?

Тогда призовите свою всемогущую Свободную Волю и прикажите ей сжечь собранный мусор.

Для этого берите лист бумаги, запишите, то есть, заверните в него весь мусор, который не даёт вам покоя, перекрывает путь к людям, к ученикам, омрачает вашу жизнь. Скомкайте этот лист бумаги, сожгите и радуйтесь: уходит от вас нечисть! Потом оставшийся пепел бросьте в мусорный ящик, там ему и место!

Но не забудьте заложить в вашу Свободную Волю Честное Учительское Слово, что ваша святая обитель больше не будет загрязнена этим мусором.

А как быть со впитыванием Света?

Здесь всё очень просто: если выметать из сердца тьму, оно само заполнится Светом. Почистите грязные окна, и Солнце само ворвётся в комнату. Трудно будет выметать мусор, если мы к нему привыкли, но это и будет впитыванием Света.

Ну, как, вы готовы для такого подвига?

Удачи вам!

* * *

Вот ещё путь к Свету.

Спросите у окружающих вас людей: «Друзья, каким бы вы хотели меня видеть?» Спросите у ваших учеников: «Ребята, что мне сделать, чтобы вы шли ко мне с радостью?» Спросите искренне и примите их пожелания без обиды. И не отвергайте с порога их откровенные оценки, не защищайтесь, не начинайте дискуссию. Выслушайте внимательно. Может быть, вам покажется, что они не так вас воспринимают, но задумайтесь. И попробуйте достичь того, чтобы спустя время они вам сказали: «Вы изменились!» А вы скажете в ответ: «Спасибо за помощь!» Надо оправдать их искренность и ожидание, надо преподнести им в дар ваш обновлённый образ.

Ну, как, можно ли такое сделать?

* * *

Вот ещё один путь.

Скажите самому себе, что для вас нет ничего недостижимого. А потом запишите прямо в сердце…

Нет, скажу по-другому: в вас уже посеяны семена-жемчужины Любви, Благородства, Великодушия. Снимите с них покровы и поливайте, ухаживайте за ними. Дайте им расти и цвести в вас. Ухаживайте за ними постоянно и примите для себя законы:

Любить любого и делать всё с любовью.

Быть всегда, всегда! – великодушным.

Быть всегда, всегда! – благородным.

И потоки Света ручейком вольются в Сердце.

Ну, как, хватит нам смелости на такой подвиг?

* * *

Вот ещё путь.

Давайте рискнём взять быка за рога: освободимся наконец-то от такого зверя в нас, каким является раздражение.

Раздражение
удручает,
разрушает,
отторгает,
ослепляет,
оглушает,
оскорбляет,
обижает,
отравляет,
оскверняет,
злит,
душит,
убивает…

Раздражение – враг духовности, враг мудрости, враг разума.

Раздражение – разрушитель любви. Раздражение – могила великодушия, кинжал в спину благородства.

Раздражение – гонитель Света. Раздражение – оружие сатаны.

Раздражение – удав всех наших лучших побуждений.

Нельзя оставить в себе хоть тени раздражения.

Вычистить нужно всякие следы раздражения.

Гоните этого зверя от себя безжалостно, чтобы не отравлял он вашу жизнь, а вы, со своей стороны, не отравляли жизнь другим, вашим ученикам.

Не побоимся схватки со зверем.

* * *

Чем победить раздражение?

Творящим терпением!

Всю жизнь нужно лелеять в себе дар творящего терпения.

Терпение есть тот краеугольный камень, который отвергли попечители авторитарного образования, и потому наполнили его насилием и равнодушием.

Терпение есть тот краеугольный камень, который строители гуманного образования заложили в его основу, и потому расцветает в нём мудрость свободного выбора.

Творящее терпение там, где действуют сообща вера, надежда, любовь, мудрость.

Творящее терпение
пробуждает,
воодушевляет,
вдохновляет,
призывает,
уравновешивает,
доверяет,
притягивает,
вовлекает,
отрезвляет,
возвращает…

Творящее терпение есть созидатель дисциплины духа. Оно есть побудитель совести.

Оно есть условие рождения духовной общности и взаимной любви.

В нём наша скрытая воспитательная энергия.

В нём торжество наших устремлений.

Речь идёт о терпении творящем, которое есть проявление педагогической мудрости.

Неужели не устремимся к такому источнику Света?

* * *

Вот ещё один путь: наш внешний вид.

Да, да, дорогие коллеги, внешний вид наш!

Какой на нас костюм, галстук, какая рубашка?

Какое платье, какой шарфик, какая брошь?

Речь не идёт о роскошных нарядах.

Речь идёт о единстве внешней и внутренней красоты.

Не ходи, учитель, в балахоне к ученикам!

Не шокируй их своей экстравагантностью!

Не наводи на них уныние своим жалким видом!

Не ходи к ученикам неряшливым!

Не демонстрируй перед ними ни свою нищету, ни своё богатство!

Покажи элегантность, вкус, чистоту!

Нельзя, чтобы от нас шёл несвежий запах!

Курящий пусть бросит курить!

Чистота, аккуратность, простота – вот что нужно!

Лучшая красота – в простоте!

Если мы своей внешностью будем вызывать в наших учениках раздражение – это будет плохо. Если будем вызывать зависть, равнодушие – тоже не уместно.

Мы должны нравиться ученикам – тогда мы станем для них источником Света.

* * *

Дорогие коллеги!

Мы – искатели и носители Света.

Давайте посетим галерею классиков, мудрецов и мыслителей.

У них много Света, и они любят щедро его дарить.

Поговорим с ними.

Вот великий **Аристотель,** воспитатель Александра Македонского.

– Скажи нам, философ, от чего зависит успех воспитания?

Аристотель:

«Успех воспитания зависит от соответствующего уклада жизни». Воистину, мудрость Аристотеля самая точная наука.

Константин Дмитриевич Ушинский.

Наш глубочайший поклон и признательность классику педагогики.

– Великий Учитель Учителей, поясни нам смысл гуманного образования!

Константин Дмитриевич Ушинский:

Под именем гуманного образования надо разуметь вообще развитие духа человеческого и не одно формальное образование.

В гуманно-образовательном влиянии учения надо отличить собственно два влияния: влияние науки и влияние самого учителя.

Человека же можно развивать гуманно не только изучением классических языков, но ещё гораздо более и прямее: религией,

языком народным, географией, историей, изучением природы и новыми литературами.

Реализм и гуманизм можно найти в каждой науке, и различие это заключается не в различии наук, но в различии способа их изучения.

Воистину, не только наука определяет гуманное направление образования, но сам учитель со своими способами и подходами.

Философ Иван Ильин

Как долго скрывали его от нас.

– Назови, философ, свои главные идеи!

Иван Ильин:

– В одном человеку отказано: жить без веры. Источник веры – в горении сердца.

– Путь к вере и Богу именуется духовной любовью.

– Религиозность есть живая первопричина истинной культуры.

– Истинная учёность не уводит от Бога, а ведёт к нему.

– Жить – значит выбирать и стремиться.

– Только духовный опыт может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни.

– Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и веры является духовная любовь.

– Самое важное в воспитании – это духовно пробудить ребёнка и указать ему источник силы и утешения в его собственной душе.

Спасибо философу.

Василий Александрович Сухомлинский

Вот какими страстными словами обращается он к каждому из нас:

Возлюби Ребёнка.

Возлюби его сильнее, чем самого себя!

Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя!

Всего себя отдавай детям! И только тогда ты сможешь именоваться Учителем!

Вот придёт некий профессор от науки, примет позу всезнающего и иронически улыбнётся этим словам. «Ребёнка надо любить в меру… – скажет он, – отдавать ему всего себя не надо…»

Кого мы послушаемся, дорогие коллеги? Послушаемся профессора или Василия Александровича?

Конфуций

Прислушаемся, что говорит своим ученикам Почтенный Учитель Кун.

Когда благородный муж учит и воспитывает, он ведёт, но не тянет за собой; побуждает, но не заставляет; указывает путь, но позволяет ученику идти самому.

Поскольку он побуждает, а не заставляет, учёба даётся

ученику легко.

Поскольку он лишь открывает путь, он предоставляет ученику возможность размышлять.

Согласие между Учителем и учеником, лёгкость учения и возможность для ученика думать самому и составляет то, что называется умелым наставничеством.

Самое трудное в учении – научиться чтить Учителя.

Но лишь чтя Наставника, сможет перенять его правду.

Знаете, дорогие коллеги, что со мной сейчас происходит?

Левое ухо моё слышит из глубин 2500-летнего прошлого голос, а правое ухо улавливает эхо из будущего, отдалённого от меня тем же расстоянием. С обеих сторон узнаю голос Почтенного Учителя Куна. Вечная Истина озаряет мою душу, и я спешу влиться в толпу учеников, следующих за учителем и впитывающих Мудрость.

Леонардо да Винчи

Наш поклон гению – художнику, мыслителю, учёному.

Он – фейерверк мудрости.

Чтобы…

– Чтобы творить жизнь, нужна сердечная теплота.

– Чтобы беречь красоту, не надо падать в грязь.

– Чтобы завоевать почёт и уважение, нужна не сила, а великодушие.

– Чтобы побудить львят к жизни, надо встряхнуть царственную гриву и издать мощный раскатистый рёв.

– Чтобы заново родиться, нужно летать навстречу Солнцу.

Добавим от Сухомлинского:

Чтобы дать Ребёнку искорку знаний, Учителю надо впитать в себя море Света. Прекрасно!

Януш Корчак

Сейчас мы услышим от него, как каждому находить свой источник Света. Он размышляет вслух.

Благодаря теории я знаю, а благодаря практике я чувствую.

Теория обогащает интеллект, практика расцвечивает чувства, тренирует волю. «Я знаю» не значит: «действую сообразно тому, что знаю».

Чужие взгляды незнакомых мне людей должны преломиться в моём живом «я». Из теоретических посылок я исхожу не без разбора. Отклоняю – забываю – обхожу – увиливаю – пренебрегаю.

В результате я, сознательно или бессознательно, получаю собственную теорию, которая управляет поступками.

И это много, если что-нибудь, частица теории во мне приживётся, сохранит право на существование; в какой-то мере

повлияет, отчасти воздействует.

Отрекаюсь по многу раз от теории, а от себя – редко.

Ну, что скажете, дорогие коллеги, не правда ли, отличная позиция для поиска в себе учительского Света?

Павел Петрович Блонский

Вы не смущайтесь, пожалуйста, он сейчас задаст вам прямые вопросы, а вы подумайте, какими были бы ваши ответы.

– Учитель, смотри же, не являешься ли часто именно ты сам главным препятствием для обновления школы?

– Наша школа – школа жизни, но в этой школе жизни будет ли место для тебя, живой ли ты человек?

– Не отбываешь ли ты в классе опостылевшую тебе повинность за гроши ежемесячного жалования, и не проходит ли твоя личная жизнь где-то в стороне, то в томлении и тоске «культурной одиночки», то в моральном падении и опустошении души?

– Любить надо не школу, а детей, приходящих в школу; любить надо не книги о действительности, а саму действительность; не жизнь надо суживать до учения, но надо расширять учение до жизни!

– А самое главное: любите жизнь и как больше живите живой жизнью!

– Учитель, стань человеком!

Антон Семёнович Макаренко

Как вы думаете, дорогие коллеги, о чём он хотел бы с нами поговорить? О воспитании мужества, которое мы забросили. Свет не достанется трусливым, а только храбрым, мужественным.

Мужество!

Попробуйте серьёзно, искренне, горячо задаться целью воспитания мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребёнка ватой и рассказать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет, потому что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг – только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитывать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, – всё равно, в чём: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости.

Только мужественный Учитель способен воспитывать мужество в своих учениках. От трусливых и пугливых учителей такого ждать не приходится.

Ян Амос Коменский

Он нарисует нам портрет Учителя. Узнаем ли мы в нём себя?

– Учителями должны быть люди набожные, честные, деятельные и трудолюбивые.

– Не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить ученикам.

– Настоящие учителя полагают, что они поставлены на высокое почётное место и что

– им вручена превосходная должность, выше которой не может быть под Солнцем, именно, чтобы,

– маленькое подобие Бога доводить до сходства с Богом.

– Ближайшая задача будет состоять в том, чтобы

– мощно увлекать учеников благим примером, и чтобы

– ученики воспитывались по образцу Учителя.

– Наши учителя должны остерегаться походить на дорожные указатели, которые показывают, куда нужно идти, а сами не идут.

– Учителя должны заботиться о том, чтобы быть для учеников в пище и одежде – образцами простоты, в деятельности – примером доброты и трудолюбия, в поведении – скромности и благонравия, в речах – искусства разговора и молчания.

– Словом, быть образцом благоразумия частной и общественной жизни.

– Они относятся к ученикам по-отечески, с серьёзным, страстным желанием им успехов.

Есть над чем думать, не так ли, дорогие коллеги!

Иоганн Генрих Песталоцци

Ему уже восемьдесят лет, и он поёт «лебединую песню», посвящая нас в своё сокровенное.

– Вот истина, подтверждаемая при всех обстоятельствах: действенно, истинно и природосообразно формированию способствует лишь то, что захватывает человека, воздействуя на силы его природы во всей их совокупности, т. е. сердце, ум и руки…

– Истинное природосообразное образование по самой своей сути вызывает стремление к совершенству, стремление к совершенствованию человеческих сил.

Григорий Саввич Сковорода

Нас ждёт весьма интересная и поучительная притча о Свете.

Дед и баба сделали себе хату, да не прорубили ни одного окошечка. Не весела хата. Что делать?

После долгих размышлений решили выйти на свет и там

достать Свет. Взяли мех, разинули его в самый полдень перед солнцем, чтобы набрать, будто муки, и внесли в хату.

Сделали так несколько раз. Есть ли свет? Смотрят, ничего нет. Догадалась баба, что Свет, как вино, из меха вытекает. Надобно поскорее бежать с мехом. Бегучи, застряли в дверях. Зашумел между ними спор.

– Конечно, ты выжил из ума.

– А ты и родилась без него.

Хотели подняться на высокую гору за светом, но помешал им странный монах. «За хлеб-соль я открою вам секрет», – сказал он. По его совету старик взял топор и начать прорубать стену, приговаривая: «Свет весёлый, Свет жизненный, Свет повсеместный, Свет присносущий, Свет нелицеприятный, посети и просвети, и освети храмину мою». Вдруг отворилась стена и храмину наполнил сладкий Свет.

Что же получается, дорогие коллеги?

Зачем нам наполнять мехи Светом, чтобы таскать их внутри.

Надо прорубить окно изнутри, чтобы дать Свету возможность наполнить нас. А это окно не должно быть с видом на наши земные блага, а с видом на духовность свою.

* * *

Хорошо бывать в галерее классиков и мудрецов – наполняешься Светом.

Каждый из них говорит о чём-то своём, но не кажется ли вам, дорогие коллеги, что забота каждого – об одном и том же? Все они – люди разных эпох – строители одного Храма. Может быть, у них у всех есть один Архитектор, и они выполняют его волю? Какая разница, из каких они эпох. Если уж выискивать, откуда они, то наш взор обратится в будущее, отдалённое от нас до Вечности. Все они, во главе со своим Архитектором, стремятся утвердить в мире земного образования понимание Вечности. Смотрите, кем заложены камни Храма, и что на них высечено:

«Учитель» – Конфуций.

«Человек» – Сократ, Платон, Аристотель.

«Душа» – Квинтилиан

«Радость» – Витторино да Фельтре.

«Мудрость» – Коменский.

«Любовь» – Песталоцци.

«Народность» – Ушинский.

«Свобода» – Толстой.

«Оптимизм» – Макаренко.

«Преданность» – Корчак.

«Сердце» – Сухомлинский.

Среди этих великолепий мы увидим камни, сияющие лучистыми мыслями и чувствами. Их заложили преданные невидимому Архитектору великие деятели образования и творцы человеческих жизней и судеб.

И пришло время нам тоже поучаствовать в строительстве Храма, тоже послужить восхождению землян к Свету.

И что же мы высечем на нашем камне? Примет ли Архитектор камень, на котором будет написано: «технологии», или же «стандарты», или же «ЕГЭ», или же «ЗУНы»? Архитектор сочтёт эти камни надругательством над Вечностью, превратит их в пыль.

А если на нашем камне мы со всем своим творчеством, со всем своим усердием и устремлённостью высечем слово «Духовность»? Преподнесём Архитектору дар наш и скажем: «Это от Учителей Двадцать Первого Века». Что ответит нам Архитектор?

Пусть каждый из нас, дорогие коллеги, услышит в сердце своём Его голос.

* * *

На наших книжных полках стоят книги классиков педагогики, мудрецов, мыслителей. И находим время, протягиваем руку, берём одну из них и вдумчиво читаем. А потом оставляем открытой на рабочем столе: книга будет ждать нас, а мы будем спешить к ней.

Дорогие коллеги!

Может быть, в ком-то из вас возникнет желание сделать кого-либо из Учителей Человечества своим Учителем?

Разве не будет радостью и гордостью для нас быть учениками Коменского или Песталоцци, Ушинского или Сухомлинского, Макаренко или Корчака… Нам нужно только твёрдо сказать самому себе: «Я ученик Константина Дмитриевича Ушинского… или Василия Александровича Сухомлинского… или Антона Семёновича Макаренко… или…» А дальше читать книги своего учителя, мысленно с ним общаться и советоваться. Следует также читать книги других Учителей, но с целью более глубокого постижения своего Учителя и утверждения его идей в своём творчестве. Надо уметь быть преданным своему Учителю, иначе оборвём луч Света.

Учитель постоянно сопровождает нас.

Готовимся к завтрашним урокам – Он рядом с нами, советует.

Мы на уроке – Он наблюдает, подсказывает, улыбается нам.

Мы ошибаемся – успокаивает, помогает разобраться.

Мы перед Ребёнком, нам нужно моментально решать воспитательную задачу – Учитель шепнёт мудрость.

Нас покидает терпение, покидает воля – Он поделится своим терпением и волей.

Мы в творческом горении – подаст искру смелости, догадливости.

Он с радостью подарит нам весь свой Свет.

Он поможет нам очиститься и будет гордиться нами.

Он полюбит нас.

Отведёт от гордыни, от зависти или от какого-либо унижающего нас поступка.

Увидят ученики наши, что держим в руках томик.

Спросят: «Что это за книга?»

А мы ответим: «Это – книга моего Учителя».

Удивятся они: «Вы же сами Учитель?! Разве у Учителя есть Учитель?!»

Мы ответим: «Я Учитель для вас, но Ученик для своего Учителя».

Спросят: «Чему Он вас учит?»

Мы скажем: «Учит, как впитывать море Света».

Спросят: «А вы прилежный ученик?»

Мы ответим: «Пусть ваше чуткое сердце заметит, как я расту».

Спросят: «Где ваш Учитель? Он жив?»

Мы ответим: «Он жив, Он всегда рядом со мной. Он учит, чтобы я тоже был всегда рядом с вами».

* * *

Дорогие коллеги!

Дадим ли нашего учителя на поругание?

А такое ведь бывает?

Есть так называемые остепенившиеся учёные, которым очень хочется утвердиться и прославиться в мире образования, в сообществе учёных.

Что для этого нужно?

Нужна мощная свежая идея, нужна основательная творческая практика.

А если этого у него нет?

Тогда есть испытанный способ: выбрать какого-либо классика, какое-либо прославленное имя (особенно тех, которых нет в живых) и яростно на него нападать, критиковать,

опровергать. Шум привлечёт внимание многих, и имя критикана будет у всех на устах. Он уже становится известным. И может случиться, что ему подобные «увидят» в нём учёного, с которым надо считаться.

Так критиковали Сухомлинского за того, что он, видите ли, исповедует «филантропический» гуманизм.

А потом такие критиканы становятся профессорами, их могут выбирать в академики.

Так критикуют Выготского за его теорию развития, самую признанную в мире теорию, чтобы на этой почве утвердить свои несостоявшиеся «идеи» и «методические системы».

Так критикуют Макаренко за то, что его теория коллективного воспитания, якобы, несостоятельна, и это вопреки действительности.

Так критикуют Коменского за то, что, видите ли, «он погубил школу», придумав урок. Как защитить Учителя?

Защитить нужно не ответной критикой и нападками, не шумихой, превосходящей шумиху критиканов, а усилением своей творческой деятельности и демонстрацией силы идей Учителя.

Нам говорят мудрецы: лучшей защитой будет развитие действия в сторону невраждебную; можно разбить враждебные утверждения созиданием новых опытов. Как же должен был поступить истинный учёный? Послушаем, что скажет нам по этому поводу Песталоцци:

Я закончу свою лебединую песню словами:

подвергайте всё испытанию, сохраните хорошее, а если в вас самих созрело нечто лучшее, то правдиво и с любовью присоедините к тому, что я пытаюсь также правдиво и с любовью дать вам на этих страницах.

* * *

Дорогие коллеги!

Кто из вас хочет внести в педагогическую науку свой вклад?

Идите в науку, освещайте своим Светом дебри науки, несите в неё понимание любви, радости и духовности.

Сознание многих учёных окутывает паутина мёртвых понятий.

Если хотите омертвить творческое педагогическое горение, подвергайте его обнаучиванию. Тогда с лёгкостью достигнете того, что оно, это горение, и для вас потеряет смысл, и другим будет трудно воспламениться от вас.

Педагогика – это живая жизнь, а не груда принципов и понятий; педагогическое творчество – как всплеск живой жизни, которая устремляется ввысь.

Наука умеет только консервировать живое творчество в застывшие понятия. Но когда откроем консервную банку, наука оттуда будет смотреть на нас как мумия.

Только живое восприятие творческого опыта, только живое образное слово могут сохранить притягательную силу педагогических устремлений.

Мысли, идеи гибнут в порыве их обнаучивания. Учёные больше любуются вычислениями и диаграммами, таблицами и схемами, чем живым ребёнком. Они забывают о ребёнке. Педагогическая наука сперва отречётся от детей, а потом займётся своими абстракциями и нормативами.

А дети, дети Света зовут на помощь!

Ребёнок в толпе.
Ребёнок в семье алкоголиков.
Ребёнок среди наркоманов.
Ребёнок среди извращенцев.
Ребёнок-бомж.
Ребёнок брошенный.
Ребёнок презираемый.
Ребёнок обездоленный.
Ребёнок в руинах войны.
Ребёнок в мире криминала.
Ребёнок в болоте дурных зрелищ и соблазнов.
Ребёнок, угнетённый богатством.
Ребёнок, угнетённый нищетой.
Ребёнок во тьме равнодушия.
Ребёнок в агрессии взрослых.
Ребёнок – товар.
Ребёнок – сырьё.
Ребёнок – валюта.
Ребёнок во тьме.
Ребёнок в злобе.
Ребёнок голодный.
Ребёнок замёрзший.
Ребёнок в горе.
Ребёнок у пропасти.
Ребёнок перед смертью.
Ребёнок без школы.
Ребёнок без Учителя.
Ребёнок без Учителя!
Ребёнок без Учителя?!

Ребёнок…

Ребёнок…

Ребёнок…

Вот вам, искатели науки, педагогическое поле брани!

Напишу отзыв, выступлю оппонентом, стану научным руководителем, проголосую за, если только защищается диссертация о том, какой наукой сердца был спасён один единственный ребёнок, который мерится не диаграммами и таблицами, не схемами и вычислениями, не мёртвыми понятиями и лживыми выводами, – а слезами диссертанта, обильно пролитыми на каждой странице его труда!

Истинная педагогическая диссертация – как манифест:

– Сердца, раненого от детских трагедий,

– Духа, возмущённого общественным равнодушием,

– Рыцаря, мчавшегося с копьём за спасение чести и достоинства педагогической науки.

А иначе зачем она?

Может быть, чтобы сразу после так называемой защиты бросить её в камин и согреть руки.

От такой «научной» работы не будет Света.

Дорогие коллеги, Учителя Светоносны!

Спасите педагогическую науку, войдите в неё со своим факелом!

* * *

Иметь море Света, чтобы дарить его ученикам!

Это желание прекрасное.

Но надо ещё уметь дарить Свет.

Уметь!

Иначе дар наш, может быть, не будет принят учениками.

Сначала, дорогие коллеги, давайте воодушевимся тем, что в огненном желании нашем, с которым мы родились, было заключено зерно наших профессиональных способностей.

Каждый из нас внутри своего зерна уже есть талантливый Учитель, уже имеет неповторимый Учительский Образ.

Можно сказать смелее: мы родились, чтобы стать Учителями от Бога.

Однако надо дать зерну проявиться, чтобы стало оно нашим творческим умением, которое и поведёт по пути восхождения к вершинам педагогического мастерства.

Для этого нужно:

во-первых, чтобы Сердце и Разум лелеяли в себе

воображаемую Учительскую Жизнь;

во-вторых, чтобы воображаемая Учительская Жизнь столкнулась с реальной педагогической действительностью.

Вот тогда и будет видно: не разобьётся ли наше воображение, как хрустальная ваза, не наступит ли разочарование, за которым последует бегство. Ибо педагогическая действительность не есть райский уголок, где разгуливают дети-цветы, дети-ангелы, глядя в глаза своим наставникам и улавливая каждое их наставническое слово и движение.

Нет, в этом образовательном уголке каждый ребёнок проявляет свой неповторимый характер.

Хотят ли дети воспитываться?

Да, но с условием: беречь сущность каждого.

Хотят ли дети учиться?

Очень даже, но без насилия.

Полюбят ли они своих учителей?

Только тех, которые будут дарить им Свет с любовью.

Конечно, возникнут трудности в проявлении наших стараний и творчества. Но мы сможем преодолеть их, если:

– наша свободная воля станет на страже нашего огненного желания;

– нас будет вдохновлять чувство устремлённости;

– трудности будут осмыслены как необходимые условия для нашего роста;

– ошибки станут для нас уроками, на которых будем учиться.

Желание быть Учителем должно закаляться в огне опыта, который выявляет наш неповторимый личностный образ. Но чтобы образ устремился к наиболее полному проявлению, нам нужно будет погрузить его в творческое горение. И так как совершенству нет предела, то будем неустанными и упорными в наших поисках и стараниях.

Наша внутренняя учительская жизнь, проходящая через внешнюю, обретёт путь постижения педагогической мудрости. Чтобы стать Учителем от Бога, надо верит в свою Искру Божью.

Сомневающийся в своих возможностях таким никогда не станет.

* * *

Трудностей, с которыми мы сталкиваемся в своей учительской жизни, очень много.

Часть из них бытового характера – они иногда отбивают охоту быть Учителем. Часть связана с условиями

администрирования, в которых мы оказались – от них тоже может пострадать наше устремление. Нам нужно их выдержать. Хотя бывает и так: когда такого рода трудности не возникают, нет сложных бытовых проблем, а администрация идёт нам навстречу, поощряет нас, поддерживает и защищает.

Но есть трудность благословенная, которая, если мы примем её мужественно, то на всю жизнь охватит нас стремлением педагогического совершенствования.

То, что мы желаем дарить ученикам Свет – огненное и радостное – это ясно. Ясно также, что у детей тоже есть духовная устремлённость к Свету. Но надо ли нам воображать, что ученики примут наш дар трепетно, радостно и с нетерпением? Например, так же, как мама кормит проголодавшего младенца грудью, а тот хватает её обеими ручками и начинает жадно сосать, и не останавливается, пока не насытится. Вот тогда и можно будет радоваться матери, видя блаженное личико ребёнка – дар её был принят и принёс ему пользу. Матери не нужно специально искать какие-нибудь сложные способы, чтобы склонить ребёнка к кормлению. Это искусство не требует особых усилий воли и особой творческой практики: оно раскрывается в ней само собой, естественно.

Но ученики так же просто принимать Свет от Учителя не будут. Если бы впитывание Света учениками было так же естественно, как кормление младенца, то потеряли бы смысл многие понятия, которые сейчас являются для нас загадкой: педагогическое искусство, педагогическое творчество, воспитание, обучение и т. д. Наш акцент сместился бы на проблемы: что и какие знания дать детям, чтобы им это было полезно, в каком режиме это делать. Такого рода проблемы, конечно, не потребовали бы от нас ни педагогического искусства, ни педагогической науки.

Что это за священная трудность, которая никогда не даст покоя нашему творчеству и всегда будет испытывать нашу учительскую волю?

Обратимся, дорогие коллеги, к классику мировой психологии, Дмитрию Николаевичу Узнадзе, он поможет нам в этом разобраться.

* * *

Предлагаю вам осмыслить идею Дмитрия Николаевича об основной трагедии воспитания, и позволю себе приложить

свои суждения.

Вначале условимся, что я буду пользоваться понятием «педагог» и иметь в виду: учитель, воспитатель, наставник, отчасти и родитель. Также в понятие «подросток» буду включать смыслы: воспитанник, ученик, ребёнок, школьник. Это избавит нас от лишних комментариев и повторов.

А теперь сама идея об основной трагедии воспитания.

В педагогической практике в обилии встречаются ухабы, о которые спотыкается любой педагог. Но среди них есть один самый опасный. Он пронизывает самую сердцевину педагогической практики. Имеется в виду пропасть, которая образовалась между устремлениями педагога и устремлённостью подростка.

Педагог стремится к благоденствию подростка. К своему благоденствию стремится и подросток. Эти Устремления, по логике вещей, должны зародить между ними взаимопонимание и единение. Но на деле получается, что подросток избегает педагога, не хочет подчиниться его желаниям.

Что же является причиной этого удивительного явления?

Причина в том, что педагог и подросток по-разному представляют благоденствие. Педагог видит в нём социальные цели, а подросток исходит из своих собственных интересов. Получается, что благие намерения педагога в отношении подростка последний воспринимает как покушение на его жизненные интересы.

Подросток защищает и охраняет свои личные устремления, он живёт моментом, он раб момента. Он не верит в будущее и никогда не променяет его на настоящее, никогда по своей природной воле никому не уступит своё удовольствие настоящего.

Педагог же своими интересами и заботами коренным образом противодействует такому настроению подростка: ему нужно ковать счастье будущего поколения, готовить подростков к будущей жизни. Потому он выставляет перед ними свою волю как закон.

Но захотят ли подростки пересадить в свою духовную сущность чужой саженец и вырастить его? Многие из них возразят против воли своего педагога, многие с радостью уклонятся от неё влияния, некоторые будут проявлять дерзость, грубость, прямое непослушание. Будет обман, будут хитрости. Конфликтам разного порядка не будет конца.

«Так рождается внутреннее противоречие, своего рода антиномия: стремление к нравственности вызывает в стенах школы безнравственность», что подвергается санкциям

и наказаниям.

И становится возможным также явление, когда педагог вынужден проявить несправедливость, чтобы тем самым утвердить большую справедливость. А это совсем не будет понятно подростку как деяние ради его же будущего блага. И начнётся вторая спираль недоразумений. Складываются долго действующие обстоятельства, которые сохраняют и укрепляют соперничество и раздор, и которые расщепляют единый образовательный процесс.

Вот какая трагедия воспитания!

Педагог несёт подростку свои благие намерения насчёт его будущего. А подросток не то что с благодарностью принимает устремления педагога, но в силу своих актуальных жизненных потребностей опровергает их, считает действия педагога агрессивными.

Может ли педагог отказаться от своих намерений в отношении подростка? Не может. Это его обязанность, это социальный заказ, который он обязан выполнить.

Тогда может ли подросток отказаться от своих актуальных потребностей, чтобы подвергнуть себя влиянию педагога? Тоже не может, потому что такова его природа.

И раз подростки добровольно не сдадутся, то педагог вынужден прибегать к насилию. Получается, что принуждение есть объективный закон образовательного процесса.

«Так идеал вторгается в действительность, и победа всегда остаётся за последней. Воспитатель всегда выносит из своей практики разбитые идеалы, а у подростка остаётся в памяти лишь история своего воспитания, да и она – как неприятный, дурной сон».

Трагедия усугубляется ещё другими обстоятельствами.

В школе педагог имеет дело не столько с одним, сколько с группой подростков. Может ли педагог повлиять на личность каждого, учесть интересы каждого, когда подростков много? Если это было бы возможно, вроде казармы, где офицер подчиняет тысяча солдат как одного, – тогда проблема воспитания личности не возникла бы перед нами. Но дело в том, что в воспитании личности мы должны иметь дело не со всеми сразу, но поодиночке.

Подобное обстоятельство неизбежно создаёт трудность. И это потому, что педагог должен исходить из общих интересов воспитания характера, из интересов общей дисциплины, отсюда даже индивидуальный подход к подростку он будет осуществлять с целью подчинения его непонятным подростку общим установкам и невидимому будущему. А личные устремления его

будут учтены в той мере, в какой они совпадают с общими установками.

«Чувствуете ли вы остроту трагедии воспитания?» – задает нам вопрос Дмитрий Николаевич.

Наверное, именно это вынудило кого-то бросить «эту симпатичную», педагогическую, деятельность. А для того, кто и сегодня несёт это тяжёлое ярмо воспитания, эта трагедия будет по-настоящему актуальным переживанием. Трудно встретить такого педагога, который был бы полностью доволен своей работой. Будущему педагогу всегда говорят об огромном значении воспитания молодого поколения – ковать счастье человечества. Им говорят, что профессия педагога есть самая увлекательная, и быть педагогом достоин не каждый, а только искренний человек.

Но как только он вкусит всю сладость и горечь образовательной практики, тогда и начнёт понимать, что означает это увлекательное выковывание счастья.

«Вот почему выслушивание этих фраз вызывает у педагога ироническую улыбку. Он уже не верит в величие своей профессии, и его опыт и практика подорвали веру в это и вместо красивых картин раскрыли перед ним горькую действительность, – из кузнеца счастья он превратился в источник бед для подрастающего поколения. Он чувствует это, он каждую минуту готов махнуть рукой на свою профессию и искать счастья в другом месте».

* * *

Дорогие коллеги!

Дмитрий Николаевич Узнадзе, как вы, наверное, догадываетесь, имеет в виду авторитарного педагога и авторитарную педагогику. Это такое видение образовательной действительности, когда педагог принимает трагедию, провоцируемую объективным законом принуждения, как свою собственную и не видит трагедию подростка. В таком образовательном процессе делается жёсткое заключение: прямыми или скрытыми способами давить на противостоящую себе силу.

Сила против силы, зло против зла!

Что из этого может получиться?

Конечно, не все педагоги, не все подростки разбегутся в разные стороны. Подростки будут ходить в школу, будут учиться, даже найдут в школе некую радость жизни. Но скука

школьная, всё равно, не покинет их. Потому они, как правило, будут искать жизнь, свободу и удовольствия своих личностных устремлений скорее не в школе или в занятиях, а в совсем других сферах и других сообществах. А беда в том, что нет никакой надежды на то, что современная социальная среда повсеместно благоприятствовала рождению и развитию в подростках духовно-нравственных и познавательных ценностей.

Противоречия в образовании, откуда вытекает трагедия воспитания, есть объективная действительность. Да, подросток всегда будет защищать свои актуальные потребности, ибо в них радость и удовольствия. Как выразился Дмитрий Николаевич, он раб актуального момента. Это так будет и впредь, ибо такова природа в подростке, такова его сущность.

Но вот о педагоге можно сказать: останется ли и он тоже рабом (разумеется, не своих актуальных устремлений) тех ложных представлений, которые он воспринимает от авторитарных образовательных традиций, считая их истиной? Если да, тогда он окажется в зарослях авторитаризма. Нельзя быть гуманным, но оставаться авторитарным. Нам будет только очень жаль, что ему не удастся познать в своих учениках современное поколение детей, которых мы называем Детьми Света, и не порадует себяустремлением впитывать моря Света.

Дмитрий Николаевич не делает из факта трагедии воспитания драматические выводы. Скорее, наоборот.

Да, «это противоречие носит постоянный характер, это неизбежная трудность, возникшая в самой сердцевине воспитания».

Но с законами природы в подростке бороться не надо. Раз закон актуальных потребностей в подростке существует, значит, это правильно. Нет неправильных законов у природы. Нам лучше понять закон, сотрудничать с ним, и это будет на пользу и подростку, и педагогу.

Наша педагогическая воля, тем более объединённая, да ещё творческая, в состоянии изменить направление образовательного процесса, и объективный закон принуждения не направит подростков в сторону отчуждения от нас.

Дмитрий Николаевич искал выход в экспериментальной педагогике, что равносильно гуманной педагогике.

Экспериментальная (для нас – гуманная) педагогика, говорит он:

– разворачивает перед нашим взором картину психической жизни подростка;

– знакомит нас со всеми потенциальными и активными силами, скрытыми в его душе;

– открывает все богатства, заключенные в глубинах души подростка;

– проявляет то направление, по которому идёт развитие его духовной жизни;

– даёт знать о существенных признаках всех главенствующих этапов развития.

А теперь о заключениях Дмитрия Николаевича: *«…и всё это, конечно, даст возможность безболезненно и ненавязчиво сочетать наши цели социального характера с материалом духовного богатства ребёнка, с направлением его естественного развития.*

Таким образом, почти незаметно мы достигнем цели: устремления социального характера станут частью личных устремлений ребёнка и будут усвоены».

И далее:

«Ознакомление с духовной жизнью ребёнка, особенно с развитием его естественных интересов откроет широкий путь любому воспитательному воздействию и, тем самым, ощутимо ослабит неистовство того трагического потока, который рождается и несётся на почве воспитания».

* * *

– Я не могу писать контрольную, видите, руку сломал.

– Пиши левой рукой.

– Будет неразборчиво, вы не поймёте.

– Это наша проблема.

– Не могу писать левой рукой.

– Напишешь контрольную через неделю.

– Через неделю не вылечусь.

– Напишешь, когда вылечишься.

– Я не знаю, когда… В конце года. Вряд ли.

– Тогда назначим переэкзаменовку на осень.

– Боюсь, что и тогда рука будет болеть.

– Ну что же, не получишь аттестат.

– Это всё, чем вы можете утешить меня.

– А что ещё?

– Надеждой какой-нибудь…

– Это школа, а не богадельня.

– Ну ладно, раз так. Это я нарочно забинтовал руку, чтобы испытать вас.

– Как ты посмел…

– Это почему? Должен ведь я знать, на чьей вы стороне!

* * *

Дорогие коллеги!

Предлагаю избавиться от одного заблуждения, которое влечёт за собой бесконечное множество неверных толкований и действий. Заблуждение заключается в тезисе о том, что школа готовит детей, молодое поколение, к будущей жизни.

Давайте сперва разберёмся, о какой подготовке и будущей жизни идёт речь.

С религиозной точки зрения будущая жизнь – это жизнь в Царстве Небесном, она вечная, и может начаться после ухода человека из земной жизни, из жизни в материальном мире. Церковь считает, что земная жизнь есть подготовка для жизни будущей – Небесной. Такой подготовке способствует религиозное воспитание и жизнь по заповедям данной религии.

Педагогическое учение Яна Амоса Коменского имеет в виду именно такую подготовку молодых людей в условиях семьи и школы. Точнее, имеется в виду такое светское образование, которое направит душу растущего человека к Богу. Главы «Великой дидактики» гласят: «Эта жизнь является только подготовлением к вечной жизни», «Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с собой всего), управление собой и стремление к Богу».

Для церкви будущая жизнь – вполне конкретное понятие, и потому, исходя из цели, она может наметить содержание и пути воспитания. Религиозные школы направляют поколения (не только молодые, но и старшие) к такому пониманию будущей жизни и соответствующему ей образу жизни на земле.

Константин Дмитриевич Ушинский призывает, чтобы светские, народные школы сохранили в себе «разумную религиозность».

Современные светские, в первую очередь, государственные школы не ставят задачу такой подготовки своих учеников к будущей жизни. Они имеют в виду подготовку молодого поколения для той части жизни, которая начинается после завершения одного из этапов среднего и, может быть, высшего образования. Светская школа не заботится о той жизни, в которую уходит человек после смерти, ибо считает, что религиозная вера и жизнь по законам веры – это свободный выбор человека.

Мыслится, что жизнь, для которой школа готовит молодое поколение, должна начаться после завершения среднего или высшего образования, особенно же тогда, когда молодой человек приобретает профессию и приступает к самостоятельной трудовой жизни.

Чтобы готовить поступившего в первый класс ребёнка для будущей жизни, нам будет необходимо знать: какая будет эта жизнь спустя два десятилетия. Нам нужно будет ответить на вопрос: эта будущая жизнь ждёт молодых людей там, или в том будущем пока пустота, и только своим приходом они наполнят её смыслом?

Есть и не менее важный вопрос: каково качественное соотношение между жизнью, которая уже есть, и жизнью, которая наступит спустя десятилетия? Одно из трёх или будущая жизнь будет гораздо лучше нынешней и (но в каком смысле: экономическом, культурном, духовно-нравственном?), или она будет такая же, как сейчас, или будет хуже, чем сейчас (тогда надо готовиться к худшим временам).

У нас нет ответа на эти вопросы. Знали бы мы точно, что ждёт подрастающее поколение в будущем (как это знает Церковь), то мы, действительно, приняли бы педагогические меры, чтобы молодые люди, вступившие в неё, могли бы выжить, могли бы сохранить жизнь, или же, если она обязательно будет светлая, обогащали её.

Но знать на сто лет вперёд, как изменится жизнь и, особенно, как в ней надо жить и действовать, – мы пока не научились. Значит, подготовка нынешнего школьного поколения к жизни в 50-90-е годы двадцать первого века скорее станет блужданием в потёмках.

Реальная школьная жизнь в целом, конечно, никакая ни подготовка к будущей жизни. Это так же, как и нынешние поколения взрослых (скажем, моё поколение 30-х годов прошлого века), не получили в школе никакой подготовки к жизни, хотя только об этом и шла речь, о том, что нас воспитывали как верных строителей коммунизма, которое считалось «светлым будущим». Но настало время, пришло это будущее, стало оно настоящей жизнью 80–90-х годов и начала двадцать первого века, – и в ней потеряли смысл ценности, которыек в нас вложили. Что же произошло с людьми, в которых когда-то вкладывали идеалы будущей светлой жизни? Пришло разочарование, растерянность, конфликт с новым временем, крушение надежд и т. д. и т. п.

Туманный смысл о подготовке поколения к будущей жизни не может стать в нашей образовательной деятельности более или менее естественным инструментом для воодушевления наших учеников, мы не можем им сказать: «Смотрите, к каким сияющим вершинам мы вас ведём!»

* * *

Но зато получается нечто вовсе неестественное: под видом подготовки к будущей жизни мы требуем от своих учеников смирения и послушания, выполнения воли своих учителей и воспитателей, терпения и дисциплины, принятия ограничений в свободе – и всё это они должны считать за благо, творимое для их будущего. А так как школьники в силу трагедии воспитания принять всё это безоговорочно не могут, то вступают в силу санкции, наказания и тому подобные средства. Это есть одна из веских причин того, что суициды среди школьников устрашают, курение, алкоголизм и наркомания ужасают, а в отношении сотни тысяч и миллионов детей бомжей общество становится равнодушным.

Навязываемая нами туманная будущность не становится для наших учеников источников светлых мотивов. А в результате получается, что ученики отбывают школьные годы как наказание, а не проживают их как радостную полосу детства и юности.

Мы можем упростить для себя вопрос: мы вооружим учеников прочными знаниями, умениями и навыками, поможем, если получится, сориентироваться в выборе профессии, может быть, дадим какие-либо первоначальные профессиональные навыки, – это и будет их подготовкой к будущей жизни, или, просто к жизни, а дальше пусть сообразят сами.

Однако по опыту видим, что от школьных знаний молодые люди освобождаются с лёгкостью и сразу, как только покидают школу. Мудрость Альберта Эйнштейна поможет нам понять смысл школьного образования: образование это то, говорит он, что остаётся от школьных знаний, когда забывается всё.

Жизнь наших учеников дальше будет строиться не на базе школьных знаний, а на основе совсем других знаний, которые они приобретут сами по подсказке самой жизни и по велению собственных интересов и обстоятельств.

У нас нет никакой уверенности, что в школьных предметах, которые именуются основами наук, действительно заложены основы будущей жизни. Основы наук нельзя возвести над основами жизни. Эти знания, пусть даже обширные и глубокие, займут в многогранной жизни людей не столь уж значимое место, чтобы стоило из-за них жертвовать прекрасными годами жизни. Роль, притом, важнейшую, могут сыграть, как это ни парадоксально, формальные удостоверения (аттестаты, дипломы и т. п.) о полученных знаниях. Эти бумаги дадут им право продвигаться в жизни, притом, не в жизни в целом, а в некой узкой её сфере, где можно иметь материальное благо. Школьные знания не решают действительно насущные проблемы жизни: общения и труда, смысла жизни и устремлённости,

благородства и преданности, любви и верности, воспитания собственных детей и социальной активности, духовности и веры и т. д. Для школы все эти основания жизни или не существуют, или о них может быть лишь замолвлено слово.

В педагогической среде то и дело блуждает ещё одно понятие: приспособить (адаптировать) молодых людей к жизни. Что значит приспособить? Если жизнь вокруг молодых людей недостойная, к чему мы их будем приспосабливать? Саму жизнь трогать не будем? А только научим молодых людей, как себя вести, чтобы эта недостойная жизнь не раздавила их, так, что ли? Или, может быть, научить их, как найти выгоду в этой непригодной жизни для своих личных целей, так, что ли?

Самой жизни такое приспособленчество ничего хорошего не принесёт. Принесёт застой и нечто худшее. Жизнь двигается не тогда, когда люди перестраивают себя в пользу сложившихся условий, а тогда, когда они начинают менять одни условия на другие, получше. Понятие адаптации хорошо применяют в особых сферах образовательной деятельности, но в отношении подготовки к жизни оно не совсем верно.

* * *

Птицы отдали своих птенцов в школу Совы.

Сова в безлунную ночь усадила учеников на ветку и начала готовить их к жизни.

Она дала им ЗУНы об основах наук безлунной ночи, о философии одиночества в дупле, о зверином правопорядке ночного леса.

Потом провела ЕГЭ, выдала всем аттестаты зрелости и сказала: «Живите!» Сама же срочно залезла в дупло, ибо наступило утро и взошло Солнце.

Выпускники оглянулись: нет безлунной тьмы, нет одиночества, нет ночного леса. Как жить?

Они закричали Сове в дупле:

–Ты готовила нас для ночной жизни в лесу, а мы – птицы Света. Как же теперь нам жить?

– Разберитесь сами… – выдохнула Сова из дупла и погрузилась в философию одиночества.

* * *

А теперь о том, хотят ли дети, чтобы взрослые готовили их

к будущей жизни (говорят иногда – «большой жизни», «настоящей жизни», ибо считается, что жизнь школьников ещё не есть ни большая, ни настоящая. Но какая же тогда она?).

Прямого ответа на этот вопрос – «да» или «нет» – мы не найдём.

Нам надо сперва разобраться, что есть хотение и из каких переживаний оно слагается.

Одной группе психологических свойств ребёнка присуща тяга к будущему, тяга побыстрее шагнуть в него или же перетянуть его на сегодня. Такими свойствами являются: желания, потребности, чаяния, интересы, планы, мечтания, фантазии, зов сердца, стремление к совершенствованию, смысл жизни (может быть, кое-что такого рода). В каждом из этих свойств заключена сила, которая побуждает ребёнка шагнуть в будущее. Их своеобразный синтез превращается в осознанное или малоосознанное актуальное чувство хотения. Оно объединяет энергетические импульсы вовлечённых в него психических актов и становится силой, которая направляет ребёнка на поиск условий, его удовлетворяющих. А эти условия будут находиться на некоем – большом или малом – расстоянии от настоящего и, порой, от окружающего актуального пространства. Значит, чтобы удовлетворить хотение (а оно этого требует), нужно шагнуть в будущее, при этом, если только возможно, не дожидаясь его, а перетягивая в день настоящий!

Между хотениями ребёнка и хотениями взрослого есть большая разница: ребёнок нетерпелив в удовлетворении своего хотения, взрослый же может отложить свои хотения до поры до времени или вовсе отказаться от них.

Здесь надо сослаться ещё на одно понятие – ожидание. Если ребёнку обещают исполнение какого-либо сильного желания спустя, скажем, неделю, то эта неделя наполнится переживанием ожидания, и он с нетерпением будет ждать, когда же наступит назначенный день. Эти периоды ожидания таят в себе воспитательные возможности: ребёнок становится более податливым, послушным, ради исполнения обещанного может проявить волю к выполнению своих обязанностей, которые иначе для него в тягость. Если только воспользоваться периодами ожидания мудро, можно будет развить в ребёнке волю, терпение, понимание, согласие; можно помочь ему отказаться от дурных привычек и нежелательных устремлений.

Однако будет очень опасно для воспитания, если взрослые не сдержат своего слова, не выполнят обещанного. Если ожидаемое будущее не состоится, это вызовет в ребёнке самые отрицательные эмоции и чувства, среди которых будет недоверие

и к взрослым, которые обманывают, и к будущему, которое изменчиво.

Дети без хотения не бывают. А природа хотения показывает, что они, хотя не совсем осознанно, тянутся к завтрашнему дню, лучше сказать, к ближайшему, а не отдалённому будущему.

Но в ребёнке есть ещё одна мощнейшая природная сила, которая устремляет его к своему завтрашнему дню ещё больше – это страсть к взрослению. Ребёнку не терпится быть более взрослым, чем он сейчас уже есть. С возрастом эта страсть меняет формы и содержательный смысл проявления, всё больше усиливается, пока не наступит время её угасания.

Мудрецы скажут: после двадцатитрёхлетнего возраста никто маленьким не является.

Наступит чувство взрослости, и страсть к взрослению прекращается. Ребёнку же, который мучительно переживает эту страсть и ищет условия её удовлетворения, взрослые часто напоминают: «Ты ещё маленький… Тебе это пока нельзя… Пока тебе рано этим заниматься… Вот поумнеешь, тогда и разрешим…» Иногда и запрещают лезть туда, где им не место.

Детство есть процесс взросления, а взросление есть процесс вхождения в будущее; а так как оно есть страсть, то без мудрого участия взрослого ребёнок может запутаться. Он может с лёгкостью перенять дурные привычки взрослых, может попасть в дурную компанию, может сквернословить, самовольничать, причинять себе непоправимый вред.

Страсть к взрослению может стать педагогическим инструментом в руках взрослого, и он обязан применять его мудро, помочь ребёнку взрослеть и даже ускорять ход взросления, направить его на путь самопознания и самосовершенствования, помочь задуматься о смысле и о своём предназначении.

Вывод из всего сказанного один: да, вся сущность ребёнка стремится к будущему, но к такому, в радиусе которого его хотения сохраняют напряжённое устремление. Но чтобы принять смысл более отдалённого будущего, которому он подчинит свою свободную волю, ребёнок нуждается в подготовке.

Если завтра предстоит долгожданный поход, не будет ли он готовиться сегодня?

Если в ближайшем будущем предстоит долгожданная поездка, не будет ли он заблаговременно думать, что возьмёт с собой, и не будет ли заранее укладывать чемодан.

Если завтра будет урок любимого Учителя, не начнет ли он сегодня готовить его задание?

Если собирается купить велосипед, не будет ли месяцами копить в копилке деньги.

Если решил участвовать в будущем году в олимпиаде интеллектуалов, не будет ли он уже в этом году целенаправленно готовиться к ней?

Если он действительно решил стать физиком, не будет ли в течение предыдущих лет проявлять свои способности и ставить физические эксперименты?

И если кто придёт к нему помочь готовиться к желанному будущему, будет ли он с порога опровергать такую помощь?

Но ребёнок категорически не приемлет никакую помощь, никакую заботу учителей и воспитателей о нём, если они переходят в принуждение, навязывание. Он не будет считать за благо никакую заботу своих учителей и воспитателей о его будущем, если она – забота – не согласована с его сущностью. Настоящая жизнь ребёнка весьма богата и многогранна. Сужениие её до учения или до выработки навыков вызовет в нём волну протеста и негодования. В школах, где авторитаризм является нормой, дети могут сказать, что там у них жизни нет.

* * *

Дорогие коллеги!

Хочу сам разобраться в источниках, откуда могу впитать в себя смысл жизни; хочу разобраться в соотношении трёх времён, которые называются прошлым, настоящим и будущим. Вы проследите, пожалуйста, за ходом моих размышлений и, если сочтёте нужным, сделайте для себя выводы. Мои размышления являются вариацией на темы уже известных философских проблем.

Говорят, пишут, исследуют – что Библия полна предсказаний, загадок и знаков, при разгадке которых мы бы могли узнать многое о своём будущем, о будущем человечества вплоть до конца Света.

Говорят, исследуют, что Нострадамус предсказал события, которым суждено произойти в будущем – более или менее отдалённом. Часть предсказаний нашла подтверждение, ибо исполнилась. Часть ждёт своего часа, чтобы исполниться. Часть же предсказаний пока не поддаётся распознаванию.

Говорят, пишут, подтверждают, что болгарская слепая женщина Ванга была ясновидящей и многим предсказала будущее, многих предупредила о надвигающихся бедах; предсказала события, которые произошли или произойдут в будущем на Земле. Среди тех, которые свидетельствуют о верности предсказаний Ванги, есть весьма уважаемые люди,

в том числе науки, которым можно верить.

Все мировые религии, многие мудрецы, философы и мыслители, которые наполнили разум человечества идеями, утверждают, что душа человека есть бессмертная сущность; утверждают ещё, что существуют Высшие Миры, в которых продолжается жизнь духовного плана; есть Царство Небесное – мир бессмертия и блаженства. Истина эта, как утверждают духовные и философские учения, может быть познана только в духе каждым отдельным человеком, потому она личностная.

Она и порождает веру или укрепляет её в душе человека. И если он задаст самому себе вопрос – в чём смысл жизни, сам же найдёт ответ: познавать и совершенствоваться. В этой формуле отражается всё содержание духовно-нравственной жизни человека, его отношения к самой жизни, ко всему, что на Земле и на Небесах. Путь его будет направлен к Свету, к Высшим Мирам, к Богу.

Можно ли перечеркнуть невидимую вечную жизнь одним отрицанием: «Не верю»?

Если кто скажет, что это все ложь, и обратится к науке, то она не сможет оправдать его ожидания. Но своя вера заставит его выбирать соответствующий смысл жизни: «Бери от жизни всё», и путь его будет направлен к земным благам и удовольствиям.

Можно было бы тут поразмышлять о том, на что могут быть нацелены образование и подготовка подрастающего поколения к будущей жизни, но реальность до такой степени очевидна, что размышления мои на этот счёт излишни. Скажу только: в словаре авторитарной педагогики тоже существуют понятия: духовность, гуманность, радость, любовь и т. д. Но всё дело в смысле этих понятий.

Можно ли быть гуманным, но оставаться авторитарным? Можно ли говорить о духовности, опровергая дух?

Можно ли любить без чувства сострадания?

Можно ли предложить ученикам, чтобы они радовались учительскому авторитаризму?

Примет ли такой подход мудрость: иметь собственность без чувства собственности?

И в чём же будет заключаться смысл подготовки учеников к будущей жизни? В том, по всей вероятности, чтобы они преуспели в продвижении по карьерной лестнице и приобретении материальных благ. Как это может произойти? Так, как подскажут условия жизни, без особой оглядки на нравственность.

Я оставляю эту тему, она для меня очень скучная и грустная.

А воодушевляет меня идея о познании и совершенствовании смысла жизни. Самосовершенствование достигается через

расширение сознания личности и через преобразование ею внешнего мира. Самосовершенствование, по сути своей, есть сложный путь впитывания Света, или, как говорил Лев Николаевич Толстой, очищения себя, чтобы дать возможность проявиться в нас Вечному Свету. Как можно заниматься самосовершенствованием, если не творить общее благо, не мыслить о вечном, не восполниться заботой о человечестве?

* * *

Вот прекрасная космогоническая притча, которую я вычитал из Учения Жизни. С ее помощью мне легче будет выразить свои отношения.

Жило ужасное чудовище, пожирающее людей. Однажды оно преследовало очередную жертву. Человек, спасаясь, нырнул в озеро. Чудовище прыгнуло следом за ним. Ища спасения, человек прыгнул на спину чудовища и крепко схватился за торчащий гребень. Чудовище не могло перевернуться на спину, ибо его брюхо было незащищено. Но человек думал, что он своим отчаянным положением спасает человечество, и в этой мировой мечте силы его напрягались без устали. Чудовище, между тем, так ускорило бег, что искры летели огненным хвостом. И в пламени чудовище стало подниматься над Землёю. Мировая мысль человека подняла даже врага. Когда мы увидим комету, пошлём свою благодарность отважному всаднику чудовища. Мысли наши дадут ему новые силы.

Вот какой вывод следует за притчей:

«Устремите себя на руководящую мысль о помощи человечеству. Думайте ясно, что вы делаете не личное, не групповое, но абсолютно полезное дело. Делаемое вами без времени и пространства является трудом на соединение миров. Храните руководящую огненную мысль».

Руководящая огненная мысль есть устремлённость к морю Света.

* * *

О прошлом, настоящем и будущем.

Можно ли эти времена слить в нашем сознании воедино?

Прошло, конечно, останется прошлым, настоящее – настоящим, будущее – будущим. Но может ли наше сознание, исходя из понятия вечности, найти в них то, что составляет

основу человеческой жизни в мире земном и в мире надземном? Если мы найдём решение этой загадки, тогда смысл подготовки подрастающего поколения к будущей жизни обернётся другой, более светлой стороной.

То, что было, то ушло. Но ушло ли насовсем?

То, что будет, ещё не наступило. Но так ли это на самом деле?

Что же делает настоящее: нет ли в нём ничего из прошлого и ничего из будущего?

Для того чтобы мы жили, проявляли себя, общались, созидали, творили, переживали, мыслили, достигали, радовались, огорчались и т. д. – нам нужно только настоящее, оно реально, материально, актуально. Оно здесь и сейчас. Но весь смысл в том, что без присутствия в нас прошлого и без присутствия будущего не будет настоящего. Жизнь происходит в нас самих, а не вне нас.

Завтра или более отдалённое будущее существуют не где-то там, а в нашем внутреннем, духовном мире; также как и вчера, которое без нас пропало бы бесследно. Что нам даёт прошлое? Оно оставляет в нас опыт, жемчужины знаний, продвинутое, расширенное сознание, переживания.

Всё это – суть Света. Всему этому нет конца, ибо над звёздами есть звёзды, над небесами есть небеса. В настоящем будет то же самое, только на другом, витке спирали, которая без прошлого прервётся.

Что же сулит нам будущее?

Веру в новый виток спирали.

Вот какая задача передо мной возникает.

Вчера мы решили завести кирпичи для строительства храма.

Сегодня завезли кирпичи.

Завтра будем строить.

Но в этом ли суть нашей деятельности?

Смысл единства этих времён мы извлекаем с помощью вопроса: из какого из этих времён к нам пришла идея строить храм?

Вряд ли мы сможем однозначно указать на какое-либо время.

Не было бы прошлого, мы бы не рискнули взяться за большое дело: нам нужны силы (знания, опыт, уверенность…), и прошлое даёт их нам. Не было бы будущего, к которому устремлена наша сущность, у нас не было бы нужды что-либо строить. Не было бы настоящего, мы бы не осуществили идею строительства храма.

Таким образом, будущее вдохновляет нас, прошлое – обнадёживает, поощряет, вселяет уверенность, настоящее же двигает к созиданию.

Настоящее есть синтез прошлого и будущего. Выключите

одно из этих звеньев – и не будет ничего, не будет творения. А все они вместе – одно целое, воплощающееся в настоящем, сегодняшнем дне, часе, даже в миге.

Прошлое и будущее существуют только через настоящее. Жизнь протекает только в настоящем, но с опытом прошлого и с мыслью о будущем. В прошлое, которое есть календарная действительность, мы никогда не вернёмся. В будущее, которое тоже есть календарная действительность, никогда не перескочим, минуя настоящее. Есть одна непрерывная нить – вечность, которую мы можем ощущать и осознавать в себе. Она и называется в нашем земном понимании настоящим. Настоящее есть земное название космической вечности.

Конечно, от всего того, что может помешать нашему творчеству, и что нам осталось от прошлого, мы освобождаемся, но от накопленного Света освобождаться не будем, ибо ради него мы и пришли в земную жизнь. Его и унесём с собой в жизнь неземную. То, от чего мы освобождаемся: от ошибок и заблуждений, от нечистых мыслей и чувств, неверных жизненных шагов, – всё это отходы земного строительства. Отходы наши и есть прошлое. Но то, от чего не будем освобождаться, станет истиной и прошлого, и настоящего, и будущего, иначе – вечностью, которая без времени и составляет нашу нарастающую суть. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный», – призвал нас Иисус Христос. Смысл жизни каждого отдельного человека есть непрестанное самосовершенствование, которое мы достигаем путём улучшения жизни, её условий и форм. Мы не можем совершенствовать себя, не думая о красоте жизни и не созидая прекрасное.

Все эти рассуждения я извлекал из основополагающей для меня идеи «Живой Этики»:

«Так надо строить, чтобы всё прошлое совпало с будущим.
Разрушается всё ошибочное и случайное,
но нить знания не должна быть нарушена.
Не уступки прошлому, но поток вечности».

Прошу вас, дорогие коллеги, обратите внимание на зерно этого постулата: «Так надо строить, чтобы всё прошлое совпало с будущим». То есть, так, чтобы, как только возможно, не было бы отходов. Тогда прошлое и совпадёт с будущим, и это совпадение произойдёт в вечно настоящем, которое движется с помощью энергии прошлого и магнита будущего.

Я начал свои размышления, сославшись на предсказания о будущем. Если развивать эту тему, то нужно будет принять допущения о том, что будущее в нашем присутствии уже существует, но не надо думать, что мы обречены на те события,

которые ждут нас, которые там уже происходят, свершаются в разных периодах будущности.

Будет неверным считать, что мы обречены событиями будущего, ибо каждый человек наделён такой мощнейшей направляющей силой, какая есть личная Свободная Воля. Она, эта божественная сила, которая есть качество Бога, даёт нам возможность, даже власть, находясь в настоящем, управлять будущим. Если пророк скажет нам, что в будущем нас ждёт страшный суд, и мы поверим в это, неужели не направим нашу Свободную Волю к таким действиям и к такому образу жизни, которые помогут нам миновать или смягчить нашу участь.

В этом будущем уготавливаются события, которые вызываются нашей жизнью в настоящем. В настоящем мы сеем причины, их уносит прошлое, но в последующем настоящем мы получаем следствия. Возникает такая философская картина: наше прошлое не покидает нас, даже опережает наше настоящее, чтобы встретиться с нами как преобразованное настоящее.

Закон причины и следствия – незыблемый закон во всех сферах земных и космических проявлений. Что посеем, то и пожинаем. Мы вечные сеятели причин и пожинатели следствий. Но надо отдать должное этому универсальному закону: следствия всегда будут превосходить причины. Сказано: посеешь ветер, получишь бурю. Если посеем любовь и добро, получим Свет и восхождение. Посеем злобу и ненависть, получим тьму и проклятие. А если сеятель окажется мудрым, он будет сеять постоянно только искорки Света и будет также постоянно пожинать лучики Света.

Но надо знать, что сколько бы ни было в нас Света, – море, океан, – на пути вечности и беспредельности всё равно будем жаждать его.

* * *

Дорогие коллеги!

Этот философский экскурс понадобился мне, как вы, конечно, догадываетесь, для своих педагогических выводов. Точнее, я попытался представить вам философский подтекст моего педагогического текста.

А теперь предлагаю вам выводы в связи с пониманием смысла подготовки школьников не к будущей жизни, а к основам жизни. Для этого нужно:

Первый вывод.

Воспитывать в них жизнь с помощью самой жизни. «Дети

не готовятся к жизни, они уже живут», – так сказал Константин Дмитриевич Ушинский.

Второй вывод.

Помогать им впитывать в себя универсальный закон причины и следствия, – он действует и в большом, и в малом, – и научиться строить по нему жизнь.

Третий вывод.

Помогать им впитывать в себя универсальный смысл жизни: совершенствовать себя через совершенствование жизни вокруг себя и внутри себя.

Четвёртый вывод.

Развивать в них возвышенное воображение и стремления к прекрасному, научить и помогать им воплощать воображаемое в реальность.

Пятый вывод.

Развивать в них способность направлять свой взор на собственный внутренний мир, где они могут открыть свое предназначение, свою миссию и где они могут постигнуть смысл служения Свету.

Шестой вывод.

Устремлять их сущность к благородству и великодушию, к творению блага и любви, и объяснить им, как происходит гранение алмаза духа.

Седьмой вывод.

Если всё это по-прежнему будет именоваться подготовкой наших учеников к будущей жизни, то пусть забота о будущем нисколько не умалит жизнь настоящую, пусть будущее освещает своим присутствием настоящее, пусть будущее станет дыханием настоящего, пусть настоящее станет как будущее.

* * *

Чем славится Поэт?

Стихами, которые западают в сердце.

Стихи – искорки Света Поэта.

Чем славится Художник? Картинами, которые внушают красоту. Картины – искорки Света Художника.

Чем славится Композитор? Мелодиями, которые обмывают душу. Мелодии – искорки Света Композитора.

Чем славится Учитель?

Конечно же, уроками, которые воспитывают личность.

Уроки – искорки Света Учителя.

На уроках, прославляющих жизнь духа, рождается весь народ,

вся страна, весь мир, вся планета.

Истоками всей светлой части ноосферы, рождённой и рождающейся беспрерывно, являются миллионы светлых уроков.

Уроки жизни духа творит Дух Планеты.

Но уроки безжизненные и бездуховные, как и подобного рода стихотворчество, музыка, живопись и вся псевдокультура, набрасывают на ноосферу тени и пятна, которые разводят невежество, безнравственность, злобу и безвкусицу.

Есть люди, которые могли бы стать светлыми, но такими не стали, это потому что им не достались светлые уроки своих учителей.

* * *

Учитель и Урок – целостное явление.

Нет Урока без Учителя.

Учитель есть творец Урока.

Урок есть альфа и омега школы.

Урок – искра знаний, которая рождается во внутреннем Свете Учителя и дарится ученикам.

Но во что урок превратился на деле и в обнаученной туманности?

«Какая у вас нагрузка, коллега?»

«Нагрузка» – это количество уроков в неделю, на основе чего исчисляется зарплата.

Учитель загружен уроками!

«Нагрузка» – понятие не очень-то радостное. Имеется виду, что на Учителе лежит какая-то тяжесть. Он сбросил бы её со своих плеч, но не может, от неё зависит материально. Но если ещё учесть, что каждый урок есть весьма нелёгкая система общения, то будет понятно, что «нагрузка» и «сверхнагрузка» согнёт в плечах любого учителя, для которого уроки обнаученные формы обучения, а не проба своих сил и сил своих учеников. Учитель, для которого «нагрузка» есть тяжесть, достоин сожаления: он грустный, озабоченный, раздражённый, злобный, спешащий, кричащий… Для него класс – это гнездо зла. Какие там «индиго», какие там «дети Света», «дети нового сознания»? Таковые для него не существуют.

«Нагрузка… нагрузка… нагрузка…»

Это слово, в общем-то, полезное, но для физического мира.

Чем чаще будем повторять и мыслить его в связи с уроками, тем оно, в конце концов, сделает уроки действительно тяжёлым

грузом. Мы должны отдать должное нашему подсознанию, которое незаметно для нас впитывает в себя часто повторяемы образы, а потом также скрыто влияет ими на наше сознание и на наши последующие восприятия. В данном случае груз есть груз – тяжесть. Хотя мы вкладываем в это слово вроде бы не тот смысл, который оно несёт, а смысл – количество уроков-часов, которыми определяется зарплата. Но почему выбрали именно это слово – «нагрузка», когда можно было бы пользоваться словами: оклад, жалованье, зарплата?

Если уроки для учителя нагрузка, чем же они будут для учеников? Тоже нагрузкой? Ведь им приходится сидеть на уроках в неделю 20–24 часа в начальных классах, а 40–45 часов – в старших! Вот и приходится говорить о перегрузке учеников.

Может быть, оставим в покое слово «нагрузка» в связи с уроками, ибо наша педагогическая речь без этого и подобных ему слов станет ещё чище, а в наших отношениях к уроку не зародятся подсознательные негативы.

Скажем о других негативах тоже, чтобы снять с урока лишние характеристики, ограничивающие его смысл.

Вот обычный вопрос в учительской:

– Коллега, чем вы были заняты?

Вот и обычный ответ:

– Проводил урок, чем же ещё…

Как будто по-другому и не скажешь: провёл урок, провожу урок, проведу урок. В этих «провожу урок», «проведу урок» положительных эмоций, должно быть, очень мало.

У учителя есть нагрузка, вот и провёл он сегодня свои пять-шесть уроков, выполнил свою обязанность, свалил с себя груз, вздохнул облегчённо. Чувство служения, чувство радости в этом «провожу урок» не звучит. В нём не звучит радость. Каково же будет ученикам, которым учитель провёл очередной урок?

В общем, мне не нравится «проводить урок», так же как не нравится ещё одно выражение из учительской профессиональной лексики: дать урок.

Как это можно – дать Урок?

Это выражение имеет весьма грустный подтекст: учитель даёт урок, если кто хочет, пусть берёт, ему не жалко, таких уроков-штампов у него много. Кто же не захочет взять уроки, пусть пеняет на себя, ему самому хуже будет.

Урок даётся, не глядя в глаза ученикам. Логика нехитрая: учитель даёт ученикам «качественный» урок; но ученики, со своей стороны, должны ведь качественно его принять: быть дисциплинированными, внимательными, выполнять задания,

отвечать на вопросы, уважать учителя.

Учителей, которые дают уроки, называют даже не учителями, а урокодателями, то есть, равнодушными к тому, чем они занимаются.

Давать урок и проводить урок имеют в принципе одно и то же содержание.

Дать урок не значит Дарить Урок.

Дать урок можно без жертвы со стороны учителя. Это ученикам надо будет жертвовать, чтобы брать урок, в котором нет учительской души. От таких уроках в них остаётся равнодушие, отвращение, неуважение, безответственность.

Но если дарил бы Учитель своим ученикам Урок – это означало бы, что в нём чувство заботы, ответственности, любви. Дар не состоится, если не знать, что может порадовать учеников, примут ли они этот дар с восхищением, с благодарностью, пригодится ли он им.

Урок как дар нельзя ни давать, ни проводить.

Урок творится и дарится как сокровенное.

Давая урок учитель может глядеть в потолок.

Даря Урок Учитель смотрит в глаза учеников.

Творить урок означает – бережно и естественно вовлекать учеников в созидание самих себя.

Не будем распространяться о других речевых погрешностях, тоже умаляющих прямо или косвенно значение Урока и учительской творческой деятельности.

* * *

Спросят: «Какая у вас нагрузка?»

Отвечайте: «Забываем это слово, ибо знаем радость служения».

Спросят: «Как вы проводите уроки?»

Отвечайте: «Учимся творить Уроки, а проводить их забываем».

Спросят: «Можете дать урок?»

Отвечайте: «Уже нет, ибо предпочитаем дарить их».

Спросят: «Успеваете пройти Программу?»

Отвечайте: «Мы ставим учеников выше программ, учимся приобщить их к знаниям».

С чем тебя сравнить, Урок, чтобы познать твоё величие и почувствовать твою возвышенную и возвышающую всех и вся сущность?

С чем тебя сравнить, чтобы навсегда отогнать от тебя

наукообразную туманность, которая душит тебя, душит жизнь в великой Стране Образования?

Мы приносим тебе свои извинения.

Прости великодушно.

Мы заблудились, следуя за наукой и принимая тебя как некую «форму организации учебного процесса». Тебя, живую сущность, мы превратили в бездушную форму и заполнили нашими скудными деяниями вроде: объяснять, закреплять, проверять, контролировать, тестировать и т. д. и т. п. Наука педагогическая замуровала тебя, Урок, живую жизнь, в безжизненные понятия. Она заслонила тепло и лучи твои, вытеснила из тебя основу твою – Любовь.

Мы заблудились. И хотя делали всё во имя детства, тем не менее наши старания не увенчались достойными успехами, а ученики всё больше и больше отдалялись от нас. Форма вела нас к формализму, в силу чего ты, Урок, стал для наших учеников приговором, а для нас – нагрузкой и условием прохождения программы.

Мы каемся.

Ты никакая не форма, а живая основа образования.

Ты, Урок, призван обслуживать не только одну мелодию педагогической симфонии, которая называется обучением; в тебе должна зазвучать вся симфония, в которой сочетаются и гармонизируют все ведущие мелодии: образование, воспитание, духовность и нравственность, обучение и познание, развитие, смысл жизни, культура, предназначение… В тебе должна закипеть жизнь, которая перетягивает будущее в настоящее.

Ты, Урок, одно из прекраснейших понятий живого педагогического сознания, ибо ты возвеличиваешь:

– духовность учительского разума,

– мудрость учительского сердца,

– благородства учительской души.

Наше творящее терпение, устремлённость к благу и красоте зовут и напутствуют к творчеству, которому нет конца, ибо выше звёзд есть звёзды.

«Учитель должен готовиться к Уроку всю жизнь», – так сказал Василий Александрович Сухомлинский. В недрах твоих, Урок, будет цвести наша гуманность, а дети Света обретут свой путь.

Мы будет творить и дарить тебя нашим ученикам.

Ты, Урок, чаша из наших ладоней, в которой трепетно и заботливо вкладываем дары духа для наших учеников:

– любовь,

– радость,

– культуру,

– смысл жизни,
– искорки знаний,
– мудрость сердца…

* * *

Дорогие коллеги!

Урок и Учитель – единое целое.

Мы творим урок – значит, творим самих себя.

Каждый человек имеет свою неповторимую сущность.

Каждый урок имеет неповторимый почерк своего творца.

Урок есть воплощение нашего сознания и нашего сердца.

Урок – это мы сами.

Урок есть субъективное творение, как стих поэта, как картина художника. Никогда не было и не может быть двух одинаковых уроков.

Каждый урок приходит в жизнь учеников один раз. Придёт он именно для них со своим Светом, придёт в назначенный час, одарит всех духовно-нравственным импульсом и поиском знаний, обласкает каждого в отдельности и сущностносообразно и уйдёт навсегда. Может быть, останется у учеников в их памяти, может быть, нет. Как запомнить все одиннадцать тысяч с лишним уроков, через которые проходит каждый школьник с первого по одиннадцатый класс. Но если Уроки рождались в море Учительского Света, если Учитель всю жизнь готовился для каждого Урока, то устремлённость к Свету никогда не покинет наших бывших учеников.

Урок – опережающее настоящее.

Уроку не нравится то, что на улице.

На улице – зима, а на Уроке – весна.

На улице – злоба, а на Уроке – возвеличивается благо.

На улице – невежество, а на Уроке – царство мысли.

Урок и улица – настоящие вложенные миры: одно дело, в каком мире живём, другое – как мы мыслим в этом мире. Лишь бы мыслили светлее в мире несовершенном, чем мыслили так же, как этот мир. Лишь бы стараться осветить невежество, чем приспосабливаться к нему.

Урок – возвышает.

Улица – не возвышает.

Но запомни, Улица, этот день, который ты сейчас проживаешь, запомни, какая ты есть на этот час, сохрани в памяти безобразные образы этого дня!

Этот же самый день сейчас расщепляется на тысячи, сотни

тысяч, на миллионы уроков в школах, и Учителя Света помогают детям Света наполниться им.

Пройдут годы… годы… десятилетия…

Придут дети уже молодыми людьми. И так как будут они признавать только устремлённость к Свету, то изменят облик твой, Улица сегодняшнего дня!..

Неужели говорим о чём-то утопическом?

Неужели образование не в состоянии изменить мир?

Ну, хорошо, отдадим дань материалистическому суеверию.

Но ведь ясно, что тьма старается изменить облик мира! Почему более успешнее Свет не может изменить облик мира?

Главное, чтоб в само образование не проникла тьма. Если наше учительское сознание изменит образование, то оно изменит облик улицы, ибо образование со своими уроками есть рассадник Света.

* * *

Дорогие коллеги!

Мы творим и дарим уроки нашим ученикам.

Но что есть творить и что есть дарить?

Давайте поищем наше толкование этих понятий, не заглядывая в словари.

Имея в виду подтексты и контексты наших рассуждений, «творить» должно означать поиск нового, непрерывное движение от несовершенного к совершенному, от менее совершенного к более совершенному. Творчество – путь к Божественному.

Мы творим тогда, когда устремлены к самопознанию, когда устремлены к красоте.

Мы – творцы – созидатели самих себя и своих учеников, когда творим и дарим Урок.

Творя и даря Урок, мы совершаем особый, может быть, самый утончённый и одухотворяющий вид педагогического общения.

Сказал Мудрец:

«Легко быть садовником, трудно стать уроком семени».

Легко давать и проводить уроки, не надо ломать себе голову, захотят ли ученики брать уроки, которые мы даём, будут ли они радоваться урокам, которые мы проводим для них. Если да – это хорошо, если же нет – это (как сейчас говорят равнодушные к чужим бедам люди) их проблема.

Дарить Урок исключает такие отношения.

Дарить Урок – значит: надо стать «уроком семени».

Что есть семя?

Оно есть сущность Ребёнка.

Сущность есть всё основание Ребёнка, стремящееся к проявлению. В нём – движение духовных и природных устремлений, желаний, способностей, предназначения; оно есть подтекст и контекст жизни Ребёнка, его радостей и огорчений.

Надо знать эту сущность. Во всяком случае, надо учиться и стараться предугадывать её движение, и пусть помогут в этом творчестве и сердце, и разум, и опыт, и знания, то есть весь тот Свет, который к этому времени мы уже успели впитать в себя.

Трудно быть Уроком семени, потому что он должен быть сущностносообразным. Урок должен задеть почти весь внутренний мир Ребёнка.

Но вот в чём наше испытание: как сделать, чтобы на одном Уроке задеть всех вместе и каждого ученика в отдельности. Если в классе тридцать учеников, то сущность каждого будет своя. Кому же надо дарить Урок: всем вместе и пусть поделят, кому что достанется? Или же сделаем так, чтобы урок достался каждому как можно в полном объёме. Может быть, пригодится для названия такого Урока образ «матрёшек», имея в виду, что в одном Уроке столько уроков, сколько и учеников в классе. Можно говорить и об уроке на волнах, когда каждая волна предназначена для возвышения того или иного ученика сообразно его сущности.

Сказано: «Большому кораблю большое плавание».

Нельзя задерживать быстроходы, и нельзя не поощрять идущих медленно.

У каждого свой темп и свои способности познавать. Уравнять темп и способности каждого нельзя, ибо мы нанесём вред личностному становлению. Получим не Урок, который дарит каждому в отдельности свой Свет, а урок, который рассчитан на некоего абстрактного среднего ученика, и пострадают все.

Того, кто всё это сочтёт абстракцией и кому нет дела до каких-либо сущностей в учениках, назвать Учителем будет неправильно. Тот, разумеется, не станет уроком семени. Он, скорее всего, преподаватель, для которого важнее всего пройти программу. Кто-то из них может быть назван садовником, если умеет поливать цветы, стричь газоны, следовать за красотой и убранством сада, но думать не будет о том, чем живут корни прекрасных растений и зачем и почему у цветов такой запах и такие краски. Для него будет важнее не то, что нужно растениям и что порадует каждого из них, а то, что нужно хозяевам сада и как им угодить. Именно в той мере, в какой нужен сад хозяевам, садовник будет знать и о растениях.

Каким должен быть дар, чтобы он был принят нашими

учениками с восторгом, с восхищением, с удивлением, с интересом и признательностью? Какой должен быть Урок, чтобы ученики желали его и радовались ему? Какой должен быть Урок, чтобы он поощрял каждого в духовно-нравственном и познавательном продвижении?

Дар без дарителя не существует.

Чтобы Урок как дар состоялся, Учителю надо знать, как дарить его своим ученикам. Во-первых, дар должен быть:

– желанным,
– неожиданным,
– нужным,
– жизненным.

Во-вторых, сам процесс одаривания должен быть:

– искренним,
– естественным,
– красивым,
– искусным,
– торжественным.

Ученик должен чувствовать, что его Учитель:

– любит его,
– заботиться о нём,
– предан ему,
– верит в него.

Что может остаться в качестве учительского дара в каждом ученике? Может остаться:

– радость от познавательного успеха,
– одухотворённые знания,
– чувство ожидания.

* * *

Урок!

Ты пучок искр Света и Знания.

Каждая искорка рождается в пламени огня учительского Сердца и Разума.

Там любовь, мудрость, духовность, забота.

Разум учителя скажет о формуле H_2O: «О, Вода, ты величайшая стихия Природы, ты условие жизни на земле. Скрываешь в себе много могущественных тайн, но осторожно открываешь их людям. Видно, ты поступаешь мудро, ибо люди как дети, которым нельзя давать в руки даже хлопушки, пока не подрастут, не поумнеют. Вот, овладевает человек знанием, как расщепить тебя и как получить власть над огромной

энергией. Ты сила созидания, но можешь стать силой разрушения. Всё зависит от того, как к тебе отнесётся человек. Потому знания о тебе направлю я в сердце своё, чтобы оно стало облагороженным, одухотворённым».

Спускается в сердце учителя H_2O. Скажет сердце: «Ты живая мыслящая сущность, умеешь откликаться на мысли, слова, чувства и дела человека. Ты умеешь радоваться и обижаться. Ты любить орошать и облагораживать нашу жизнь, жизнь всего сущего на Земле. Но ставишь нам условие: мы должны чтить закон блага, закон эволюции, закон причины и следствия. Иначе ты сделаешься наводнением, ливнем, штормом, цунами и проучишь нас. Ты прекрасна, когда мы любим тебя, любим природу, любим друг друга, когда созидаем вокруг себя красоту. Ты благородна, как и вся Природа, и призываешь нас тоже быть благородными. Нам нужно научиться не гневить себя, а сотрудничать с тобой» – поспешит учитель к ученикам с формулой H_2O. Она уже искорка знания, рождённая в Свете учителя. Она одухотворена, обезврежена для людей, для природы, Для космоса. Искорка искрится. Учитель показывает Ученикам опыты с водой, а школьники: «Ой, как здорово!.. Ох, как интересно!..» Учитель просветляет сердце и разум учеников, посвящает их в тайны жизни воды и жизни людей…

Дар состоялся: формула ожила для учеников. Они не будут обижать воду, полюбят ручейки, реки, озёра, моря, ледяное поле. Будут уважать воду в теле человека. Вода порадуется доброму слову, добрым мыслям, чувствам и поступкам.

* * *

Какие Уроки нужны нашим ученикам, о чём с ними надо говорить на уроках?

Наши ученики – это дети Света, они рождены, чтобы мыслить космически, но жить духовно-нравственными законами Земли. Им нужны Уроки, через которые они смогут осознать свою сопричастность к двум мирам. Пусть поможет нам перифраз мысли Николая Бердяева, чтобы уточнить эту идею: человек сопричастен к Миру Высшему, который он в духе отражает, и к Миру Земному, судьбу которого он разделяет.

Но с нашими учениками может случиться то же самое, что и с человечеством: они могут так погрузиться в земные проблемы и переживания, что забудут о своей причастности к Миру Высшему. Но мы можем помочь своим ученикам, чтобы те не потеряли память о будущем и не порвали связь с Высшим

Миром.

Потому нам придётся дарить нашим ученикам Уроки:

– о жизни и о смысле жизни,

– о Земном Шаре и о Звёздном Небе,

– о жизни материальной и о жизни духовной,

– о предназначении, о долге и о служении,

– о самосовершенствовании и о благе,

– о любви и о творящем терпении,

– о том, что тело есть инструмент духа,

– о добромыслии и доброречии,

– о сердце и о чувствах,

– о собственности без чувства собственности,

– о вере, о благе, о заповедях,

– о мужестве и о преданности,

– о Свете и о тьме…

Дар будет принят, если уроки такого склада будут преподнесены в атмосфере искренности и доверия, свободного и непосредственного общения.

* * *

Кто есть Учитель Света?

Любой, кто устремлён впитать в себя море Света.

Устремлённый к свету уже есть Светоносец.

Учителя Света живут, творят, общаются, как подобает Свету.

Учитель Света общается не с самим учеником, какой он сейчас есть, а с его воображаемым светлым образом из ближайшего будущего.

Учитель Света верит в каждого ученика.

Он отдаляется от понятий и слов, которые могут унизить или осквернить его учительское достоинство.

Учитель Света скромный, благородный, великодушный.

Учитель Света перекрывает педагогическое невежество Светом.

Учитель Света на уроке – сама жизнь.

Он – загадка для своих учеников.

Он для них – неожиданность, удивление и восхищение.

Он – естественность, непосредственность и красота.

Он – забота, защита, надежда.

Он – открытость и честность.

Он благодарит учеников за то, что они помогают ему стать мастером педагогического труда.

Он может позволить себе извиниться перед учениками: «Урок

не получился».

Он может сказать своим ученикам: «Дайте мне домашнее задание – какой урок для вас приготовить».

Он может принести ученику в подарок на день рождения Урок.

Он позволит себе отменить программу, если она противоречит духовно-нравственному и познавательному развитию учеников.

Он может сделать своих учеников соавторами учебников.

Выше всех программ, всех учебников, всяких тестов и экзаменов стоит для него воспитание личности школьника.

Каждая встреча с учениками или с учеником, где бы она ни состоялась, он воспринимает как Урок.

Он дорисовывает каждого ученика, накладывая на него краски, которые следует проявить.

Он бережёт серебряную нить Учительства, является преданным учеником для своего Учителя.

Любой ученик для него – загадка, разгадка которой укрепляет его мастерство и умножает творчество.

Он ведёт своих учеников впереди того времени, в котором живёт общество.

Он воспитывает героев и сам свершает подвиги.

Он умеет улыбаться ошибкам, зная, что на них можно учиться, и зная ещё, что ошибка, совершённая в дерзании и творчества, превращается в цветок смелости.

Он бережёт своё учительское имя и становится олицетворением Учительской Совести.

Его речь не терпит балласта слов и пустословия, речь его ясная, образная, содержательная.

Он ищет располагающее звучание своего голоса.

Учителя Света – спасатели образования.

Учитель Света – Божья Благодать на Земле.

* * *

Спросят: «Ищем Учителя от Бога, где он?»

Отвечайте:

– Вот он, сердце отдает детям…

– Вот он, горит как свеча…

– Вот он, с улыбкой стремится на урок…

– Вот он, плачет вместе с Ребёнком…

– Вот он, в молитве перед алтарём…

– Вот он, принимает огонь на себя.

– Вот он, в поиске моря Света…
– Вот я, тоже учитель от Бога…

Детей и педагогику я люблю

С раннего утра он садился за свой письменный столик. Пишет роман, которому суждено стать шедевром мировой культуры. Ему трудно оторваться от стола, трудно отложить перьевую ручку хоть на час. Но в его духовный мир врывается толпа крестьянских детей – оборванных, грязных, худых. Они шумят, дерутся, играют, валяются на полу.

Он испытывает прямо-таки физическое беспокойство, на него находит тревога, ужас вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. А тонуть может самое дорогое, именно то духовное, которое очевидно бросается в глаза, видя светлые, часто ангельские глаза этих детей.

«Как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского и как бы узреть, кому что нужно!» – вот в чём его тревога.

Но тревога смешивается с переживаниями радости и одухотворения.

Школа – это поэтическое, прекрасное дело, от которого ему так же трудно оторваться, как от начатых рукописей «Войны и мира».

Сердце зовёт к детям.

Они там, в его усадьбе, недалеко от дома.

Вырвавшись из кабинета и отмахиваясь от мужиков, преследующих его – графа – со всех крылец дома, он спешит к детям. Здание школы пока переделывается, и потому занимается он с ними в саду, под яблонями.

Там сейчас сидит приглашённый им учитель, а кругом школьники, покусывают травку и пощёлкивают липовые и кленовые листья.

Учитель учит детей по его советам, но всё-таки не совсем хорошо, что и они чувствуют.

Он идёт под яблонями. Можно пройти, только нагнувшись, всё так заросло.

И он видит их, вот они – дети!

Они его очень любят.

Заметив его, они с радостными криками бегут навстречу, окружают. Одни завладевают его руками, другие держатся за его халат.

«Мы тебя ждали… Мы тебя ждали!» – кричат они.

«Вот и пришёл!» – говорит он.

Садится под яблоней. Дети плотно его окружают – как можно поближе к нему.

Душа его восторгается и тревожится.

Смотрит каждому в глаза, у каждого есть то самое главное, духовное, которое он лелеет. «Лишь бы узреть, кому что нужно!»

И он начинает им говорить.

Идёт время, но ему сейчас не жалко времени.

Беседует три-четыре часа, и никому не скучно.

Потом они расстаются, он долго провожает их увлажнённым взором. «Нельзя рассказать, что это за дети, надо их видеть!»

Так возвращаются они домой каждый день, и сами того не понимая, оставляют учителю тайны своего бытия. И ему открывается то, чего никто не знает и с чем, как ему кажется, никто не согласится.

В то время соглашались с ним, может быть, не очень многие, а в основном те, кто мог его понять.

Но разве это было так только тогда, более чем 150 лет тому назад? И сейчас так же: с ним соглашаются и не соглашаются.

Так будет и в будущем, ибо обойтись без его мыслей уже не удастся никому, кто только занимается высшим уровнем культуры педагогического мышления.

Лев Николаевич Толстой, метр мировой литературы, стал также метром мировой педагогики.

Идея свободного воспитания имеет много вариаций, но они, как круги от брошенного в пруд камушка: красиво и быстро расширяются и исчезают. Идея свободного воспитания Льва Николаевича сама есть камушек, который не тонет в пруду, но порождает неимоверное количество кругов.

Впервые познал он крестьянских детей, когда ему было 19 лет, и восхитился их непосредственностью.

Потом создал для них бесплатную школу и сам стал главным учителем в ней.

Вскоре яснополянская школа Толстого стал всемирно известной.

…Учитель входит в комнату, а на полу лежат и пищат ребята, кричащие: «Мала куча!», или «Задавили, ребята!», или «Будет, брось!..» Снизу кучи кто-то кричит учителю: «Вели им бросить!», другие кричат: «Здравствуй!..», и продолжают свою возню…

И тогда, 150 лет тому назад, и сейчас, в наше время, и в будущем, когда пройдёт ещё 150 лет, было и будет трудно многим согласиться с тем, что нельзя кричать на детей, наказывать их, приводить в чувство.

А он в противовес всем тогдашним и будущим учителям, назло всем авторитарам, упорно будет повторять:

– Поймите, свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащих.

Угроза наказаний и обещание наград, связанных с теми или иными знаниями, не только не содействуют, но более всего мешают истинному образованию!

…Тем временем учитель берёт из шкафа книжки и раздаёт ученикам, которые подошли к нему. Некоторые тоже требуют книжку. Стопка понемногу уменьшается. Как только большинство взяли книжки, все остальные бегут к шкафу и кричат: «Дай и мне… Дай мне вчерашнюю… Мне другую…» Если же останутся какие-нибудь два разгорячённые борьбой, продолжающие валяться на полу, то сидящие с книгами кричат на них: «Что вы тут замешкались… Ничего не слышно… Будет!..» Дух войны исчезает, и дух чтения воцаряется в комнате. С тем же увлечением, с каким дети дрались, они теперь читают книги, сомкнув губы, блестя глазёнками и ничего не видя вокруг себя, кроме своей книги. Оторвать их от учения столько же понадобится усилий, сколько прежде – от борьбы.

Вы думаете, так не бывает, так нельзя?

Нужно, чтобы учитель показал им свою власть?

Тогда задумаемся над вопросом: что важнее иметь в классе – дисциплину духа или дисциплину «палки»?

Лев Николаевич не назовёт беспорядком то, что было при появлении учителя, а скажет: «свободный порядок».

Свободный порядок!

Это – новое понятие в педагогике, его ещё надо осознать, к нему нужно привыкнуть.

Если кому-то кажется, что это всё же есть беспорядок и коль он не наказывается, то так и будет расти, – будет неправ. В этом (для кого-то) беспорядке, а для Льва Николаевича – в свободном порядке учителем вносится живой интерес. Дети хотят учиться, за тем только и ходят в школу, и потому им весьма легко будет дойти до заключения, что нужно подчиниться известным условиям, для того чтобы учиться. И вскоре из этого свободного порядка вызреет дисциплина духа.

Лев Николаевич был уверен: при нормальном, ненасильственном развитии школы чем больше образовываются ученики, тем они становятся способнее к порядку, тем сильнее чувствуется ими самими потребность порядка и тем сильнее на них в этом отношении влияние учителя.

Подтверждение этого правила он обнаружил со временем.

Подумайте только: в продолжении двух лет при совершенном отсутствии дисциплины ни один и ни одна не были наказаны!

А что взамен?

Никогда лени, грубости, глупой шутки, неприличного слова!

Почему он выбрал путь, который противоречит всему

«здравому» смыслу насилия и авторитаризма в образовании?

Он может стократно это объяснить каждому, но каковы бы ни были его объяснения, есть тайна, которая движет им, сталкивает его со всем миром: по-другому он не может, его сущность – свобода, естественность, справедливость, Истина. И он ищет всё это в себе. Если бы было возможно заглянуть в его духовный мир, где его сознание горит творящим пламенем, мы бы почувствовали, что есть безграничное богатство души человека, что есть Свыше дарящая Мудрость, и ещё осознали бы с грустью, что даже девяносто томов его трудов есть капля по сравнению с его духовной мощью.

Он верит в Жан-Жака Руссо, который сто лет назад сказал: «Человек родится совершенным».

Но сам выскажет мысль более полно и совершенно, доводя его до мудрости:

«Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра».

Говоря иначе, человек сотворён по образу Творца. В «человеке», конечно, мыслится Ребёнок, ибо никто взрослым не рождается и никто без воспитания человеком не становится.

Он-то рождается таким, но угрожает ли что проявлению в Ребёнке заложенного в нём совершенства?

Да ещё как!

Каждый шаг, каждый час жизни Ребёнка грозит нарушением этого совершенства, и каждый последующий шаг, каждый последующий час грозит новым нарушением и не даёт надежды восстановления нарушенной гармонии.

И эту угрозу создают Ребёнку взрослые!

Они, если и думают о гармонии, то стараются достигнуть её, приближаясь к первообразу в будущем, удаляясь от него в настоящем и прошедшем. И они так уверены в себе, так преданы ложному идеалу взрослого совершенства, так мало умеют понимать и ценить первобытную красоту Ребёнка, что образование скорее изуродует его и всю гармонию в нём.

Вот какой чудный взгляд на воспитание совершенства и гармонии. Их по сути не надо воспитывать, чтобы в конце концов спустя годы что-то получить. Гармония и совершенство в Ребёнке уже существуют, и вся забота наша должна заключаться в том, чтобы уберечь их.

Так вносится в педагогическое сознание новый аспект – уберечь, сохранить, лелеять.

«Детей и педагогику я люблю!»

Сообщает он эту весть всему миру из яснополянской школы.

Его слышат многие, кто – с восхищением, кто –

с недоумением, а кто – даже с возмущением.

Они не могут иначе, ибо люди они разные. На всякую мудрость у каждого есть своя мера.

«Наш мир детей – людей простых, независимых – должен оставаться чистым от самообмана и преступной веры в законность наказания, веры и самообмана в то, что чувство мести становится справедливым, как скоро его назовём наказанием».

«Смешно!» – скажут правители государств.

«Смешно!» – подтвердят министры карательных органов.

«Смешно!» – скажут даже министры образования.

И что же это будет означать: что они такие дальновидные, глубоко мыслящие?

Но, может быть, наступит время, когда хоть в одном государстве, а может быть даже на его родине скажут и президент, и его министры, и весь народ: «А ведь наш пророк – Лев Николаевич был прав! Пора воплотить его мудрость в действительность!»

Кто может спорить с Львом Николаевичем, когда он утверждает:

«Наилучшее отношение между учителем и учениками есть отношение естественности».

Кто это будет отрицать?

Тем не менее, он прибегнет к истории педагогики, чтобы подтвердить эту очевидность:

«Всякое движение вперёд педагогики… состоит только в большем и большем приближении естественности отношений между учителем и учениками, в меньшей принудительности и в большей облегчённости учения».

Да, это так, естественность – матерь лучшей педагогики.

Но как быть с дальнейшей логикой, которая следует за этим утверждением:

«Противоположное естественному отношению есть отношение принудительности».

Да, это тоже так, скажет наша совесть. А разум и опыт восстанут: что же тогда делать с принуждением, насилием, наказанием, что делать со всей наукой, которая в своих текстах и подтекстах лелеет именно излюбленный путь авторитаризма? Авторитаризм и принуждение стали естественным состоянием большинства педагогов. Неужели все они хором станут признавать, что ошибались, и последуют по пути Льва Николаевича? Тогда им нужно будет принять три простых закона, которые обнаружил Лев Николаевич. Вот они:

1. «Учителя всегда невольно стремятся к тому, чтобы

выбрать самый для себя удобный способ преподавания».

2. «Чем способ преподавания удобнее для учителя, тем он неудобнее для учеников».

3. «Только тот образ преподавания верен, которым довольны ученики».

Многих смутят эти истины. Потому лучше винить их, ибо как же иначе оправдаешься? Надо вначале сказать: «Это не совсем правильно», а далее привести суждения о том, что Толстой не мог иметь в виду наше время, он не мог знать современных детей, дай им толстовскую свободу, и они разнесут саму школу до основания. И вот тут-то действительно уже не поспоришь, правда Льва Николаевича вроде блекнет: он же имел в виду крепостных крестьян, а не детей компьютерной эпохи!

Но Лев Николаевич останется глухим к таким возражениям, он не поймёт авторитаров ни своего времени, ни времени нашего или более отдалённого от себя: может со временем меняться всё, но свобода останется свободой, ибо она вечна и в Мироздании, и в детях.

Он выдвинет более жёсткие условия. В чём вся трудность и вся борьба с детьми?

На этот вопрос мы получим от него следующий ответ:

«Все трудности воспитания вытекают из того, что родители (считай – учителя и воспитатели тоже – Ш. А.), не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть этих недостатков в детях».

Попытайтесь опровергнуть эту действительность, – не получится. Так было, так есть.

А дети? Как они относятся к недостаткам взрослых (не только родителей, но и учителей и воспитателей тоже)?

Лев Николаевич объяснит:

«Дети нравственно гораздо проницательнее взрослых, и они, часто не высказывая и даже не сознавая этого, видят не только недостатки родителей, но худший из их недостатков – лицемерие родителей, и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям».

Дети замечают лицемерие взрослых и отвращаются. А если взрослые не поймут этого и так и будут жить в лицемерии, то они – дети – развращаются.

Всё это – азбука классической педагогики, которой принадлежит учение Толстого.

Есть ли выход, чтобы воспитание детей не пострадало?

Выход есть, но примут ли его взрослые?

Лев Николаевич предложил нам два правила, вытекающие

из недр его духовной мудрости.

Первое правило:

ничего не скрывать из своей жизни от детей.

Обоснование:

«Правда есть первое, главное условие действительности духовного влияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтобы не страшно было детям видеть всю правду своей и родительской жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или по крайнем мере менее дурной».

Второе правило:

воспитание других включается в воспитание себя.

Основание:

«Воспитание представляется ложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы ни было. Если же поймёшь, что воспитывать других мы можем только через себя, то упразднится вопрос о воспитании и останется один вопрос жизни: как надо самому жизнь? Потому что не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включалось бы в воспитание себя».

Где то зеркало, в котором мы могли бы увидеть свою душу нараспашку? Где то зрение, которое помогло бы заметить пятна на ней? И где смелость, которая подвигла бы нас освободиться от них?

Если кто-то скажет, что зеркало души, и зрение духовное, и смелость духа в чьих-то других руках, а не в руках своих, то он не Учитель или Воспитатель, он не Родитель толстовского духа. И вообще, трудно сказать, кто и какой он. Перед таким все будут неправы, и, тем более, дети. Прав будет только он.

Слово «взрослый» вовсе не эквивалент слову «воспитанный». Наша беда в том, что именно взрослые бывают невоспитанными, а не дети. Дети пока ещё воспитываются. Невоспитанных взрослых очень много в обществе. От них и горе всему миру. Вообразите такое преуспевание семьи и школы, что все взрослые стали воспитанными и духовно, и нравственно. Можете понять, как изменилась бы жизнь, какая она стала бы? Трагедия невоспитанности не в том, что такой человек уже никогда не сможет преобразить и облагородить себя, а в том, что он и не считает себя невоспитанным. А раз уже взрослый, то воображает себя нормой в отношении маленького.

Но если кто осознаёт и переживает свою невоспитанность, свои дурные качества и наклонности, то он, имея хоть остатки совести, сможет обновить себя, даст светлому ангелу восторжествовать в нём.

А воспитание нуждается в воспитанных, совершенных

взрослых – родителях и учителях.

Кстати, о совершенном учителе.

Лев Николаевич называет одно универсальное качество.

> *«Для того чтобы… иметь сознание приносимой пользы, нужно иметь одно качество. Это же качество восполняет и всякое искусство учительское и всякое приготовление, ибо с этим качеством учитель легко приобретает недостающее знание. Если учитель во время трёхчасового урока не чувствовал ни минуты скуки, он имеет это качество».*

Обратите внимание: он говорит не об усталости, а о скуке.

Но что это за универсальное качество? Думаю, нетрудно догадаться:

«Качество это есть любовь».

«Да, мы любим детей!» – восклицали учителя времён Толстого, восклицают учителя и нашего времени. Не Любовь любит Свободу, она не терпит принуждения, не приемлет ничего противоестественного, она не оправдывает средства насилия ради достижения цели, цель! и средства для неё неразделимы, благородная цель нуждается в благородных средствах.

А как же иначе?

Но это ещё не всё.

Лев Николаевич ставит всё на свое месте:

> *«Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, как мать, он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель».*

Кто скажет учителю, насколько он совершенный или к чему надо устремиться, чтобы совершенствоваться постоянно?

Только он сам, только его совесть.

В ноябре 1910 года Лев Николаевич Толстой в 82-летнем возрасте покинет земную жизнь. Но он не уйдёт из этого мира, не открыв нам самое сокровенное из своей духовной педагогики, которую он любил.

Письмо «О воспитании».

Написано оно буквально на год раньше – в ноябре 1909 года. Это письмо, которое есть сумма суммарум его педагогической жизни и творчества, можно рассматривать как завещание всем тем, кто может любить детей и педагогику так же, как любил он.

Лев Николаевич предлагает свои убеждения, не навязывая их нам. Предлагает их для пробуждения нашего педагогического сознания.

Убеждение первое:

«И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое знание действует воспитательно».

Убеждение второе:

«Свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащих».

Убеждение третье:

«Думаю, что одна такая полная свобода, то есть, отсутствие принуждения и выгод как для обучаемых, так и для обучающих, избавила бы людей от большой доли тех зол, которое производит теперь принятое везде принудительное и корыстное образование».

Убеждение пятое:

«Отсутствие у большинства людей какого бы то ни было религиозного отношения к миру, каких либо твёрдых нравственных правил, ложный взгляд на науку, на общественное устройство, в особенности на религию, и все вытекающие из этого губительные последствия – всё это порождаемо в большей степени насильственными и корыстными приёмами образования».

Убеждение шестое:

«Для того чтобы образование, будучи свободным как для учащихся, так и для учащихся, не было собранием произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний, нужно, чтобы у обучающихся, так же как и обучаемых, было общее и тем и другим основание».

Убеждение седьмое:

«Таким основанием всегда было и не может быть ничто другое, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общество, как обучающими, так и обучающимися, понимание смысла и назначения человеческой жизни, то есть, религия… Нравится нам это или не нравится, разумное образование возможно только при постановке в основу его учения о религии и нравственности».

Убеждение восьмое:

«Первое и главное знание, которое свойственно прежде всего передавать детям и учащимся взрослым – это ответ на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое, и каково моё отношение к бесконечному миру.

И второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим, и что,

всегда и при всех возможных условиях, дурным?»

Убеждение девятое:

«Ответы на эти вопросы всегда были и есть в душе каждого человека; разъяснения же ответов на эти вопросы не могло не быть среди миллиардов прежде живших и миллионов живущих теперь людей.

И они действительно есть в учениях религии и нравственности – не в религии и учении нравственности какого либо одного народа известного места и времени, а в тех религиозных и нравственных учений, которые – одни и те же – высказаны от Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, Иоанна-апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидского Баба, индусского Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рескина, Сковороды и других».

Убеждение десятое:

«Думаю, что при постановке в основу образования религии и нравственности изучение жизни себе подобных, то есть, людей, что называется этнографией, займёт первое место и что точно так же соответственно всей важности для разумной жизни займут соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания».

Убеждение одиннадцатое (ещё раз подтверждённое):

«Думаю так, но не берусь ничего утверждать о распределении знаний. Утверждаю же я только одно: что без признания основным и главным предметом образования религии и нравственности не может быть никакого разумного распределения знаний, а потому и разумной и полезной для обучаемых передачи их».

Убеждение двенадцатое:

«Главная и единственная забота людей, занятых вопросами образования, может и должна состоять прежде всего в том, чтобы выработать соответственное нашему времени религиозное и нравственное учение и, выработав таковое, поставить его во главе образования.

В этом, по моему мнению, в наше время состоит первое и единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени».

Лев Николаевич заканчивает своё письмо-«завещание» словами:

«Вот и всё, что имел сказать».

Но разве этого мало?

И разве это всё?

VIII. Как любить детей

«Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

Св. Апостол Иоанн

«Люблю неправых в жизни излечить Любовью».

Живая Этика

«Заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!»

Януш Корчак

«Если учитель имеет только Любовь к делу, он будет хороший учитель.

Если учитель имеет только Любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам.

Если учитель соединяет в себе Любовь к делу и ученикам, он – совершенный Учитель».

Лев Николаевич Толстой

«Возлюби Ребёнка. Возлюби его сильнее, чем самого себя. Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя.

Всего себя отдавай детям и только тогда сможешь именоваться Учителем».

Василий Александрович Сухомлинский

«В Любви Ребёнок находит вдвое больше источник роста».

Иоанн Генрих Песталоцци

Дорогой Коллега!

Вопрос – как любить детей – вечен для педагогики.

Но не для педагогики как академической науки, а педагогики как уникального единства науки и высокого искусства, как образа жизни, как состояния духа.

Обидно, что педагогическая наука не стремится к синтезу с педагогическим искусством, с тем, чтобы на этой основе стать мощным двигателем поступательного развития нашего общества.

Но еще обиднее, когда она вовсе противоречит искусству воспитания, в основе которого лежит безграничная любовь к детям. Мы должны признать, что не сможем решить насущные, жизненные проблемы гуманной педагогики, если тысячекратно не будем возвращаться к тому, что школе нужно, прежде всего, научиться любить детей.

Образовательное пространство должно быть до краев заполнено

духовной,
утонченной,
мудрой,
одухотворяющей,
жертвенной
любовью воспитателей и учителей к своим детям, ученикам.

Для гуманной педагогики это аксиома.

Но нужно еще понять – как, именно как – любить детей и каждого Ребенка, чтобы любовь стала самой действенной и доброй силой воспитания. Сколько нас – учителей и воспитателей на Земле – столько же ответов мы можем получить на этот вопрос – как. Если каждый из нас тысячу раз возвращался бы к осмыслению качества своей любви к детям, я полагаю, мы бы постигли мудрость педагогической любви. Наверное, это и стало бы для нас самым высшим профессиональным достижением.

Много раз я читал прекрасную книгу Януша Корчака – «Как любить ребенка», читаю и перечитываю «манифест» Василия Александровича Сухомлинского – «Как любить детей». И, размышляя над идеями этих мыслителей, я решил заглянуть в свой внутренний мир и заняться самоанализом.

Истоки моей любви

Чувствую, мне надо разобраться в сути и могуществе Педагогической Любви. Она вошла в меня не с фанфарами и не через потрясения, не с детства или с первого взгляда, а незаметно, без часа и дня, без месяца и года.

Я знаю только, что было время, когда Педагогической Любви (как казалось тогда) во мне не было. Может быть, лучше сказать: я не чувствовал, не подозревал, что родился с искрой такой Любви в душе, родился, чтобы гореть в ней. Если бы я обнаружил эту искру в себе тогда, будучи учеником, я попытался бы вырвать её из себя, погасить немедленно.

Но теперь я знаю, она осталась во мне. И она – Педагогическая Любовь, это прекрасное пламя, движет мною. Она питает смысл моей жизни, она пронизывает моё сознание, мою жизнь. Именно она заставляет спешить к детям, радоваться им и скучать по ним, общаться с учителями, писать книги, совершенствовать в себе всё – и свой характер, и знания, и педагогическое искусство.

Но что это такое – Педагогическая Любовь, Учительская Любовь? Да разве не хватит Ребёнку материнской Любви, родительской Любви, зачем еще Учительская?

И почему наука педагогическая (даже психологическая) не только о Великой Любви, а просто о любви говорить не любит? Все учебники педагогики, – новые, старые, – в которых должны быть отражены достижения науки и забота о подготовке будущих учителей, о Любви к детям молчат, как будто в рот воды набрали. Что такое Любовь и должен ли учитель любить детей, должен ли знать, как нужно их любить? Эти вопросы для учебников не существуют. И я делаю свой вывод: значит, сама наука слепа, раз не замечает Всеначальную Энергию Жизни в целом, и в образовании в частности.

Но Бог с ней – с современной наукой.

Для меня существует более возвышенная Педагогика, она вечна, она от Высшего Света. Это есть Учения Классиков: Марка Фабия Квинтилиана, Яна Амоса Коменского, Жан Жака Руссо, Иоганна Генриха Песталоцци, Константина Дмитриевича Ушинского, Якова Семёновича Гогебашвили, Марии Монтессори, Януша Корчака, Антона Семёновича Макаренко, Василия Александровича Сухомлинского. Любовь – основа их учений. Они свои учения для того и создавали, чтобы утвердить Любовь как Основной Закон Образования, из которого могут быть выведены определения, называемые методами, принципами,

школой, уроком, реформой и т. п.

Любовь ко всему хорошему воспитывали во мне мама, бабушка, дедушка. В детстве я не был злым, не был самолюбивым. Да, был шалуном и доставлял родным много волнений и беспокойства. Но меня любили, и я любил.

Во мне осталась память об отце, который добровольно ушёл на фронт и погиб в Крыму в начале Великой Отечественной войны. Память об отце тоже взращивала во мне любовь.

И, вообще, все добрые воспоминания детства и юности, и последующих периодов тоже, до сих пор теплятся во мне, и я постоянно общаюсь с ними. Дмитрию Сергеевичу Лихачёву принадлежит мудрость: «Воспитываться в моральном климате памяти». Моральный климат памяти во мне постоянно занимается этим.

Много чего я любил в детстве.

Любил, когда бабушка перед сном садилась у изголовья моей кровати и начинала нашептывать мне молитвы. Я полюбил бабушкины молитвы, они успокаивали меня, ласкали мою душу. Я запомнил их, а спустя десятилетия сам читал их моим детям перед сном, читал внукам. Эти молитвы, которые я порой, дразня бабушку, высмеивал, – «Бога нет, бабушка, Бога нет!», – оказались семенами моей веры, которая выросла во мне тоже спустя десятилетия.

Любил быть рядом с дедушкой, когда он работал в винограднике или же выжигал известь. Он выслушивал мои «научные» речи, а я глотал, как виноградные гроздья, его мудрость, впитывал его философию крестьянина. Дедушка сеял в моей душе семена, которые зародили во мне мировоззренческие начала.

Любил ласки и заботу матери. Ласки её были нежными, хотя она не баловала меня ими, а забота была чуткая и требовательная. Я часто сердил её – у меня было много двоек по разным предметам. Не потому, что не хотел учиться или был лодырем. А потому, что не понимал своих учителей, их объяснения, а они без сожаления ставили мне двойки. Мама плакала из-за моих плохих отметок, ибо воображала в них мою будущую несостоятельность. У меня сжималось сердце от слёз матери. Я, конечно, прекрасно понимал, каково ей было, молодой женщине, вдове погибшего на фронте мужа, одной воспитывать двоих детей (у меня есть сестра младше меня на семь лет). А она мечтала воспитывать нас такими, чтобы отец, если душа его видит нас, радовался и гордился нами и мамой. Эта забота матери взращивала во мне особую любовь – любовь с пониманием долга, с пониманием преданности.

Любил я писать стихи, пьесы, философские эссе, ставить спектакли.

Я полюбил жизнь.

Любили ли меня учителя?

Школу я, конечно, любил.

Там, в школе, свершались главные каждодневные события моей жизни. Они происходили в её длинных коридорах и укромных уголках большого двора, где можно было пошалить, подраться, повстречаться с друзьями, обменяться марками, спичечными коробками, скрепить дружбу, дать друг другу списать и т. д. и т. п. Это была жизнь, а я ее любил.

Школу-то я любил, но это не значит, что также любил своих учителей, или спешил в школу лишь для того, чтобы их увидеть, с ними пообщаться. Причину, которая объясняет это обстоятельство, я бы назвал законом взаимности: недолюбливал своих учителей, потому что чувствовал – они тоже недолюбливали меня, слабого.

Конечно, они по-своему любили всех детей и среди них меня тоже, но эта любовь ни к чему их не обязывала. Были у них любимчики, те, которые чем-то угождали им, всегда всё выполняли, слушались, или были талантливыми. Но и эта любовь была связана с условностью: если кто переставал быть примерным или разочаровывал в своих способностях, то терял любовь учителя. Само слово «любимчик» – весьма сомнительное понятие, далёкое от Педагогической, от Учительской Любви.

Знали ли мои учителя, как надо любить детей и каждого отдельного Ребёнка?

Думаю, такой вопрос – как любить детей, как любить своих учеников – у них не возникал.

Как они нас любили?

Любили своими заштампованными серыми уроками, бесконечными нудными домашними заданиями и проверками, вызовами к доске и выставлениями отметок; любили своими раздражениями и угрозами, контрольными работами и исправлениями ошибок; любили своими оскорблениями и строгостями, наказаниями и вызовами родителей; любили прохождениями программ, успеваемостью в процентах и соблюдением так называемой сознательной дисциплины. Они не очень-то трудились, чтобы во всю эту дидактическую мишуру вложить хоть чуточку своей души, вложить хоть чуточку уважения к нам. Заметно было, что многие учителя больше любили саму власть над нами, чем нас самих.

Но закон взаимности действовал неумолимо.

И мы отвечали на любовь наших учителей своей «любовью». То и дело срывали уроки, удирали с уроков, запасались

шпаргалками, списывали друг у друга, исхитрялись, обманывали и т. д. и т. п. У нас было выработано множество способов для самозащиты. Одновременно обнажалась наша беспомощность: унижались перед ними, умоляли не ставить плохих отметок, не вызывать родителей.

Я – герой

С 1942 года нас с девочками разъединили, и я стал учеником четвёртого класса мужской школы.

И вот урок русского языка.

Входит в класс пожилая учительница, её называли заслуженной. Она – автор учебников. У неё строгое, недовольное лицо.

Мы встаём.

– Здравствуйте… – произносит она не тоном доброжелательного приветствия, а с некоей угрозой – «Сейчас посмотрим, с чем вы пришли».

Все хором и громко отвечают:

– Здрааавствууйтеее… – и в этом ответном приветствии тоже не звучит радость встречи с учительницей, с предстоящим уроком русского языка.

У меня весёлое настроение, и в хоровом «здравствуйте» выделилось моё «драп-ту-пи-те»… Откуда такое пришло в голову, не знаю.

Учительница ошеломлена. Видимо, такое с ней ещё никто себе не позволял.

– Кто это?! – грозно закричала она.

– Я… – говорю, и самому хочется смеяться над своей дерзостью.

Конечно, я тогда не думал о том, что со мной будет, точнее, как она со мной поступит.

Если бы она любила меня Учительской Любовью, поступила бы совсем по-другому. Но она так заорала, что дети испугались. Она говорила какие-то русские ругательные слова, из которых я понял: надо выйти из-за парты и постоять в углу лицом к стене.

Это не испортило моего настроения. То и дело я оборачиваюсь и, уловив момент, гримасничаю. Дети смеются, мне хорошо.

– Вон из класса!.. – закричала она вдруг, и сама вытолкнула меня за дверь.

Классная комната на первом этаже. Окна выходят во двор. Я бегу во двор. Там сооружён спортивный городок. Взбираюсь по железной лестнице, перелезаю на шест и спускаюсь вниз. Качаюсь на перекладине.

Мои одноклассники смотрят на меня. Смеются, кто-то, может быть, завидует.

Учительница опять разразилась. Вызывает завуча и требует,

чтобы тот забрал меня и строго наказал.

Он ведёт меня и наказывает: велит постоять у своего кабинета весь оставшийся урок. Потом делает строгое внушение и отправляет меня в класс.

Ребята окружают меня, спрашивают:

– Ну, как?

– Да никак! – говорю я, но чувствую себя героем.

У меня появляется отвращение к учительнице и к урокам русского языка.

У меня переэкзаменовка.

Я заканчиваю шестой класс.

Учительница химии назначает мне переэкзаменовку. Я умоляю её поставить мне тройку, обещаю, что впредь буду учиться хорошо.

Я чувствую, если мама узнает, что у меня переэкзаменовка, она заплачет, ей будет стыдно перед близкими и соседями за своего сына. Мне будет больно видеть, как она плачет. Не хочу обидеть её. Кроме того, что я скажу дедушке и бабушке, у которых собираюсь провести в деревне всё лето? Они гордятся мною, и вот приехал внук-двоечник!

Но учительница химии стоит на своём.

– Ты ничего не знаешь по химии…

Я ухитрился скрыть свою двойку от матери и уехал в деревню с учебником химии. Каждый день скрывался в виноградниках и зубрил параграфы и формулы.

В конце августа я заявил бабушке, что еду в Тбилиси.

– Почему?! – удивилась она. – До первого сентября ещё целая неделя…

Но я поехал в Тбилиси и поспешил в школу пересдать химию.

В кабинете химии моя учительница, кстати, весьма красивая женщина, ведёт светскую беседу с другим учителем. Я долго жду. Наконец она оборачивается ко мне, но говорит своему собеседнику:

– Представляете, как этому лодырю повезло? Если бы министерство не упразднило бы курс химии в шестом классе, я бы его оставила на второй год. Но вот досада, изучение химии сейчас начинается с седьмого класса…

Я сразу не понял, в чём дело, испугался.

А она говорит уже мне:

– К сожалению, ты проскочил в седьмой… Экзамена не будет… Но рано тебе радоваться…

Это ли Учительская Любовь к своему ученику?

Закон взаимности принуждает меня недолюбливать эту красивую женщину.

Я прячусь в кухне

Это тоже в шестом классе.

Учительница русского языка (теперь уже другая), пожилая женщина, она же руководительница класса, грозится, что не переведёт меня в седьмой класс.

Да, я не знаю русского языка, не имею в семье речевую среду. А в школе учительница только и делает, что ставит мне двойки. Я стараюсь учить наизусть тексты без понимания смысла, но это меня не спасает. Списывать во время контрольных работ тоже не всегда удаётся, она как будто только за мною следит, чтобы я не «жульничал».

У меня накапливаются двойки по математике, по физике, по английскому. Я, получается, круглый двоечник.

Что делает моя классная руководительница?

Она кладёт классный журнал в свой чёрный портфель и вечером, неожиданно, приходит к нам домой.

Я понимаю, это не к добру.

Прячусь в кухне.

Мама тоже напугана: что же я такое натворил, что классная руководительница сама приходит, с мрачным лицом садится у обеденного стола и достаёт из своего чёрного портфеля журнал.

– Маро, – говорит она маме, – плохи у твоего сына дела. Вот смотри, – и показывает в журнале против моей фамилии жирно написанные цифры, – два… два… два… два… два… Что делать? Он в следующий класс не перейдёт… Может, направить его в фабрично-заводское училище?..

Она не спрашивает маму, как та одна справляется с воспитанием двоих детей, на что семья живёт, чем она болеет, чем сын увлечён, что ему мешает хорошо учиться…

Она встаёт и уходит, оставив в семье горе.

Мама заплакала, у неё больное сердце.

Я тоже заплакал от безысходности.

Почему никто не хочет помочь мне?

Мог ли я полюбить эту учительницу? А без любви как мне освоить русский язык?

Контрольная для учителя

Ее в классе никто не любил, ибо она сама не любила нас: никогда не защищала нас, только ругала и пугала, доносила о наших «выходках» директору, проводила строгие контрольные, ставила много двоек и называла нас тупицами. Нам русский язык давался с большим трудом, кроме тех немногих, которые овладели русской речи в семье. Ребята были не прочь при любом случае тоже оказать ей свои «услуги».

Было это в седьмом классе. Входит она на урок недовольная, бросает на стол кипу тетрадей для контрольных и говорит раздраженно, что мы не справились с этой письменной работой и все мы умственно отсталые.

Начинает работу над исправлением ошибок.

– Гоги, встань! – Гоги у нас лучший знаток русского языка, он редко допускал ошибки в контрольных.

Гоги чинно встает и готовится выслушать упрек учительницы.

– Скажи, как пишется слово «вместе»?

Гоги отвечает подчеркнуто разборчиво:

– Слово «вместе» пишется вместе…

– А как ты в контрольной написал? – тон учительницы означает: «Как тебе не стыдно!»

– Я в контрольной слово «вместе» написал раздельно – «в месте»…

– А разве я не объяснила вам, как это слово пишется?

– Да, вы объяснили, но я все же допустил ошибку…

– Вот за это тебе и «два»…

– А вы не спросили, почему я допустил ошибку…

– И почему же?

– Я ошибку допустил для вашей проверки…

– Что?!

– На этот раз вы справились – нашли мою ошибку, и я ставлю вам «пять»…

– Что ты мелешь?!

– В прежних же контрольных, – продолжает Гоги спокойно, – вы не обнаружили три ошибки, которые я специально допустил для вашей проверки, и я поставил вам три «двойки»… Скажите, как пишется слово…

– Как ты смеешь, наглец…

– Если я наглец, то и смею… Но на этот раз вам еще одна двойка за грубость…

– Вон из класса!

– Это еще одна «двойка» вам за поведение…

– Убирайся…
Работа над ошибками провалилась.

Английский грузинскими буквами

Об учительнице английского языка. Она совсем молодая красивая женщина. Строгая, нервная, недовольная. Даёт нам первые уроки английского.

Ставит мне двойку. За что? Хочу спросить, но она может накричать на меня, нагрубить. Она такая. В следующий раз опять ставит двойку. В конце урока подзывает к себе и тихо говорит:

– Ты хороший мальчик, мне жалко оставлять тебя на второй год, займись с репетитором…

Мама узнаёт её домашний адрес, и мы идём к ней.

Сперва – «нет-нет», а потом соглашается давать мне частные уроки.

В неделю два раза я хожу к ней домой. Мы открываем учебник и грузинскими буквами под английским текстом пишем транскрипции. Получается, что я читаю английский текст грузинскими буквами. На уроках, когда она вызывает меня к доске, я так и делаю, и вместо двоек ставит она мне тройки, порой – четвёрки.

Она строго предупредила меня, чтобы в классе я не проболтался и никому не сказал, у кого я беру частные уроки.

Мамину жалкую пенсию в месяц раз я передаю ей, а это происходит в 1944 году.

Она довольна мной, говорит другим учителям, что я способный мальчик.

Конечно, я не мог её любить.

Единица на всех, шишки по голове каждому

Учитель физкультуры.

Добродушный крикун. Мог дать подзатыльник ученику, выругать его с отцовской заботой.

Весь класс решил прогулять уроки целого дня и спастись от трёх контрольных.

Директор поручил учителю физкультуры разыскать нас. Тот нас не нашёл. Искал по всему Тбилиси, но не додумался, что мы могли быть в зоопарке и веселиться.

На другой день озлобленный на нас учитель физкультуры, вместо того, чтобы провести урок, предпринял следующее: сперва обругал нас всеми дозволенными и недозволенными словами, обещая ужасные последствия за нашу дерзость; потом провёл в журнале линейкой вертикальную линию, приделал сверху носик, а внизу – опору; так получилась одна большая единица на всех, единицу записал каждому из нас в дневнике; далее, вызывая нас по двое, ставил бок о бок друг к другу, а сам сзади обеими руками ударял наши головы друг об друга. У каждого на голове образовалась шишка. А потом принудил нас написать заверение, что больше никогда мы не посмеем прогуливать уроки.

Делал он всё это вполне серьёзно и, полагаю, с верою, что свершает педагогическую задачу – воспитывает нас, но, по всей вероятности, и с чувством мщения за то, что мы оказались прозорливее и скрылись так, что он не смог нас разыскать. Значит, не смог выполнить и задание директора.

Он был пожилой мужчина, «опытный» учитель физкультуры, ему поручалось выполнение всех силовых заданий.

Мы были тогда в восьмом классе.

Можно ли обнаружить в этом «педагогическом» деянии какой-нибудь след искренней любви к нам?

Мы никому не пожаловались за шишки и долго тешились над нашим учителем. А общая единица в журнале осталась в памяти как анекдот.

Я знаю «Эй, би, си, ди»…

Пришёл новый учитель английского языка (это уже по счёту который!) и обнаружил, что мы, семиклассники, не знаем наизусть английский алфавит. Он не смог этого допустить. Почти полгода он упражнял нас в заучивании алфавита: на каждом уроке вызывал по десять-двенадцать учеников, и они должны были скороговоркой произнести весь алфавит. За малейшее запинание ставил двойку, но если кто произносил весь порядок алфавита сразу и без заминки, ставил пять. Однако со временем кто-то мог забыть, потому он постоянно проверял прочность наших знаний, неожиданно вызывая нас. Так я получил по английскому четыре или пять пятёрок.

Английский я у него, конечно, не выучил. Мне от него в подарок остался зазубренный английский алфавит. Это знание в моей жизни не стоило и выеденного яйца. Оно так и лежит в складах моего сознания рядом с никчемными клочками знаний от химии, физики, математики, биологии, от некоторых других так называемых учебных предметов.

Не знаю, должен ли я быть благодарен учителю, который так закрепил во мне знание английского алфавита, вместо того чтобы дарить мне живую английскую речь, вкус к чтению английской поэзии, дарить хотя бы сто слов и сто прекрасных предложений!

Созвездие учителей

Школа, где я учился, не была заброшенной. Она была большая, прославленная и стояла в центре Тбилиси.

Чем же славилась моя мужская школа? Было чем.

Размышляя об этом, я прихожу к выводу, что каждая школа имеет (во всяком случае, так это должно быть) своё созвездие учителей. Это созвездие может состоять из двух, из трёх, из четырёх, может быть, если повезёт, из семи звёзд. В крайнем случае, должна быть хоть одна звезда, светлая, яркая. Это созвездие учителей и создаёт славу той или иной школы.

Если из школы уйдёт созвездие учителей, спустя некоторое время слава школы погаснет. Вот такое созвездие учителей прославило мою школу. Его составляли всего три-четыре учителя. Среди них: Варвара Вардиашвили (учитель грузинского языка и литературы), Георгий Мгалоблишвили (учитель истории), Тамар Казахашвили (учитель математики).

Они, конечно, отличались друг от друга, но было нечто, что их объединяло и отличало от всех остальных. Это нечто было то, что я хочу назвать Педагогической Любовью, Учительской Любовью. Дать полную характеристику и раскрыть всю сущность такой Любви мне будет трудно. Однако я попытаюсь сделать то, что в моих силах. Для этого мне понадобится проследить за своей судьбой.

Мы очарованы. Что дальше будет?

Как ни странно, я – круглый двоечник до седьмого класса, потом – круглый троечник, а закончил школу на золотую медаль. Как это могло произойти?

Итак, я в седьмом классе, это 1945–1946 учебный год.

Мы узнаём, что грузинскому языку и литературе нас будет учить Варвара Вардиашвили. Это вызвало в нас восторг.

Мы были наслышаны о ней – все ученики из других классов любили её. Рассказывали об её удивительных уроках, о её доброте и внимательности, о том, как она помогает всем; говорили о её справедливости и о том, как она защищает своих учеников. «У неё нельзя не учиться», – говорили нам старшеклассники.

О ней шли легенды. Она была заслуженным учителем. Дважды была награждена орденом Ленина.

Седая, полная, невысокого роста, с мягкой и спокойной походкой, обаятельная, с очаровательной улыбкой, с бархатистым голосом, который никогда не повышался, сдержанная, с ласковым и проницательным взглядом. Что ещё сказать? Незамужняя, бездетная.

Настал день. Мы ждали её, и она вошла в класс. Мы встали.

– Здравствуйте… – сказала она тоном и вибрацией, которые я, спустя годы, буду вспоминать и исследовать. По моему телу пробежали мурашки: это была необычная ласка, долгожданная.

И мы ответили ей не так, как здоровались с другими учителями, а также нежно, тихо.

Потом она сказала:

– Спасибо…

За что «спасибо»? За то, что мы ответили на приветствие приветствием?

Но «спасибо» было искреннее.

Потом она направила свои мудрые глаза на каждого из нас. Посмотрела на меня тоже. Я утонул в них.

– Садитесь, пожалуйста… – сказала она.

Мы садимся.

Каждый из нас уже очарован. Что дальше будет?

Что в имени учителя

В те годы я, разумеется, не был способен на обобщения, но сейчас, размышляя над тогдашним состоянием моего духа, могу сказать, в чём заключалась магическая сила влияния Варвары Вардиашвили: в её имени, которое строило в нас воображение о ней, и в первой встрече, которая превзошла наши ожидания.

Имя учителя может нести мощный воспитательный заряд, но, к сожалению, может быть и таким, от которого не надо ждать чего-то радостного.

Имя может быть
воодушевляющее
запугивающее
ни рыба, ни мясо
прославленное
дурное.

Разные бывают имена у учителей.

В имени Варвары Вардиашвили был заключён не столько опыт, сколько тихое горение, преданность, мудрость, терпение, понимание. Всё это, конечно, в педагогическом смысле. Это было особое сочетание того, что я хочу назвать Учительской, Педагогической Любовью. Любовь эта была с огранкой, как бриллиант. Она любила детей не абстрактно, а всех нас вместе и каждого в отдельности, каждого по-своему. Она любила нас и владела мудростью – как нас любить. И так как она берегла своё Имя и заполняла его лучшими педагогическими оттенками всю жизнь, то Имя её в будущих учениках, которые ещё не соприкоснулись с ней, вызывало почтение, почитание, трепет, настраивало их на взаимность.

Имя Варвары Вардиашвили вошло в наше сознание и настроило нас на лад созвучия, привело нас в готовность следовать за ней.

Вся школа звала её «Дейда Варо». «Дейда» в переводе на русский значит «тётя», но семантика этого слова имеет следующий смысл: «мамина сестра». Дейда Варо для каждого её ученика была маминой сестрой. Это означало, что в ней была забота о каждом, каждый мог обращаться к ней за помощью, поддержкой, защитой; каждый мог надеяться, что найдёт в ней сочувствие, сострадание. Это означало большее: Дейда Варо сама спешила помогать, со-радоваться и сочувствовать, сама бралась на защиту того, кто в этом нуждался.

В школе не принято звать учительницу тётей, но в нашей

школе это было принято только в отношении Варвары Вардиашвили, надо было лишь набраться смелости и перешагнуть барьер условностей. Я только через год осмелился обратиться к ней «Дейда Варо», и это произошло само собой, естественно, ибо она действительно стала «сестрой» моей матери, то есть, второй матерью для меня.

Подарок

А теперь о первой встрече.

Мы были семиклассниками и, разумеется, не могли охватить всю полноту славы нашей учительницы. Ожидание наше было неопределённое: будет нечто необычное и обязательно прекрасное. Но что?

И то, что произошло, превзошло наше ожидание необычности.

Конечно, мы воспринимали нашу учительницу на фоне того опыта, который сложился у нас в общении с другими учителями. Кого-то из нас они сделали агрессивными и недоверчивыми, провоцировали на грубость, на конфликты. В ком-то зародили страх, апатию, неуверенность в себе. Кто-то стал злостным правонарушителем и непослушным. Некоторые стали нигилистами, другие – молчаливыми и послушными. Так «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

Учителя входили на урок со строгим лицом и сразу выясняли выполнение домашних заданий; потом проводили строгий опрос и ставили отметки; потом пересказывали очередной параграф из учебника или упражняли в решении разных задач и примеров. Далее напоминали, что скоро будут контрольные работы. В конце задавали завтрашнюю порцию домашних заданий и удалялись. Каждый из нас наизусть знал, с чего начнёт и чем кончит урок тот или иной учитель. По логике вещей, они старались для нас, но мы воспринимали всё это как принуждение.

А новая наша учительница вошла с доброй, приветливой улыбкой, поздоровалась бархатистым голосом, сказала нам спасибо, взглянула всем в глаза. Это уже было необычно. А потом – вдруг – спросила:

– Ребята, вы любите стихи?

Нам никто не прививал любовь к стихам; прежний учитель требовал от нас выучить наизусть заданное стихотворение и отбарабанить его на уроке. Никогда не задавал он вопроса, нравятся ли нам эти стихи.

Но на вопрос новой учительницы мы ответили – «да», ещё не зная, что за этим последует.

– Прекрасно, – сказала она, – давайте тогда почитаю вам стихи…

Она держала в руках сборник стихов. Книга была потрёпанная.

– Стихи я посвящаю каждому из вас… Читаю стихи для тебя, Гоги! Думаю, они тебе понравятся…

Она назвала имя ученика; откуда она его знает? Гоги, этот нигилист, от неожиданности растерялся.

Прочла она стихи удивительно искусно, стихи из высокой поэзии. Мы оказались под впечатлением.

Она выдержала паузу.

– Гоги, ну как стихи?

– Очень хорошие… – произнёс зачарованный Гоги.

Гоги воспитывался без родителей. Ему никогда ни один учитель не посвящал ничего. И другим тоже никогда не доводилось получить такой подарок от какого-либо учителя.

– Вам тоже понравились стихи? – спросила она нас.

– Да… – тихо и искренне прошептал весь класс.

– И моё чтение понравилось?

– Да… – опять прошептали мы.

– Тогда поаплодируйте мне, пожалуйста…

Мы поаплодировали.

– Спасибо, – сказала она, – а теперь посвятим стихи… – она окинула взглядом всех и остановила его на Гураме, – тебе, Гурам…

Седьмым или восьмым она назвала меня.

Сердце моё забилось звучно и быстрее от осознания своей значимости.

– Думаю, у тебя особая любовь к стихам, Шалва…

Её голос, мелодичность чтения, сами стихи вливались в мою душу как яркий свет, несущий какое-то странное, радостное, до сих пор не испытанное мною чувство; мне хотелось плакать… Она ведь читает стихи для меня, посвящает их мне!

Потом она спрашивает:

– Ну, как, Шалико… – она назвала меня ласкательным именем, – Примешь мой подарок?

– Да… – произнёс я шёпотом и, наверное, подбежал бы к ней, обнял бы её. Но этого я не сделал, а, сидя за партой, стал украдкой смахивать слёзы.

Что я пережил тогда? Какое это было необыкновенное ощущение? Тогда я этого не знал, но теперь могу сказать: я почувствовал, что она меня любит, она признаёт меня, она моя, у меня есть Учитель…

Она – моя

Как она нас любила?

Любила вот какими способами: на уроках языка мы превращались в лингвистов – исследовали, определяли, опровергали, устанавливали, открывали. Это происходило так, как на научном симпозиуме или в научных лабораториях. Или же, как будто собрались случайно или преднамеренно люди смежных специальностей и задели в разговоре какой-либо вопрос, в обсуждении которого мысль каждого имеет исключительное значение для понимания проблемы. Мы приучались делать это спокойно, с уважением друг к другу.

Время от времени она спрашивала:

– Не пора ли проверить, каким специалистом стал каждый из вас?

Это для неё были плановые контрольные работы, а для каждого из нас – проба собственных способностей и знаний. Она никогда не пугала нас последствиями таких работ, а возможность успеха перед нами никогда не закрывалась. Она – наша учительница – зарождала в каждом из нас устремлённость и торжественность.

Так я стал получать от неё первые пятёрки. Первые пятёрки получали и другие мои одноклассники.

На уроках литературы она любила нас тоже необычно. Уроки принимали вид художественного чтения. Читала сама, и мы слушали с упоением. Потом открыла среди нас нескольких чтецов, и они приходили с книгами разных авторов и читали.

Мы поневоле становились чтецами, литературными «критиками». Она не принимала слово «критика», когда надо обязательно искать недостатки и гордо на них указывать. Наша критика была, скорее всего, развитие и совершенствование наших литературных вкусов и интересов, путь поиска собственных оценок и мировоззрения. Она радовалась, когда видела в наших руках книги классиков литературы, книги утончённых поэтов. Внимательно выслушивала наши отзывы о них. Были случаи, когда обращалась к кому-либо из нас:

– Ты не мог бы дать мне эту книгу почитать на пару дней?

И когда с этой просьбой однажды обратилась и ко мне, я был очень горд и рад. А спустя пару дней, вернув книгу, сказала:

– У тебя хороший вкус, раз такие книги читаешь… Спасибо, я получила удовольствие…

Что ещё было нужно для того, чтобы я пристрастился к чтению? Я жадно искал книги. У меня ведь «хороший вкус»,

потому выбирал их. И она всегда замечала, что я читаю на этот раз, вела со мной непринуждённый разговор о книге, делилась своими впечатлениями.

«Я», «со мной»…

Я принял её и думал, что она только моя Учительница. Но потом, спустя годы, убедился: каждый из её бывших учеников тоже считал, что она была только его Учителем.

Мы смотрим на тихо плачущую учительницу

Самым лучшим чтецом в классе был Сандрик Ахметели. Он был сыном известного режиссёра Александра Ахметели, репрессированного в тридцатых годах. Мать, актриса, тоже была репрессирована. Наша учительница, разумеется, знала об этом и, полагаю, проявляла особую заботу о нем.

Сандрик заявил на уроке:

– Я нашёл прекрасные стихи в отцовской библиотеке. Хотите, прочитаю?

– А вы хотите, ребята, послушать стихи? – обратилась она к нам.

Хотели, конечно.

Мы приготовились слушать.

Сандрик занял место перед доской, открыл книгу и начал читать. Когда он читал что-то литературное, он забывал обо всём, читал вдохновенно, с переживаниями.

На этот раз было тоже так.

Читает стихи – одно, второе, третье…

Мы не аплодируем, слушаем.

И вдруг видим: стоит наша учительница у окна, спиною к нам, держит в руке свой кружевной шёлковый носовой платок и вытирает слёзы.

Сандрик читает, а она плачет.

Сандрик поглощён стихами, не видит, что с учительницей происходит.

А мы слушаем стихи и смотрим на тихо плачущую учительницу.

Сандрик очнулся, когда услышал колокольный звонок об окончании урока.

Учительница с покрасневшими глазами подошла к Сандрику, поцеловала его в лоб и сказала:

– Дай мне, пожалуйста, этот сборник…

Позже мы узнали, что Сандрик читал нам стихи запрещённого автора, убитого в 30-е годы, – Тициана Табидзе.

На этот раз она не вернула книгу своему ученику.

Спустя год с Сандриком произошла трагедия. Он узнал, что мать жива, она создала в Сибири кукольный театр и ставит спектакли для детей. Кто-то от неё приехал с письмом. Счастливый Сандрик поехал к тому человеку и забрал письмо, а на обратном пути попал под трамвай.

Это было большое горе для родных и для нас тоже: из нашего класса первым ушёл из жизни талантливый Сандрик, всеобщий любимец.

Моя учительница поручила мне написать прощальное слово и зачитать у гроба. Она не скрывала своих обильных слёз и рыдания. Сандрик, по-моему, первым обратился к ней «Дейда Варо» и в обращении не было ничего лишнего: она действительно заменяла ему мать.

Во мне поэтический дар

Однажды в начале учебного года она подозвала меня пальчиком к себе.

Мягкая, еле заметная улыбка на её лице была притягивающей, согревающей, нежной. Она воспитывает, любит меня улыбкою своею. Улыбка – лучик души. Видимо, душа у неё – как Солнце, а этот лучик она сотворила для меня. Вспоминаю эту улыбку и заглядываю в зеркало: можно ли подражать ей и так же улыбнуться детям? Наверное, нет, не получается. Но успокаиваю себя: ведь можно, чтобы я преобразил душу свою в Солнце и творил для детей и для каждого Ребёнка неповторимые улыбки.

Мы уединились у окна, и она тихо говорит мне:

– Мальчик, по твоему взгляду, твоим рассуждениям я чувствую, что у тебя должен быть поэтический дар. Ты стихи пишешь?

Да, я пробовал писать стихи, но об этом никто не знал. Я покраснел.

– Покажи мне свои стихи, если они у тебя есть…

В тот день для меня не было другого занятия, кроме как писать стихи. У меня ведь поэтический дар! Потом я аккуратно переписал свои сочинения в тетрадь, и на другой день, дождавшись в коридоре, застенчиво передал ей.

– Спасибо за доверие… – сказала она с той божественной улыбкой, которую хранила только для меня.

Спустя несколько дней произошло такое событие: она продиктовала всем строфу из моих стихов и попросила провести грамматический разбор и содержательный анализ. А в конце всего сказала:

– Поблагодарим Шалико, это его стихи…

Ребята ахнули: он – поэт?!

Дело было вовсе не в том, был я поэтом или нет, а в том, что во мне укрепилась вера в себя: я совсем не такой, каким меня принимают многие учителя, я тоже что-то значу. Всели это чувство, Учитель, в своего отторгнутого другими учителями ученика – и ты вдохновишь его, он воспрянет, он изменится!

Она готовила меня для спасения

Шло время. Я увлёкся стихами и даже печатался в детских журналах и газетах, читал стихи в литературных кружках, на торжественных собраниях, встречался с известными грузинскими поэтами, выступал даже перед Николаем Тихоновым, известным русским поэтом.

Поэтом я не стал, об этом не жалею. Но точно знаю: моя учительница искала во мне не будущего поэта для Грузии, а готовила меня, чтобы я крепко ухватился за спасательный круг, который она собиралась бросить мне. Моё увлечение поэзией вовсе не радовало других учителей, никто не приветствовал моего поэтического дара, не хвалил меня; скорее это даже раздражало их, что я, мол, запускаю их уроки и задания. В журнале вдоль моей фамилии умножались двойки по химии, физике, математике, биологии и, конечно же, по русскому языку. Я тонул.

Иногда, когда у нас не было урока любимой учительницы, я, выходя из дома, садился в трамвай и весь день катался по городу. Возвращался домой вроде бы после уроков и, как заяц, держал ухо востро: не узнала ли мама о моём прогуле.

Что знала обо мне моя учительница?

Знала всё, что ей было необходимо знать: и то, что отец погиб на войне, и то, что мама у меня инвалид второй группы, и то, что есть у меня младшая сестрёнка… Знала, что думают обо мне другие учителя. Знала и то, чего я сам о себе не знал.

– Ты не поможешь мне отнести тетради домой? – спросила она у меня однажды.

Я порадовался: конечно, помогу.

Мы шли вместе по тихой улице Казбеки, она спрашивала, что я сейчас читаю, не написал ли я новые стихи, не хочу ли я включиться в литературный кружок, в котором участвуют старшеклассники. Потом спрашивала об отце – кем он был, где погиб; спрашивала о маме… Так мы дошли до её дома и поднялись на второй этаж. Я думал, что она возьмёт у меня тетради, и я пойду домой. Но она пригласила войти в свою маленькую двухкомнатную квартиру. Мы знали, что она живёт вместе со своей сестрой, которая тоже была учительницей и работала в другой школе, и племянницей. Дома никого не было.

– Пообедаем вместе… – сказала она просто, как будто это обычно так и происходило.

Мне было неудобно, но бархатистый голос и улыбка пленили меня.

Мы поели суп с куском хлеба. Год ведь был 1945, люди голодали. Она тоже голодала, и этот кусок хлеба мне достался от её дневной нормы, выдаваемой по карточкам.

Она поблагодарила, что помог ей донести тетради. Потом выбрала из книжного шкафа толстую книгу о грузинской литературе, сделала надпись и передала мне.

– Спасибо, Дейда Варо… – сказало моё сердце, переполненное чувством искренней любви к этой женщине.

На крыльях бежал я домой, и всё заглядывал в книгу, где её рукой было написано: «Моему талантливому ученику».

Она знала, как надо меня любить, чтобы спасти.

Думаю, моя мама в тот день впервые поверила, что её сын – способный, что не всё потеряно.

Момент истины

Вся предварительная работа сделана.

Она даёт на уроке всем творческое сочинение, сама уединяется у окна и открывает сборник стихов. Она не будет с недоверием ходить вдоль рядов и проверять, кто пишет, а кто – нет. Не будет зорко следить со своего наблюдательного пункта, не списывает ли кто. Каждый из нас в любой момент может подойти к ней и, шепча, посоветоваться. Если всё же возникнет необходимость самой подойти к кому-либо, она сделает это бесшумно, будет приближаться на цыпочках, чтобы не нарушить наше творческое горение. Она уважает наш творческий труд.

Я соображаю, как писать сочинение, какие мысли развивать, по какому плану. Начинаю писать, увлечён, погружаюсь в мысли. И не замечаю, как она, держа в руках книгу, приближается ко мне. И когда она наклонилась к моему уху, только тогда я взглянул ей в лицо.

На этот раз она не дарит мне мою любимую улыбку, лицо у неё грустное. Она наклоняется, приближаясь к моему лицу, так что её седые волосы касаются моей щеки. Я чувствую нежный запах духов. На ней кремовая шёлковая кофточка с перламутровыми пуговками. На кофточке – старинная серебряная брошь. Её глаза – ласково-грустные – вобрали меня в себя. Мне трудно выдерживать эту непонятную грусть. Опускаю голову. Её губы прикасаются к моему правому уху и посылают мне всю свою грусть и боль прямо в душу, прямо в сердце:

– Мальчик, – шепчет она, – мои пятёрки краснеют рядом с двойками… Как быть?..

Она знает, что после этого я сочинение дальше писать не смогу. Но на фоне того ожидания, что может произойти, разве это важно?

Как в педагогике назвать вот это действо – что это за приём, способ, метод, принцип?..

Нет этому названия.

Потому, спустя десятилетия, я назвал его моментом педагогической истины. В этих мгновениях, когда ученик души не чает в учителе, а мудрость учителя чувствует, что именно сейчас, не раньше, не позже, нужно помочь ученику выправить путь, может произойти воспитательное чудо. Момент педагогической истины состоит из встречи двух его составных: первое – само предчувствие наступления этого мгновения, второе – искусство воспользоваться мгновением. Вне этого мгновения искусство может быть бесполезным, без искусства

мгновение унесёт водопад времени без всякого следа.

Она не ждёт от меня ответа, так же бесшумно возвращается к окну, но книгу уже не читает, смотрит в небо, может быть, молится в душе.

А в душе моей происходит взрыв.

Я закрываю голову руками и начинаю тихо плакать, чтобы рядом сидящий не догадался, в чём дело.

Пятёрки моей учительницы краснеют рядом с двойками.

Дело не в пятёрках, а в том, что в них любовь моей учительницы ко мне. А эти двойки могут навредить этой, – самой дорогой, что мне досталось за последние месяцы, – Любви!

Я причиняю учительнице боль – и мне больно от этого.

Мне стыдно перед Дейда Варо, потому что ей стыдно за меня.

Что нужно делать, чтобы пятёрки не краснели, чтобы уберечь Любовь любимого учителя ко мне?

Надо уничтожить эти двойки.

Моё сознание меняется, чувствую суровость долга перед погибшим отцом, перед больной матерью, перед Дейда Варо.

Меняется моё сознание, и оно меняют мою жизнь. Начинаю применять те усилия, которые соизмеримы с принципом: тебе, утопающему, подали спасательный круг – Любовь, береги её сейчас.

Я доказываю, внушаю самому себе, что во мне есть способности, и всё в моих руках.

Я внимателен на всех уроках, многое не понимаю, потому начинаю приставать к учителям, чтобы объяснили дополнительно, прошу друзей-одноклассников, продвинутых в науках, чтобы помогли мне. Но так как многое сразу понять не могу, то зазубриваю формулы и параграфы. Только вот проблема с учителем русского языка: она не хочет видеть мои старания. Мама моего друга, узнав о моей беспомощности в русском, сама предложила помощь – помогала понимать тексты, выполнять грамматические упражнения.

Спустя два-три месяца моя школьная погода чуточку прояснилась: двойки потеснились, появились тройки, иногда даже четвёрки и пятёрки.

Моя любимая учительница следит, как я преуспеваю, и радуется, улыбается, поощряет.

А однажды просит меня сопровождать её на спектакль в театр Руставели. У меня, говорит, два билета, племянница моя не может пойти со мной, у неё занятие по музыке, может быть, ты пойдёшь со мной?

В тот вечер я был самым нарядным в жизни и учился быть элегантным.

Героическая Любовь

Если кто-то спросил бы в те суровые сороковые годы у Варвары Вардиашвили, как она любит детей, я уверен, она бы не ответила так: «Очень люблю». Она просто улыбнулась бы и пожала плечами.

Но она любила своих учеников героически.

Перескажу эту историю ещё раз, чтобы самому разобраться в сути Героической Любви Учителя.

В день первого сентября восьмого класса она сказала нам:

– Может быть, это будет нелегко, но пусть каждый достанет поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Достать книгу Руставели в то время было действительно трудно. Я обошёл всех соседей, мама ходила к знакомым, и когда я уже отчаялся, ко мне пришёл одноклассник и сказал, что он достал сразу два экземпляра и один может дать мне.

Книгу я тут же начал листать, вычитывать отдельные главы. На следующем уроке наша учительница с интересом выслушивала каждого, какими похождениями, где, у кого обнаружил, достал поэму Руставели, какого года издания книга, под редакцией кого и т. д., а потом предложила написать об этом.

– Давайте не забудем, с каким трудом каждый из вас добывал «Витязя в тигровой шкуре»…

А дальше произошло следующее: в течение всего года, – а это был 1946–1947 учебный год, мы изучали поэму. Читали, перечитывали, размышляли, исследовали, заучивали наизусть некоторые главы, писали сочинения, эссе, доклады, выписывали мудрости, осмысливали духовно-нравственный облик героев, пытались разобраться в философии Руставели. В общем, класс наш превратился в творческую лабораторию, и каждый из нас стал рустведоведом. Уроки по Руставели не имели никакого штампа, они не были похожи ни на какие другие уроки. Мы спешили на них и многое делали после уроков. Мы жили поэмой, мыслями гениального поэта, жизнью её героев. Мы гордились, что у грузин есть «Витязь в тигровой шкуре».

В чём же проявилась Героическая Любовь Учителя к нам?

Вот в чём. В восьмом классе, как я потом разобрался, будучи уже аспирантом, нам следовало изучать литературные произведения о партии, о вождях, о социалистическом реализме. Тогдашние школьные программы были вроде партийных документов, и отходить от них ни один учитель не имел права. Такие деяния были связаны с большими опасностями. Если в партийных органах узнали бы, чем с нами занимается наша

учительница, её моментально не стало бы в школе, она просто исчезла бы, и не уберегли бы её от беды ни два ордена Ленина, ни звание заслуженного учителя. Партия не шутила с такими проявлениями.

Зачем же Варвара Вардиашвили это сделала? Только спустя десятилетия я открыл для себя эту тайну. Она имеет несколько составных.

Во-первых, она воспитывала нас героями, потому нужно было ей самой свершить героический поступок и оставить его в нашей памяти. Она знала, что добрая память есть пожизненный воспитатель для человека.

Во-вторых, «Витязь в тигровой шкуре» можно рассматривать как Пятое Евангелие для грузин. Поэма несёт народу духовно-нравственный кодекс жизни. В ней синтезируются: вера в Творца, культ возвышенной Любви, культ Преданности, культ Рыцарства, культ Правды, культ Добра. Грузин, воспитанный и пропитанный идеями поэмы, будет иметь расширенное от Земли до Небес сознание, он не допустит в себе зла и предательства, его отношение к женщине будет трепетным, он будет искать в себе лучшие качества человечности.

В-третьих, он поймёт, наследником какой возвышенной культуры он является, убережёт и умножит эту культуру, будет нести её в дар другим народам. Пусть гордится он, что его Родина есть Родина Руставели – всемирного гения.

В-четвёртых, «Витязь в тигровой шкуре» наполняет сердце и разум читателя изысканной мудростью, делает его умным, заботливым, честным, смелым, помогает ему развить в себе возвышенные мировоззренческие начала.

Это и было высшим проявлением Великой Героической Любви Учителя к своим ученикам.

И когда некий современный учитель скажет: «Детей-то люблю, но трогать программу (конечно, когда её действительно надо менять) мне не позволят», я вспоминаю свою учительницу, и мне становится грустно. Трусливый учитель детей любить не может, ибо он бросит их при любой опасности, он предаст их. Любовь его будет ложью, а дети чуют ложь, фальшь в деяниях своих учителей. Не полюбят они такого учителя.

Тетрадь для математики и стихов

Влияние Варвары Вардиашвили на всех моих одноклассников было велико – мы облагораживались. Но влияли на нас и другие учителя, большинство из которых следовали силовым подходам, приказам и принуждениям. После того как мы познали учительскую любовь и одухотворяющее общение, уроки других учителей и общение с нами вызывало в нас большее раздражение. Потому ребята часто удирали с уроков, срывали уроки. Под влиянием «Витязя в тигровой шкуре» я даже написал целую поэму – «Хвала шатало» (шатало – от русского шататься; этот жаргон обозначал бегство с уроков). Одноклассники позаботились размножить рукописный вариант, и поэма распространилась по всей школе, читали её ученики с седьмого по одиннадцатый класс, смеялись, веселились. Она вдохновляла многих тоже ходить на шатало. Учителя знали кое-что о моём произведении, но никто им его не показывал, ибо это было опасно: в нём некоторые учителя высмеивались.

Однажды Дейда Варо подозвала меня к себе и спросила:

– Ты от меня что-то скрываешь?

Я покраснел.

– Завтра я вам передам… – сказал я.

В ту ночь я и мои друзья очень постарались: на пишущей машинке отпечатали всю поэму (она была длинная, из десяти историй), сделали несколько рисунков, сшили как подобает книге, и на следующее утро наша группа (автор, редактор, художник, корректор) преподнесла её учительнице. Она поэму никому из учителей не показала. Но, как я узнал потом, на педсовете велось обсуждение того, как пресечь бегство учеников с уроков. Многие предлагали ужесточить меры, наказывать организаторов, кого-то исключить из комсомола (напугать, во всяком случае, исключением из организации), созвать родительские собрания и потребовать от них следить за своими детьми.

А кто были родители?

В основном, мамы и бабушки, ибо папы или погибли на фронте, или ещё не вернулись с войны, или вернулись инвалидами. До нас дошли слухи о том, как Варвара Вардиашвили и ещё двое учителей защищали нас и советовали коллегам изменить отношение к своим ученикам, подумать, как изгнать скуку с уроков. Но тогда эти идеи считались непедагогичными.

В моей жизни в восьмом классе произошло ещё одно

радостное событие. К нам пришла новая учительница математики. Она была старая и давно работала в школе, но пришла в наш класс после того, как предыдущий не смог взять нас в руки и покинул школу. А его заменила прославленная учительница Тамара Казахашвили. Нам было известно, что Варвара Вардиашвили и Тамара Казахашвили дружат друг с другом. Потому наша любовь к Дейда Варо распространилась и на учителя математики. А событием в моей жизни было то, что математика вдруг стала мне доступна, и я даже сделал доклад по иррациональным числам. Я завёл тетрадь «для математики и стихов». А учительница похвалила меня. «Как интересно править твою тетрадь, – сказала она мне, – такое впервые в моей жизни». Я научился решать задачи и примеры, и появились первые пятёрки по математике. Год тому назад об этом я и мечтать не мог.

Люби ближнего своего как себя самого

На уроках любимого учителя мы обсуждали такие произведения и таким способом, что менялось наше отношение к самим себе и окружающим. При этом всё строилось на основе идей «Витязя в тигровой шкуре»; эта поэма была опорой для наших духовно-нравственных исканий. И в классе происходили изменения – они происходили медленно, но были заметны: самые отчаянные – успокаивались, отстающие – подтягивались, грубияны становились мягче.

В девятом, десятом, одиннадцатом классах мы поднялись до такого уровня, что нас хвалили и нам удивлялись. Отношения с учителями пошли на лад.

Думаю, особую роль в этом сыграли доверительные разговоры Дейда Варо с нами. С одной стороны, она, наверное, хотела донести до нас христианскую заповедь: «Люби ближнего своего как себя самого». С другой же, как будто к слову, она то и дело рассказывала нам о судьбе некоторых наших учителей, с которыми мы постоянно конфликтовали и которые не могли поступиться традиционно закреплёнными принципами авторитаризма. Она знала, что учителя эти не изменятся, значит, надо было изменить наше отношение к ним.

Она заговорила с нами об учительнице логики и психологии, которую мы звали «Колдуньей». Боялись и злили её. Иногда она выбегала из класса не в себе. Мы узнали, что в тридцатых годах «Колдунью» с мужем и сыном репрессировали, направили в разные колонии. Она в течение пяти лет не знала о муже и о сыне ничего. Была на грани самоубийства. Перед началом войны её освободили. Долгое время была безработной. Наконец приняли в нашу школу учителем логики и психологии, а по специальности она географ. Но смогла освоить новые науки и стала прекрасным специалистом. Два года тому назад узнала, что мужа расстреляли. А насчёт сына пока никаких известий. Она одна. Единственное утешение для неё – это школа. В ней много мудрости и любви, но она не может их проявить…

Рассказ этот задел нас. Мы задали Дейда Варо много вопросов, и она попросила нас: берегите её, помогите ей, дайте ей почувствовать, что вы любите её.

Наше отношение к учительнице логики и психологии изменилось: слушали внимательно, учились усердно, задавали вопросы, относились с сочувствием и уважением. В общем, проявляли к ней внимание и любовь. Вначале она не понимала, что происходит, оставалась враждебной и недоверчивой.

Но со временем она просветлела, улыбнулась. А однажды, рассказывая на уроке психологии о памяти, она вдруг остановилась, села на стул, закрыла лицо руками и заплакала. Мы молча окружили её, кто-то обнял её за вздрагивающие худые плечики и сказал с сочувствием: «Не плачьте, пожалуйста…» Спустя несколько минут она взяла себя в руки, взглянула на нас глазами, полными слёз, и мы увидели беспомощного человека, вынашивающего в себе тяжёлое горе. Может быть, именно тогда многие из нас впервые испытали человеческую жалость, рождающую любовь. Она вцепилась обеими руками в руки того, кто обнимал её за плечи, и прижала их к губам, целуя и приговаривая: «Ему, моему сыну, было всего семнадцать лет… Он не был ни в чём виноват, просто был талантливым, как вы… Простите…» И, не дождавшись звонка, вышла из класса.

Мы полюбили её вместе с её горем и вызвали в ней ответную любовь и доверие к нам. Мы многому научились у неё на уроках психологии и логики.

Мы облагораживаем учителя физики

Однажды на уроке литературы мы заговорили о романе, который посоветовала прочитать наша учительница. В нём речь шла о герое несправедливом и жестоком. «Как наш физик», – сказал кто-то.

Физик вызывал в нас раздражение и злобу. Человек немолодой, воображавший себя известным учёным, просто издевался над нами. Принципиально никому не ставил пятёрку. «Пятёрка – это мне, – говорил он, – другие же отметки – вам». Ему жалко было и четвёрки ставить. Потому много было в классе троечников и двоечников. Нас возмущали его грубость, насмешки и угрозы. Потому не раз бойкотировали его уроки, мешали ему на уроке, конфликтовали с ним. А он, вместо того чтобы разобраться, почему мы так себя ведём, ужесточал меры, наказывал двойками и угрожал, что каждому испортит аттестат.

Как быть с таким учителем?

Дейда Варо не учила нас жаловаться и не упражняла в написании жалоб и доносов. Это было не в традициях «Витязя в тигровой шкуре». Она пропустила мимо ушей сравнение героя романа с учителем физики и предложила такую творческую работу: написать вместо писателя главу в романе и показать, как злой и несправедливый герой всё же принёс какую-то пользу окружающим. «Подумайте, какая такая сила могла принудить его проявить благородство, понимание». Она озадачила нас – если есть такая сила, то надо применить её в отношении физика. Наши варианты главы романа оказались весьма интересными, и писатель, надо полагать, выбрал бы один из них как завершающую часть. Но более важно было то, что мы уже поняли, как быть с физиком. Пусть он будет таким, какой он есть, а мы все вместе окружим его доброжелательностью, уважением, вниманием, улыбками, да ещё будем изучать физику по мере всех своих возможностей, помогая друг другу; кто-то пусть пойдёт дальше и будет читать дополнительную литературу, будет задавать ему вопросы о проблемах физики и обсуждать их…

Мы сдержали наш уговор, и спустя пару месяцев произошло то, чего и ждали: физик успокоился, признал наши знания, оценил наши к нему отношения, стал сдержанным. Он не говорил об этих вещах, он просто двигался нам навстречу, а мы были готовы принять его облагороженным. Нам самим нравился наш опыт, в котором и мы облагораживались.

И вот произошёл случай, который дал учителю возможность подружиться с нами. После разбора одной физической

проблемы, – была она связана с атомной энергией, – он увидел, что некоторые из нас хорошо подкованы по физике. «Молодцы», – вырвалось у него. Тогда один наш товарищ встал и предложил ему следующее: «Уважаемый учитель, мы признаём ваши глубокие знания и научные открытия в физике. Потому решили учредить ещё две высшие отметки – шесть и семь. Отметку семь мы ставим Ньютону, шесть, безусловно, вам, а нам пусть достанутся пятёрки и четвёрки. Нам ещё далеко до вас…» Было сказано это в шутливой форме, мы засмеялись, учитель – тоже. «Ладно, – сказал он, – пусть будет по-вашему».

Так разом повысились отметки по физике.

В девятом и десятом классах мне доставались четвёрки, а в одиннадцатом – пятёрки.

От злобы учителя меня спасает шпаргалка

Оставалась проблема с учительницей русского языка и литературы. Сколько хорошего она могла бы для нас сделать – дать нам заговорить на русском языке, прильнуть к богатейшей русской поэзии и прозе. Владея грузинской литературой, мы могли бы проводить весьма познавательные параллели. Но она этого не сделала. Она, классная руководительница, не любила нас, не любила детей.

Некоторые мои товарищи, благодаря семейным условиям, владели русской речью, читали свободно. Остальным надо было спасаться самим, и каждый из нас искал выход.

Для меня это был путь зубрёжки и списывания. Я с трудом продвигался, но двойки ставить мне уже было невозможно, тройки – да. Редко я получал четвёрку, и тогда у меня был праздник.

Так я пришёл к выпускным экзаменам.

Как же я сдам письменную работу? Она знала это и грозилась: «Твои пятёрки плакать будут перед моей отметкой». Я же ей никогда ничего плохого не делал? Я не злил её, не конфликтовал с ней. Ну, ходил на шатало со всем классом. Но разве это был повод, чтобы таить злобу к какому-либо ученику? Сказать, что она мстила мне, было бы неправильно: за что мстить, когда не было никакого повода! Получается, что она была просто злая и находила удовольствие в том, что издевалась над кем-нибудь. Разумеется, не только надо мной!

Накануне экзамена, ни на что не надеясь, я пошёл к своему другу, который прекрасно владел русским языком, чтобы он помог мне чем-нибудь. И он действительно помог. «Вот тебе шпаргалка, – сказал он, – завтра на экзамене будет тема о молодогвардейцах. Спиши, и получишь пятёрку».

Откуда он знал об этой министерской тайне? От дяди, который работал в министерстве просвещения.

Всю ночь я зубрил шпаргалку. Переписал её несколько раз. Упражнялся в письме наизусть. Тщательно следил за правописанием, за пунктуацией. На утро весь текст шпаргалки лежал у меня в голове. Если бы на экзамене пришедшие из министерства не объявили бы эту тему, я всё равно написал бы то, что зубрил всю ночь.

Но вот радость: чиновник с важным видом открывает засекреченный и сургучом скреплённый пакет, достаёт лист бумаги с названием экзаменационной темы, и учительница наша пишет её на доске. Тема слово в слово совпадает с темой моей

шпаргалки. Сейчас мне нужно было только одно: спокойно списать с головы, не ошибиться. Я и приступил к этому делу.

Учительница, стало быть, должна радоваться, что я пишу. Но нет. Она подходит ко мне, стоит над головой и наблюдает, как я красиво сажаю буквы и складываю слова.

– Покажи руки! – говорит она мне.

Показываю. В руках у меня ничего нет.

– Встань, выходи из-за парты…

Она заглядывает под парту, ищет шпаргалку, но не находит, ибо она у меня в голове.

– Садись, продолжай писать…

Сажусь и продолжаю списывать с головы.

Она недовольна. Идёт к представителю министерства.

– Он пишет… – говорит она ему.

То есть, она, – учительница, занимающаяся с нами шесть лет, классная руководительница за всё это время, – доносит на меня чужому человеку, наделённому властью. Почему она это делает? После экзамена мы с ней, по всей вероятности, разойдёмся навсегда. Плохо, конечно, списывать, но если это для меня последняя возможность, если со списыванием связана моя судьба, если никому нет вреда от этого, и если формальность тоже соблюдена, – то неужели учитель не посочувствует своему ученику? Это же предательство, что она сейчас доносит на меня?

Инспектор из министерства говорит ей:

– Это кто, он? – и смотрит в мою сторону, – Пусть пишет!

– Но это невозможно… Он не знает…

– Пишет же?

– Списывает…

Тогда этот чужой человек подходит к мне и долго наблюдает, как я пишу. Видит, шпаргалки нигде нет. Улыбается мне, пиши, говорит, и отходит.

Хотя потом она долго убеждала членов экзаменационной комиссии, что я и слово без ошибки написать не могу, но в моей работе не была обнаружена ни одна ошибка, а содержательно сочинение тоже было хорошее. Потому комиссия была вынуждена поставить пять.

Так я окончил школу на золотую медаль.

Из двадцати шести одноклассников золотые и серебряные медали получили восемнадцать выпускников. И пусть никто в этом не ищет других причин, кроме двух: первая – талант наш, вторая – талант Дейда Варо. Не надо быть ясновидящим, чтобы узреть: что с нами могло случиться, если бы не подоспела Великая Учительская Любовь.

А что стало с золотой медалью?

Стоит сказать, в чём она мне пригодилась.

Медаль была действительно золотая, весом 18,5 граммов. В 1950 году государство не скупилось выдавать отличившимся школьникам слитки чистого золота в виде медалей.

В 1962 году я выбрал свою спутницу жизни. К свадьбе надо было ей преподнести подарок. Но у нас дома никаких драгоценностей не было, и денег не было, чтобы что-то купить в ювелирном магазине. Тогда я вспомнил, что у меня есть золотая медаль. Мы с мамой отнесли медаль ювелиру и попросили сделать из неё браслет. Получилась изящное украшение. Моя избранница осталась довольна. Только долгие годы я не открывал ей тайну, где моя школьная золотая медаль.

Я студент востоковедческого факультета

Нужны серьёзные исследования, почему молодые люди выбирают педагогические факультеты. Объяснения могут быть разные: нравится; видит перспективу для карьеры; семья традиционно педагогическая; был любимый учитель; не было другого выхода и т. д.

Но если молодой человек скажет, что любит детей и потому выбирает педагогическую профессию, надо полагать, что он знает, на что идет. Любовь к детям самый убедительный повод для выбора педагогической профессии. Молодой человек выбирает в педагогическом университете факультет физики или истории. Он что, любит саму физику или историю? Или хочет стать именно учителем физики или химии, потому что ему нравится сам процесс «преподавания» этого предмета? Или же потому, что любовь к детям лучше всего может проявиться через «преподавание» того или иного предмета? Как отразилось это внутреннее призвание быть педагогом, учителем в его школьной жизни?

Педагогическую профессию я выбирать не собирался. Пройдя через руки своих учителей, как я мог воодушевиться и поспешить в педагогический университет! Такого я не мог допустить даже в кошмарном сне. Я хотел стать журналистом: писать умел, был начитанным, уже печатал стихи и статьи в детских и юношеских изданиях. Все принимали мой выбор как правильный и хороший – и друзья, и мама, и Дейда Варо.

В школе задержали выдачу аттестатов на два дня. Как только я получил его, поспешил в Тбилисский государственный университет и подал документы на факультет журналистики. Вернулся домой счастливый: я зачислен без экзаменов. Но на другой день радость моя омрачилась: из приёмной комиссии университета пришли ко мне домой и сообщили, что мои документы были приняты ошибочно, ибо места, выделенные для медалистов, были уже заполнены. Можно подать документы на другой факультет.

И вот стою я в огромном холле Тбилисского университета, растерянный, озабоченный. Что делать, на какой факультет поступать? Нет у меня советников, а решать самому трудно.

Подходит ко мне мой одноклассник. Узнаёт моё положение и говорит:

– Чего себя мучаешь? Журналистом можешь и без факультета журналистики стать. А вот есть факультет востоковедения, я только что подал заявление в группу иранской филологии.

Ты тоже туда подавай, пока есть места, приём ограничен.

– Что это за факультет, – спрашиваю, – впервые слышу.

Он объясняет, что это вроде дипломатический, изучаются история и языки Востока.

Недолго думая, я подошёл к форточке востоковедческого факультета и подал документы по специальности История Ирана. Меня приняли. В группе нас было семь человек. И было это в 1950 году.

На первом курсе, в течение года я изучил персидский язык до того уровня, что мог свободно общаться, выступать с речью, переводить на грузинский язык стихи Омара Хайяма.

Значит, у меня были языковые способности. Почему не воспользовались этим мои школьные учителя русского и английского языков?

Зигзаги судьбы

В те далекие годы мне не приходила мысль о том, что каждый человек, в том числе и я, имеет своё предназначение, свою миссию, что внутренняя сила (назовем ее Судьба) будет неумолимо направлять человека и поможет ему рано или поздно раскрыть смысл своей жизни, понять то, ради чего рождён он на Земле.

Судьба моя тогда знала, что я не буду ни журналистом, ни историком Ирана, ни переводчиком с персидского, ни дипломатом. Она знала, что я рождён быть учителем и обречен всю жизнь любить детей. Хотя тогда я мог кому угодно твердить, что не люблю педагогическую профессию, но сопротивляться судьбе тоже не мог, потому что сама жизнь принуждала подчиниться её воле.

С первого курса я понимал, что обязан как-то помогать матери. И хотя всю свою стипендию я приносил домой, но все равно чувствовал, что этого было мало.

Как сделать, чтобы я учился в университете и зарабатывал для семьи?

И вот нам объявили, что со второго курса лекции будут проводиться в вечернее время из-за нехватки аудиторий. Я воспользовался этим и обратился в райком комсомола с просьбой дать мне какую-нибудь работу.

– Какую? – спросили меня.

– Какая есть… Можно рабочим… – ответил я.

Тогда заведующий отделом, – она оказалась нашей соседкой, – посмотрела список рабочих вакансий и сказала мне:

– Пионервожатым будешь?

– А какая будет зарплата? – спросил я. Для меня было не важно, кем работать, лишь бы иметь дополнительно тридцать-сорок рублей в месяц. А когда она сказала, что зарплата будет сорок пять, я сразу согласился.

Директор школы, куда меня направили, увидев меня, иронически усмехнулся и отрезал:

– Я тебя не приму… Ты сам выглядишь пионером, кто тебя слушать будет?

Я вернулся в райком комсомола сконфуженный и огорчённый.

– Не волнуйся, – улыбнувшись мне сказала заведующая отделом, – освободилось место пионервожатого в другой школе… Дерзай!

Хотел отказаться, но вспомнил о зарплате, о маме, которая

едва сводила концы с концами. Взял направление, и только выйдя на улицу, посмотрел, какая это школа… Это моя школа, школа, которую я окончил год тому назад!

С большой неохотой пришёл я в школу, не зная, как меня примут. Но директор, увидев меня настороженного и взволнованного и взяв направление, улыбнулся и радушно произнёс:

– Не волнуйся, мы примем тебя, ты справишься, а мы поможем…

Так судьба зигзагами по жизненному пути привела меня в школу.

Я ещё не знал, что меня ждёт.

Был конец августа 1952 года.

В сердце моём просыпается семя предназначения

Скажу честно, я пришёл тогда в школу не для того, чтобы сделать её смыслом своей жизни, но твердо знал одно: надо работать честно.

Школа большая, пионеров – более восемьсот, целая армия. И вообразив себя генералом, повязав на шею вместо погон пионерский галстук, я начал управлять организацией так, как инструктировали меня в райкоме комсомола и на специальных курсах. Но вскоре понял, что общаться с детьми с начальственных позиций нельзя. Как нельзя формализовать их общественную жизнь, ограничив ее заниматься составлением альбомов, выпуском газет, проведением сборов и заседаний, составлением отчётов, организацией борьбы с двоечниками.

Дейда Варо, для которой я стал коллегой, дала мне мудрое напутствие: «Полюби детей, подружись с ними, помоги им и защити каждого. Вспомни, о чем ты мечтал в их возрасте, чего тебе не хватало в школе». Это было то, чем она руководствовалась сама, воспитывая меня и моих одноклассников.

И в школе скоро закипела интересная пионерская жизнь.

Было всё: походы с кострами, игры, труд, олимпиады, спартакиады, обсуждения, встречи, утренники, тимуровская деятельность, забота об исторических памятниках, постановка спектаклей, бальные танцы, сбор макулатуры. Я прочитал томик Антона Семёновича Макаренко и воспользовался его принципами о параллельных и перспективных линиях.

Но вспоминая сегодня те годы, я понимаю, что была у меня тогда ещё одна работа, которая двигала всё это. Она была внешне невидимая, не отражалась в планах. Это суть ее определила Дейда Варо: полюби, подружись, помоги, защити. Я усердно следовал этим наставлениям, хотя с большими усилиями: нужны были терпение, мудрость, понимание, искусство общения…

А во мне всего этого так не хватало. И я стал воспитывать себя, создавать в себе то, что требовалось. Я создавал в себе облик воспитателя-друга детей и старался выдерживать его в повседневной жизни. Постепенно увидел, что дети потянулись ко мне, стали относиться с доверием.

От кого мне приходилось защищать детей?

От агрессии взрослых – иногда от собственных родителей, иногда от своих учителей.

Какая нужна была детям помощь?

Чтобы они разобрались в себе, чтобы поверили в свои силы и свои способности, чтобы умели налаживать отношения…

Но я был всего лишь студентом второго курса, да и не педагогического, а востоковедческого факультета. А мне нужны были и опыт, и специальные знания. Не хватало ни того, ни другого.

Читал педагогические книги, но многие из них были далеки от того, что волновало и заботило меня. Опыт черпал из своих проб и ошибок, из своих школьных воспоминаний и переживаний. А также, когда всё это не помогало, я принуждал своё сердце и разум, чтобы они подсказали мне правильные решение воспитательных задач.

Меня вызывает к себе учительница химии (та самая, которая дала мне когда-то переэкзаменовку) и обличает мальчика:

– Ты же пионервожатый, забери его и накажи за хамство, исключи из пионерской организации. Я его на свои уроки не допущу… – такое задание она даёт мне в приказном тоне. Она озлоблена, кричит: – Что я предприму? Мне нужна мудрость, а не судейство…

Проходит по коридору мальчик, на лице ссадины, синяки, глаза красные. Забираю его в пионерскую комнату.

– Что случилось?

Он ни с кем не подрался, не ушибся. Откуда ссадины, зачем глаза красные?

Мальчик доверяется: папа его избил, родной отец погнался вчера за ним и избил.

– Из-за чего? – спрашиваю.

– Из-за двойки по русскому языку…

– А учитель кто?

Та же самая, что донесла на меня инспектору на экзамене.

Как сделать, чтобы ту же самую дружбу, что я ищу в этом мальчике, отец тоже поискал?

Как сделать, чтобы мальчик не стал очередной жертвой той злобной учительницы русского языка?..

На улице встречаю группу девочек-шестиклассниц

(в 1952 году мужские и женские школы были объединены), их четверо. Ясное дело – сбежали с уроков. Увидев меня, попытались скрыться. Но уже поздно. Подходят ко мне.

– Вы никому не скажете? – спрашивают.

– Нет, – говорю, – но почему вы не в школе?

– У нас контрольная, а мы не готовы…

Конечно, никому не скажу, и девочек не буду гнать обратно в школу.

Получится ли воспитание, если я им сейчас прочитаю нотацию, что так вести себя нельзя? Ведь сам я не раз удирал с контрольных.

Правильно ли я сейчас поступлю, если приглашу их в кафе, которое рядом, и угощу мороженым? Не знаю, но поступаю именно так.

На педсовете обсуждается ребром поставленный вопрос: «Или я, или он». Пятиклассник с мамой стоят в углу большой учительской как у позорного столба. Мама плачет и всех умоляет:

– Трое детей, муж погиб… Пощадите… Обещаю, я его строго накажу… Больше не посмеет грубить учителю…

Но учительница стоит на своём:

– Я его обратно в класс не приму…

Это та учительница, которой я когда-то на «здравствуйте» ответил «драптуните». Мальчик – жертва учителя. Встаю и заявляю:

– Мальчик – пионер, беру его под свою опеку…

Но учительница обрывает меня:

– Тебе самому нужен опекун…

Что мне ответить заслуженному учителю, автору учебников?

Но я твердо стою на своем и мальчик остается в школе.

Так я расту в своей же школе уже не как ученик, а как коллега своих бывших учителей. Пока многие из них не признают во вчерашнем ученике коллегу, а я как росток свободолюбивого дерева пробиваюсь под асфальтом, варюсь в собственном соку.

Мечты мои о дипломатической службе, о журналистской деятельности постепенно блекнут, они уже не манят меня, я забываю о них. В сердце моём просыпается семя предназначения, незаметно пробивается и завладевает всей моей сущностью. Чувствую, что пришёл в школу к детям на всю жизнь.

Так я думал в конце 50-х годов

Я закончил университет с красным дипломом, и меня пригласили поступить в аспирантуру по истории Ирана, пригласили ещё работать в КГБ на какую-то тёмную должность. Но я чётко определился: далеко от детей не уйду. Знания по педагогике и психологии – вот что мне нужно было. Где я могу их получить? Есть Институт педагогики имени Якова Семёновича Гогебашвили, совсем близко от моей школы. В том же здании обитает Институт психологии имени Дмитрия Николаевича Узнадзе. Я поступаю в аспирантуру по педагогике, а в школе я уже учитель истории, успев уже побывать учителем труда, литературы. После уроков я занимаюсь в научно-педагогической библиотеке, которая тоже носит имя Я. С. Гогебашвили. Здесь много важных книг, а мой профессор, известный специалист по Коменскому, Ушинскому и Гогебашвили, сказал мне:

– Изучай классическую педагогику.

Я читаю жадно, с упоением: Квинтилиана, Коменского, Локка, Руссо, Песталоцци, Дистервега, Ушинского, Пирогова, Гогебашвили, Макаренко… Делаю выписки – их становится более двух тысяч. В моём воображении складывается изумительный Храм Образования, в нём царствуют Вера, Надежда, Любовь, Мысль, Свобода, Совершенствование, Устремление, Благородство, Преданность. Но Любовь – матерь всех остальных.

Я ещё не знаю имени Януша Корчака и имени Василия Александровича Сухомлинского. Не знаю, как видят мир Владимир Иванович Вернадский, Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Я ещё не читал Новый Завет и не знаю основ Мировых Религий. Мне ещё никто не говорил о Николае Бердяеве, о Павле Флоренском, об Иване Ильине. Вот прибудут они, и мой Храм будет освещён. А пока я восхищён тем, что у меня уже есть. Надо сделать так, чтобы все школы мира разместились в этом Храме, чтобы все они были пропитаны мыслями, которые я выписываю из этих живых источников.

Потом я читаю учебники по педагогике, чтобы готовиться к сдаче кандидатских экзаменов. Читаю труды советских учёных-педагогов, осваиваю советскую педагогическую теорию… И мне кажется, что падаю из небесной высоты куполов моего Храма, и вот-вот моё сознание разобьётся о камни авторитаризма, о монолит материалистической идеологии.

Я в отчаянии.

Спешу к своему профессору с просьбой помочь разобраться: в чём разница между Небом и Землёю. Он мне говорит

о материализме и о том, что классики не могли подняться до марксистского понимания педагогики.

Получается, что не Небо над Землёю, а Земля над Небом?

Но для меня всё складывается иначе: Земля принадлежит Небу, она с ним единое целое; она, также как все небесные тела, есть проявление Беспредельности Неба.

Дух и Материя – тоже единое целое. Дух проявляется через Материю.

Сознание должно иметь в виду эту целостность Неба и Земли, Духа и Материи. Отрывать их друг от друга – значит исказить реальную картину мира. Это будет означать и искажение педагогического сознания. И мы уже получили такое сознание; с помощью тысяч и тысяч учителей, воспитателей, миллионов взрослых оно упорно утверждает авторитаризм и бездуховность в воспитании детей. Я, будучи школьником, испытал на себе колючки этой педагогики. А теперь их испытывают миллионы детей. Счастье, если в каждой школе есть хоть три, хоть два, пусть хоть один посланник Небес вроде Дейда Варо; они спасут многих, которых губят другие. Губят не столько по злости, сколько по причине невежества.

Так я думал тогда – в конце 50-х годов.

Дети призывают меня отходить от авторитаризма

Моим ученикам-восьмиклассникам нравились мои уроки истории. Я старался создавать в их воображении голограммные картины исторических событий, делать их соучастниками этих событий, действовать с ними по принципу свободной воли, но думая о будущем, и понять, как могло бы оно измениться. Это вызывало более глубокое обсуждение исторических фактов и действующих в них закономерностей. Что касается отметок, я доверил им самим оценивать себя и ставить те отметки, которые, по их мнению, они заслуживали. Отметки ставили они сами и в журнале, и в дневниках. Общение моё с ними было непосредственное, дружеское. Они доверяли мне, а я – им. Я старался на каждом уроке выдерживать классические нормы проявления своей любви к ним.

Но однажды я решил испытать советскую дидактику. Пришёл на урок, окинул своих учеников строгим взглядом и сказал: «Здравствуйте, садитесь» и тут же: «Что было вам задано?» Потом произнёс испытующе: «К доске пойдёт…» Выдержал паузу и назвал одного из них равнодушным голосом.

А вызвал самого продвинутого историка.

– Начинай… – сказал я мальчику.

– Что начинать? – спросил мальчик.

– Изложи параграф, который был задан…

Он пересказал содержание параграфа и хотел дать свои комментарии к событиям. Но я при каждой такой попытке прерывал его и призывал придерживаться учебника.

Дальше начал задавать хитрые вопросы по всем правилам методических предписаний. Он не смог дать те штампы ответов, которые требовались. Я поставил ему три в журнале и дневнике. Класс был в недоумении: от меня такого не ожидали. Далее я объяснил (пересказал) следующий параграф, закрепил его вопросами, задал домашнее задание, и в это время зазвенел звонок.

Любой методист сказал бы мне: «Молодец, учитель, хороший урок».

Но так не сказали дети.

В коридоре меня догнали девочки, отвели в сторонку и спросили с сочувствием:

– Вам сегодня плохо?

– С чего вы взяли? – удивился я.

– Урок же был не тот…

– Вам не понравился урок?

– Как может такой урок понравиться? Он никому не понравился…

– А другие учителя разве не так проводят уроки?

– Да, но вы же не так…

– И что же, по-вашему, я должен делать?

– Будьте таким, каким были, а то мы разлюбим вас…

Они действительно здорово меня напугали: разлюбят меня! Значит, любят, но могут разлюбить!

Так дети оценили советскую, а точнее, авторитарную педагогику и призвали меня отойти от неё, не приближаться к ней.

«Любите нас по-прежнему, по голограммному», – говорили глаза девочек.

Идеи из будущего

Каждый параграф трудов Яна Амоса Коменского вызывал во мне восторг. Выписывал цитаты и размышлял над ними. Надо же, XVII век, а мысли-то какие! Именно тогда, в аспирантуре, чтение классиков привело меня к странному ощущению того, что читаю книги, посланные из будущего. Это будущее может стать настоящим настолько, насколько мы этого захотим. Интересно, как отнесутся учителя моей школы к идеям великого педагога?

Из цитат классика я сделал четыре больших красочных плаката. Я привлёк к оформлению плакатов нескольких талантливых детей-художников. Почитав цитаты и узнав о моих намерениях, юные художники загорелись и отнеслись к делу с большой ответственностью.

На всех плакатах был рефрен: «Как любить своих учеников».

А мысли были следующие:

Необходимо относиться к ученикам по-отечески, серьёзным, страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны всё это делать более добродушно, нежели строго. Достичь, чтобы всё обучение происходило добровольно. Это получится, если мы будем учить всему:

(1) с надеждой научить чему-то новому: нет человека, который был бы не рад чему-то новому научиться;

(2) приветливо, чтобы нравилось слушать: нет человека, который не любил бы так учиться;

(3) открытым и безобманным показом: нет человека, который хотел бы быть обманутым;

(4) через самоличное рассмотрение: нет человека, который не верил себе больше, чем другим;

(5) через самостоятельность: нет человека, который предпочитал бы следовать чужой, а не своей воле;

(6) через применение собственных сил, т. е. через собственные попытки и опыты ученика;

(7) вплоть до достаточности, когда ученик признаёт, что он во всех отношениях удовлетворён.

Добиться, чтобы:

– каждый воспитуемый получил основательное образование и не мог разучиться и вернуться к невежеству;

– изучаемое изучалось в совершенстве;

– ученику нельзя было не понять всё, чему учат;

– всё обучение проходило добровольно;

– дисциплина была мягкая и уверенная и не отпугивала учеников от учителя.

Добиться, чтобы ученики учились всему с удовольствием. Для этого дать ученику понять:

– что он по своей природе *хочет* того, стремление к тому, чему ты ему внушаешь, – и ему сразу будет радостно хотеть этого;

– что он от природы *может* иметь то, чего желает, – и он сразу обрадуется этой своей способности;

– что он *знает* то, что считает себя незнающим, – и он сразу обрадуется этому своему знанию.

Попросил директора дать разрешение вывесить плакаты в большой учительской. Он внимательно их изучил, попросил меня рассказать о Коменском. Согласился, но добавил: «Из области фантастики!»

Плакаты я вывесил вечером, когда в учительской уже никого не было. А утром пришёл рано, чтобы понаблюдать за реакцией учителей. А реакция в тот день и последующие дни была такая: кто-то пошутил, что это предноябрьские призывы партии; кто-то (молодые) переписывали цитаты в тетради; кто-то шёл к директору выяснить – не приказ ли эти плакаты для коллектива; кто-то возмутился над организатором этой затеи; кто-то (старые, опытные учителя) громко обсуждал мысли на плакатах и насмехался над наивностью классика; а кто-то подходил ко мне и говорил: «Это ты сделал, да? Молодец!»

В общем, Ян Амос Коменский почувствовал бы себя неуютно в нашей большой учительской. Учителя середины XX века с возмущением объяснили бы ему, что так воспитывать и учить современных детей нельзя, строгость и строгость принудит их подчиниться учительской воле.

Возмущение учителей усилилось, когда те же самые плакаты появились на стенах коридоров школы. Дети толпились перед плакатами, читали вслух, спрашивали у учителей, что всё это значит. А учителя пожаловались директору и в партийную организацию; они утверждали, что подобные мысли на плакатах могут зародить в детях недоверие к своим учителям, могут настроить их против учителей. И они, конечно, были правы.

А плакаты без моего вмешательства и ведома вывесили в коридорах ученики-художники.

Сделать вывод из этого опыта было нетрудно. Он был грустным: ясно было, большинство учителей смущали идеи из будущего, они встретили их настороженно, даже испугались их, видели в них низкую оценку своего традиционного авторитарного опыта, видели обесценивание своего труда.

Пусть учитель живёт для Вечности

Тем не менее я продолжал свои опыты.

Группа юных художников увлеклась этим делом и даже требовала от меня нового материала для плакатов. Им нравились идеи добра и гуманности, любви и взаимности. Они рисовали прекрасно, помещали плакаты в рамы. А когда, спустя месяц, мы сняли в учительской и коридорах плакаты с мыслями Коменского, встал вопрос: что с ними делать. И ребята нашли выход: они решили дать их в подарок учителям: вывесить в предметных кабинетах. Мне они рассказывали, как учителя принимали эти дары. Кто-то сказал им, что кабинет перегружен наглядными пособиями. Но дети всё же нашли место на стене, и учитель молча согласился. Кто-то прогнал ребят с их подарками: «Забирайте ваш филантропизм обратно… Как учиться будете, так и любить буду…» Кто-то молча согласился. Но один учитель даже выбирал плакат с цитатами.

После Яна Амоса Коменского в школу «пришёл» Иоганн Генрих Песталоцци:

Я не знал ни порядка, ни метода, ни искусства воспитания, которые не явились бы следствием моей глубокой любви к детям. В любви Ребёнок находит вдвое больший источник роста.

Весь истинно гуманный дух наших сил заключён в вере и любви. Сила сердца, вера и любовь для человека, то есть, для божественного вечного существа, подлежащего воспитанию и образованию, являются как раз тем, что корни для роста дерева.

Веру должна порождать вера, а не знание и понимание объекта её.

Мышление должно быть порождено мышлением, а не значением объектов размышления или законов мышления.

Любовь должна порождаться любовью, а не знанием объектов, достойных любви, и самой любви.

Пусть учитель, помогая, живёт для вечности, но пусть, живя, помогает настоящему. Если он так поступает, если он, любя, живёт ради вечности и для настоящего, тогда пусть не заботят пределы силы его любви. Любовь его поколения присоединится к его любви. Для своей любви он найдёт помощь, как находит помощь терпящий бедствие благородный человек.

На этот раз учителя отнеслись к мыслям на плакатах более сдержанно, даже с интересом. Обсуждали их между собой. Кто-то выбрал, какой из них хотел бы повесить в своём кабинете. Было и такое, когда кто-то на педсовете сослался на эти мысли. А старшеклассники рассказывали мне о случаях, когда мысли

с плакатов, висевших в кабинетах и коридорах, становились предметом обсуждения на уроках. Ученики призывали учителей следовать мудрым наставлениям великих педагогов.

Позднее плакаты с мыслями Иоганна Генриха Песталоцци были заменены мыслями Якова Семёновича Гогебашвили, Константина Дмитриевича Ушинского, Антона Семёновича Макаренко.

Мысли Гогебашвили вызвали долгое обсуждение проблем нравственности и веры.

Воспитание честных, благородных чувств в подрастающем поколении более необходимо и ценно, чем обогащение ума детей различными знаниями.

Солью земли во всех странах являлись и являются добрые сердца, проникнутые пламенной любовью к ближнему.

Неизбежной же основой этики человеколюбия была и есть искренняя вера. Глубоко верующий человек никогда не сможет проявить малодушия и эгоизма.

В те пятидесятые годы разговор о вере, о воспитании веры – в смысле религиозной – был опасен. Потому мысль Гогебашвили вызвала разные толки. Секретарь парторганизации предложил говорить о воспитании в коммунистические идеалы и т. д. Но один молодой учитель, который радовался плакатам, заявил:

– Получается, что мы опровергаем одну религию, чтобы вводить другую…

– Это какую? – спросил учитель-секретарь.

– Христианскую религию заменяем коммунистической религией…

– Коммунизм – это наука, а не религия, – парировал учитель-секретарь.

– Тогда зачем же воспитывать веру в коммунизм? Науку надо учить, а не воспитывать веру в неё…

Было ясно, что плакаты с мыслями будили у учителей мысли. «Да, детей надо любить, надо учить и воспитывать с любовью», – говорили одни. Это была небольшая группа учителей. Другие же, не имея причину опровергать тезис о любви к детям, утверждали: детей, конечно, надо любить, но вовсе не обязательно, а даже вредно показывать им свою любовь, держать их в руках будет невозможно.

А старшеклассники, в силу активной деятельности группы юных художников, атаковали своих учителей на уроках, задавая вопросы, как они относятся к той или иной мысли того или другого великого педагога.

Мои первые впечатления от плакатной педагогики расширились: я увидел, что мысли из прошлого влияют

на учителей: кто-то начал переосмысливать свой опыт; кто-то знакомился с именами великих мыслителей и проявлял заинтересованность их творчеством, просил дать им книги; кому-то стало неловко на фоне возвышенных мыслей. Дело в том, что учителя были мало начитаны в классической педагогике, но зато крепко освоили догмы советской авторитарной педагогики, которая делала их «солдатами партии».

Любят ли авторитарные учителя детей?

Любили ли советские учителя детей?

Конечно, любили, любили искренне и преданно.

Но любовь их была своеобразной, она не имела возможности совершенствоваться. Действовал неписаный закон: любить-то детей надо, но так, чтобы не показывать им свою любовь; их надо любить со всеми строгостями, требованиями, принуждениями, наказаниями; пусть ребёнок не поймёт сегодня, что учитель любит его и ради его будущего счастья вынужден прибегать к силовым способам, зато поймёт, когда подрастёт, и будет благодарен. И получалось, что детей они любили, но воспитывали и учили их так, что дети не чувствовали эту любовь. Неписаный закон легко вёл учителя к грубостям. Любили авторитарно, властно, сурово, веря, что это есть лучший путь воспитания. Принималась мысль, что учение – тяжкий труд, надо терпеть, проявлять волю, упорство, чтобы учиться успешно.

Во всех тогдашних школах на видном месте висели транспаранты, призывающие детей быть прилежными. «Учиться, учиться и учиться» – эти слова, сказанные Лениным в адрес безграмотных партийцев, партия теперь адресовала ученикам. А Сталин сказал: «Чтобы строить – надо знать, чтобы знать – надо учиться, учиться упорно, прилежно». Не отстал от вождей и Берия, призыв которого тоже красовался в школах: «Подвиг и геройство учащихся – это учиться на отлично. Это значит: иметь отлично…» И перечисляли предметы. «Отлично» была высшая словесная отметка, чем стала потом пятёрка. Кстати, когда партия решила, что вместо словесных отметок нужно применять цифровые, лозунг был переделан: вместо «отлично» значилось «пять».

Достанутся ли ученикам знания без усилий?

Нет.

Что делать? Дать им волю? Оставить без знаний?

Нет, нельзя.

Но получается, что ради их же блага надо их принуждать.

Есть ли другой выход?

Нет.

Тогда вперёд!

Вот, примерно, какая логика присутствовала в основе всеобщего образования.

И вскоре школа погрязла в процентомании так называемой академической успеваемости. А авторитаризм в образовании, как и в государстве в целом, стал частью идеологии. По правде

говоря, в этом деле педагогическая наука мало что нового сделала: авторитаризм в образовании, силовой подход к детям был известен с древнейших времён, им была поражена школа капиталистического мира. Он и сейчас есть основа теории и практики мировых образовательных систем. Советская педагогическая наука перевела существующую теорию и практику на язык идеологии. Хотя мудрые люди, – философы, психологи, особенно классики мировой педагогики, а также множество талантливых педагогов, – настоятельно, убедительно, терпеливо и давно объясняют учителям и всем, кто имеет касательство к образованию, что принудительные и насильственные способы вредят детям, снижают возможность проявления природных способностей. Но кто их слушает? Во-первых, опыт уже закреплён веками, он сложился как традиция, учителя поверили в его истинность. А если авторитаризм в образовании есть истина, то всякая другая педагогика, другие взгляды будут неправдой. Во-вторых, для диктаторского, унитарного и унифицированного государства авторитарная педагогика легко вписывается в его идеологию. В-третьих же, авторитарная педагогика на практике требует куда меньше материальных и духовно-нравственных затрат, чем всякая образовательная вариация на тему классической педагогики.

Партия авторитаризм в образовании утвердила в том, что назвала учителей «верными солдатами партии». Учитель – как солдат, как сержант, как офицер! Наверное, солдаты и генералы армии тоже любят друг друга (хотя это вовсе не обязательно), но любовь эта будет другая, она будет служить войне, а не воспитанию. Военную дисциплину в армии на любви не построишь, нужен приказ и его исполнение, а в случае неподчинения приказу – наказание. Вот и вся философия дисциплины.

А как быть в школе?

Примерно так же: требовать от учеников сознательной дисциплины, то есть, понимания того, что они обязаны, другого выхода у них нет; им дают задание, они должны выполнить. Если не так, то – наказание. Так провоцируются властолюбие, жестокость и издевательства «солдат», которые, приняв класс, воображают себя генералами.

Сегодняшние авторитарные учителя тоже любят детей, но любят их теми же способами, какие были прежде, или же более утончёнными, которые мощнее прежних.

Любит ли государство детей?

Вроде бы, да.

Ведь пригласил президент девочку из глухомани

на новогоднюю ёлку в Кремль? Вот какая любовь.

Но Сталин поступил эффектнее: он взял на руки маленькую девочку с букетом, которую потом назвали Мамлакат, а тысячи бюстов вождя с ребёнком сразу же были установлены во всех парках и дворах школ по всей стране. Это тоже любовь.

Какая разница?

Тогда жизнь миллионов детей репрессированных родителей была искалечена – они были детьми «врагов народа». Теперь нет детей «врагов народа», но два миллиона детей бомжуют по стране. Кто они для народа и для государства?

И так ли надо любить детей?

Исправление ошибки

Я полюбил детей после того, как соприкоснулся с ними. Тогда я ещё не знал причины моей тяги к детям, не мог объяснить, почему так безболезненно расстался с журналистикой и дипломатической жизнью. О том, что это за чувство и на что оно способно, тоже не думал. Это мне предстояло ещё узнать. Но внутреннее моё духовное состояние, весь подтекст того, чем я занимался, к чему стремился, как я сейчас полагаю, была именно любовь.

Думаю, она и потянула меня создать в Грузии первый экспериментальный класс. Это было в 1963 году. Я попросил свою сестру Нателу Александровну оставить работу в Институте педагогики и помочь мне осуществить задуманное. Именно задуманное, ибо чёткого образовательного плана у меня тогда не было. Я знал только: буду строить развивающий процесс, детям должно быть очень интересно и радостно в школе, знал, что откажусь от отметок, собирался изменить систему обучения грамоте, изменить разлиновку тетрадей, включить в расписание игру в шахматы, уроки по этике… Сестра согласилась стать учительницей класса со своим востоковедческим образованием (закончила тот же факультет, что и я). Надо было найти директора, который согласился бы открыть экспериментальный класс и довериться нам. Нашёлся и такой директор Тбилисской школы № 57 – Арчил Корохашвили. Далее надо было набрать детей с согласия родителей. Нашлись желающие и к первому сентябрю мы с сестрой открыли экспериментальный класс. Многие наши новшества родители принимали почти без колебаний, но в связи с упразднением отметок нам пришлось их долго уговаривать.

В работе с классом в течение четырёх лет мы набрали огромный опыт по воспитанию детей в условиях доброты, дружбы, свободы. Мы тогда ничего не знали о понятии духовной общности, но она у нас зародилась и стала основой для увлекательной и многогранной жизни детей.

Многие из подходов, наработок, приёмов, которые и сейчас находят распространение среди учителей, мы создали и проверили тогда. Затем вся эта работа, как зерно, начала развиваться в массовой практике сотен экспериментальных школ. Натела Александровна до сих пор является учителем начальных классов и, судя по тому, с какой любовью и уважением, с каким доверием и дружбой относятся к ней дети, можно заключить: она постигла в себе Мудрость Педагогической Любви.

Но моя любовь к детям в начале 60-х годов не была ещё осознана, это была подсознательная сила, которая рвалась проявляться и совершенствоваться. Мне просто хотелось, чтобы педагогический процесс, – и в семье, и в детском саду, и в начальных, и в старших классах, и повсюду, где бы он ни происходил, – доставлял детям радость, чтобы учителя и воспитатели их понимали, чтобы программы и учебники их не унижали, чтобы детей всюду уважали. Но как это сделать? Конечно, нужно разработать хорошие методы, хорошие учебники, дать детям развитие и т. д. Но что мешает тому, чтобы всё это было сделано, а самое главное – введено в практику? Вот тут моя неосознанная любовь к детям сильно споткнулась.

Тогда я был уверен, что всё образование можно изменить, отреформировать, обновить через так называемое внедрение новых педагогических, дидактических или методических систем, через приказы министерства или постановления правительства. Здесь я допустил ту же самую ошибку, что сейчас допускают специалисты так называемых педагогических технологий: я не отдавал должного свободной творческой воле учителя. Что сделает совершенный инструмент, скажем, скрипка Страдивариуса, в руках несовершенного исполнителя? Только в руках творца, в руках совершенного мастера мы узнаем и оценим не столько совершенство инструмента, сколько всплеск духа, подаренный мастером. Но тогда я думал по-другому: нужно разработать хорошую методику, а учитель обязан применить её в точности и выдать предполагаемый результат. Я упускал из вида личность учителя.

Так я действовал в начале шестидесятых годов прошлого века, когда при поддержке директора Института педагогики имени Я. С. Гогебашвили Григория Георгиевича Попхадзе мы открыли лабораторию экспериментальной дидактики. В неё вошла группа единомышленников-учёных. Они были полны энтузиазма, и каждый из них был мастером педагогической практики. В лаборатории действовало правило: любой научный сотрудник, независимо от учёной степени и звания, должен был быть прекрасным учителем и воспитателем, уметь показывать учителям высшее искусство ведения уроков и общения с детьми. Может быть, такой уровень учёных сыграл в дальнейшем свою роль в том, что лаборатория прославилась на всю страну и в мире. Возглавил лабораторию Барнаб Иосифович Хачапуридзе – тончайший экспериментатор, ученик и соратник выдающегося психолога Д. Н. Узнадзе. Мы разместились в Республиканской экспериментальной школе № 1, директором которой был назначен опытный и творчески мыслящий педагог

Л. Ф. Чикваная.

В начале шестидесятых годов мы развернули экспериментальную работу, следуя образцу нашумевшего тогда эксперимента под руководством Леонида Владимировича Занкова. Вскоре мы познакомились и с экспериментом, ведущимся под руководством Даниила Борисовича Эльконина и Василия Васильевича Давыдова. Оба эти экспериментальные направления опирались на теорию развития Л. С. Выготского. Но наш мудрый руководитель привнёс к нашему осознанию идеи развития и необычный педагогический опыт Д. Н. Узнадзе. Грузинскому экспериментальному педагогическому направлению не было ещё точного названия, но было видно: оно выходило далеко за пределы дидактики и вовлекало в себя общепедагогические проблемы. Наблюдатели называли его то развивающим обучением, то обучением без отметок. Порой отдельные стороны нашего исследования отвлекали внимание от самого главного. Так, например, проблема обучения шестилетних детей, или особая система взращивания в детях письменной речи, или же практика содержательного полного дня. Во всём этом было так много приёмов и форм, разработок и методических комплектов, что они заслоняли общую теоретическую основу.

Из года в год в эксперимент включались всё больше и больше учителей, и уже в конце шестидесятых годов им была охвачена почти половина регионов Грузии – сотни учителей и десятки тысяч детей.

А теперь возвращаюсь к моей ошибке.

Мы разработали для учителей, участников эксперимента, жёсткий план: взяли и пронумеровали все 3230 уроков четырёхлетней начальной школы; определили для каждого урока тему, содержание, методы, даже вопросы, которые учителя должны были задавать детям; была обрисована структура каждого урока и ожидаемый результат.

Учителям оставалось строго следовать плану, проводить уроки по данной схеме. Получалось, что в один и тот же день во всех наших экспериментальных первых-четвёртых классах по всей Грузии учителя проводили один и тот же урок. Они, бедные, привыкшие повиноваться воле начальников, со всей ответственностью исполняли наш план.

Было ли это нашим проявлением любви к детям?

Сотрудники лаборатории были милые люди, любили детей, но делали свою работу, не думая о любви к детям и, тем более, к учителям. Мы их уважали и дружили с ними, но больше заботились о торжестве идеи.

Наш мудрый профессор первым заметил оплошность. Так нельзя, сказал он нам, вы сковываете учителей. Дайте им возможность быть творчески мыслящими, сделайте их не исполнителями вашей воли, а равноправными соратниками, творцами эксперимента.

Мы послушались профессора и быстро изъяли из употребления наши жёсткие планы. Взамен развернули широкую семинарскую деятельность, проведение научно-практических конференций. Года два спустя мы убедились, насколько эксперимент стал мощнее, а результаты превзошли все ожидания. Учителя начали публиковать статьи о своём творчестве, а некоторые увлеклись научными исследованиями.

Трагикомические события

Теория развития Л. С. Выготского содержит большие возможности для построения новых дидактических систем. Так и случилось с экспериментами Занкова и Эльконина-Давыдова. Исходя из одной и той же теории, они создали разновариантные системы развивающего обучения: первая была ориентирована на общее развитие младших школьников, вторая – на умственное развитие, на развитие в детях диалектического типа мышления.

Застойный педагогический мир увидел, что в зависимости от обучающей системы дети могут проявлять разного рода возможности и способности, в силу чего ускоряется их продвижение. В эксперименте Л. В. Занкова дети четырёхлетнюю программу начальных классов заканчивали за три года и из третьего класса прямо переходили в пятый класс. Зародился новый принцип дидактики: вести обучение не от лёгкого к трудному, а от трудного к более трудному. Для традиционной авторитарной школы это было непонятное дело.

Также непонятно было то, что происходило в эксперименте Эльконина-Давыдова: овладевая диалектическим (абстрактным) типом мышления, дети свободно вторгались в сферы старших классов; стало возможным строить программы не по принципу от частного к общему, от конкретного к абстрактному, а наоборот: от общего к частному, от абстрактного к конкретному.

Эти открытия не были встречены аплодисментами в образовательном мире: учёные возмутились, руководители нахмурились, партийные боссы озадачились. С воодушевлением принимали эти системы тысячи учителей, которые на своём опыте познавали способности детей и свои творческие возможности. Общество бурлило. Традиционная волна шестидесятых-семидесятых годов обрушилась на новые ростки в образовании и началась реакция: кого-то из учёных исключили из партии, закрыли лаборатории, разогнали сотрудников. А потом, спустя некоторое время, людей начали восстанавливать «в рядах КПСС», учёных возвращали обратно, системы были признаны и рекомендованы для массовой практики.

Трагикомические события происходили и в связи с нашей лабораторией. В Грузии нас критиковали, постоянно проверяли, обвиняли, что мы идём против Гогебашвили, классика грузинской педагогики, против решений партии, разрушаем основы единой советской школы; писались доносы в партийные органы о том,

что лаборатория насаждает буржуазную педагогику, в газетах устраивались дискуссии с «разоблачением» наших идей. Нас закрывали и выгоняли из экспериментальной школы.

И это длилось годами. Порой мы приходили на работу, не зная, что с нами будет.

Думаю, в это сложное время я и начал осознавать чувство любви к детям. Я начинал понимать, что наука, эксперименты, обновление образования, вся борьба в защиту идей – всё это было не что иное, как защита детей. А силы для борьбы я черпал из двух источников: первый источник – любовь к детям, второй – вера в те идеи, которые помогали мне защитить детей. Я бы сам отказался от своих идей, от всей своей науки, если бы увидел, что они бессильны уберечь детей от посягательств авторитарного насилия. Любовь и Вера – вот что начал я осознавать тогда, когда, отлучённый от детей очередным решением министерства образования, находился в отчаянии. Не знаю, способствует ли отчаяние озарению, но меня оно спасло – передо мной открылись всесильные источники Любви и Веры. И в дальнейшем бывали случаи, когда они возрождали меня прямо из пепла.

Конечно, в Грузии были люди – учёные, учителя, родители наших учеников, которые поддерживали нас. Но этого было мало. Нас начали поддерживать российские учёные.

О нас хорошо писала вся тогдашняя центральная пресса, газеты «Правда», «Известия», «Неделя», «Литературная газета», «Учительская газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Труд» и многие другие. К нам каждый день приезжали группы учителей со всех концов тогдашнего Советского Союза, из-за границы, из Америки, Германии, Чехословакии, Болгарии, Китая, Венгрии… Это была уже другая сила, которая противостояла местной реакции и воодушевляла нас.

Местная реакция…

Разумеется, это не вся Грузия.

Местную реакцию составляла группа людей, в чьих руках была сосредоточена часть власти, или же те, которые в борьбе с нами защищали самих себя, свои отжившие идеи, или те, которые были чем-то обижены и потому мстили, были и такие, которые просто не могли не писать доносы в высшие инстанции.

Знали ли они суть наших поисков? Нет, не знали, и им было неважно знать её.

Защищали ли они от нас что-либо святое? Об этом тоже не думали.

Но что надо было другое делать авторам традиционно действующих программ, учебников, методических курсов?

Что надо было делать учёным, на которых надвигалось новое

педагогическое воззрение?

Что надо было делать министрам, когда они видели, что в их епархии не всё складывается по их приказам?

Что надо было делать людям, которые просто не могли понять, что происходит?

Что надо было делать злым людям?

Это была небольшая группа людей, но они имели часть власти или доступ к власти.

Вот и действовали. Но вовсе не из любви к детям.

Мечта о Детском Государстве

Наконец, дело дошло до ЦК Грузии. Была составлена большая комиссия, которая долго проверяла нашу работу – теорию, практику, результаты, наработки, проверяла уровень знаний детей. Часть членов комиссии всё же хотела найти наши «буржуазные» идеи, прицепилась к применению содержательных оценок, к принципу свободного выбора, к тому, что в нашей практике не было никаких наказаний.

Но всё это утонуло в общей положительной оценке. Вопрос о маленькой лаборатории был вынесен на бюро ЦК. Такого ещё никогда не было.

Итак, решалась судьба: какой путь выбирать в образовании – любить детей по-настоящему или любить их на словах.

Находясь на бюро ЦК, на этом наивысшем уровне власти, я вообразил, что передо мной самые милые люди, которые могут исполнить мою мечту. Вот я и размечтался: на горе Саирме, где стояла Республиканская экспериментальная школа № 1, я вообразил Детское государство, где, наряду с научными учреждениями, находятся детские сады, спортивные комплексы, парки, трудовые мастерские, эстетические центры, детский дом… В центре Государства стоит величественное здание – это ратуша, там заседает объединённый парламент детей и взрослых. В Государстве действует своя Конституция…

Я тогда уже прочитал книгу Януша Корчака «Царь Матиуш Первый». Не раз мечтал вместе с детьми об обустройстве жизни.

Когда я вернулся к реальности, услышал голос первого секретаря Джумбера Патиашвили. Он прервал меня и, смеясь, сказал:

– Давайте создадим такое Детское Государство…

И решили: впервые в Советском Союзе создать так называемое научно-производственное педагогическое объединение. И меня назначили генеральным директором. Решено было также издать на грузинском, абхазском и осетинском языках мои книги: «Здравствуйте, дети!», «Как живете, дети?», «Единство Цели». На абхазском и осетинском языках в скором времени они действительно были изданы, но на грузинском языке я так и не дождался их «рождения».

Воодушевленный таким оборотом дела я приступил к подготовке проектов Детского Государства. Смешанная комиссия учеников и учителей начала готовить проект Конституции. Дети-художники и архитекторы с большим воодушевлением создавали эскизы разных сооружений,

в первую же очередь, здание парламента…

Был тогда конец 80-х годов. Вскоре меня выбрали народным депутатом и членом Верховного Совета СССР, а потом Союз распался. Новому руководству Грузии и президенту З. Гамсахурдиа не нужны были такие образовательные проекты, не нужна была гуманная педагогика. И я подал в отставку.

Сердце живого педагогического процесса

Наше грузинское направление складывалось по-другому. Вначале для нас теоретической базой было синтезированное понимание идей Л. С. Выготского и Д. Н. Узнадзе о развитии. Они прекрасно дополняют друг друга и дают более полную картину о закономерностях развития Ребёнка. Далее, взяв курс на развитие и воспитание личности, мы включили в психологическую основу фундаментальные понятия Д. Н. Узнадзе – установку и объективацию. Они усилили наш личностный подход к Ребёнку и помогли по-новому разработать методические аппараты наших учебников для начальных классов.

В 1915–1916 годах Д. Н. Узнадзе был директором грузинской школы, где осуществил много новых идей, в корне отличающихся от действительной практики: он упразднил отметки и ввёл самооценочные суждения, установил ученическое самоуправление, между учителем и учениками установил взаимоотношения сотрудничества, уважение личности ученика стало законом в школе… По результатам учебного года Д. Н. Узнадзе написал «Отчёт», что практически является концепцией образовательной системы, построенной на началах гуманности, добра и любви.

Мы пытались вовлекать идеи Д. Н. Узнадзе в эксперимент, усиливая тем самым наше педагогическое направление. В целом мы охватили широкий круг проблем: сотруднические взаимоотношения учителя с учениками, педагогическое общение, уважающее и утверждающее личность Ребёнка, отказ от всяких формальных знаков (отметок) в оценке успешности учеников, введение содержательных оценок и воспитание оценочной деятельности как качества личности Ребёнка; мы впервые в огромной стране начали приём детей с шестилетнего возраста и создали систему их воспитания и развития; мы радикально изменили систему развития речи, заложив в основу письменную речь как светильник души; утвердили принцип свободного выбора в образовательном процессе, построили новые учебники по всем образовательным курсам, заложив в них условия творческого сотрудничества и творческого развития детей; открыли огромное количество новых приёмов и методов, утверждающих радость познания, организовали воспитательный и развивающий процесс в условиях полного дня, основанного на разнообразных видах деятельности детей…

Несмотря на масштабность идей, эксперимент назывался развивающим обучением, а в прессе его именовали то

«грузинским», то «тбилисским», то «безотметочным» и т. п. обучением.

Результаты эксперимента были превосходными: дети быстро продвигались в познании, для нас исчезли понятия «трудные», «слабые», «необучаемые», «невоспитуемые» и т. д. дети.

И однажды наш профессор сказал нам: «Развитие есть только одна грань становления личности школьника. Вы в этом достаточно убедились, хотя Ребёнок неисчерпаем в своих возможностях. Но должен быть и другой психологический аспект, который в состоянии задеть более глубинные силы Ребёнка и зародить новые качества его личности. Ищите этот фактор».

Мы посвятили этому поиску четыре года и в начале семидесятых пришли к выводу, что таким психологическим фактором должен быть мотив. Личность, её деятельность не мыслится без мотивов. Сохранив идею развития, мы расширили свой подход с точки зрения развития и воспитания мотивов. Были вынуждены заново разработать всю систему содержательно и методически, закладывая в ней, наряду с развитием, воспитание мотивов деятельности.

Через пару лет мы увидели, что, во-первых, дети действительно сильно изменились, во-вторых, убедились, что творим не дидактику нового образца, а другую педагогику в целом – мы охватывали и обучение, и развитие, и воспитание. Убедились также, что если обучение должно опережать развитие и вести его за собой (Л. С. Выготский), то воспитание должно опережать и обучение, и развитие, и вести их за собой (этому учат классики педагогики). Мы начали искать двигатель целостного педагогического процесса и пришли к выводу, что таковым является общение. Общение есть сердце живого педагогического процесса, оно придаёт качество этому процессу. Общение авторитарное делает весь процесс с его содержанием тоже авторитарным, общение гуманное одухотворяет всё в педагогическом процессе. Всё, чем мы пользуемся, – программы, учебники, средства, методы, приёмы, формы и т. п., какими совершенными и новыми их ни назови, именно в общении приобретают качество и смысл. А творцом общения является учитель.

Так перед нами возникла исключительная, наиважнейшая значимость Личности Учителя.

Грустное лицо Сухомлинского

В мою жизнь Василий Александрович Сухомлинский вошёл как радость, которую долго ждёшь, но приходит она неожиданно. Я ждал радости, но ещё не знал, что это могло быть.

Впервые я увидел его на общем собрании Академии педагогических наук в Москве. Было это, если я не ошибаюсь, в 1959 году. Мой научный руководитель, который был членом этой академии, пальцем показал мне в зале на человека, сидевшего в последнем ряду, и сказал: «Вот он, Сухомлинский, сельский учитель». Имя директора сельской Павлышской средней школы из Украины было тогда у всех на устах: кто восторгался им, кто ругал, кто клеветал, кто ехидничал. В это время я ещё мало знал, кто есть кто в педагогике. Сухомлинского ещё не читал, и ожидания особой радости во мне ещё не было.

Спасибо моему руководителю, что он пальцем указал мне на Сухомлинского и дал возможность взглянуть на него. Лицо его меня притянуло, и во время заседания я всё оборачивался, чтобы ещё и ещё раз запечатлеть его в себе. И до сих пор корю себя, почему я не подошёл к нему, не заглянул в его грустные глаза, не сказал – «Здравствуйте!». Может быть, он протянул бы мне руку и пожал её. Какую силу духа я почерпнул бы из этого рукопожатия на всю жизнь!

Я смотрел на него со стороны и думал о том, как и чем он мог ошарашить советский педагогический Олимп. Председательствовал на собрании президент АПН В. М. Хвостов, который только что грубо прервал выступление академика Л. В. Занкова. Он сообщал собранию о первых действительно удивительных результатах год или два тому назад начавшегося эксперимента. Видите ли, президент не поверил учёному в подлинности фактов. Это тот президент, который вскоре поверил клеветникам, написавшим о Сухомлинском следующее заключение: «Концепция, которую В. А. Сухомлинский проповедует в ряде органов нашей печати, получила весьма широкое распространение в массах учительства и в настоящее время представляет реальную угрозу как сила, поворачивающая педагогическое мышление в сторону буржуазной теории свободного воспитания». Это означало: «Убрать надо Сухомлинского!» И чтобы это свершилось, президент АПН направит донос в ЦК с предложением: «Рекламирование концепции В. А. Сухомлинского в нашей печати представляется политически и педагогически нецелесообразным и даже вредным». Об этих тайных «документах» мир узнал спустя 40–

50 лет.

О чём мог думать тогда он – Василий Александрович Сухомлинский, наблюдая, как президент грубит Л. В. Занкову, выражая недоверие к его экспериментальным поискам, открывающим новые возможности детей? Может быть, о том, о чём потом напишет в письме своему другу-единомышленнику Э. Г. Костяшкину: «Мне кажется, что многие мужи педагогики, которые управляют нашим кораблём, а сами не любят ни школы, ни детей: больше того, кое-кто из них глубоко ненавидит педагогику. Никакой педагогической мысли в рубке этого корабля нет».

Что я ещё мог бы вычитать на его грустном лице?

Наверное, то, о чём он будет писать опять-таки тому же своему другу: «В 1939 году женился. Когда я шёл на фронт, дома осталась жена Вера Павловна… Она не могла выехать, так как была беременной. Осталась у своих родителей. Во время оккупации её арестовало гестапо за распространение советских листовок, сброшенных с самолёта, за перепрятывание советских бойцов, бежавших из плена, за сохранение и передачу им оружия. Фашисты жестоко пытали её, выкололи глаза, после этого мучили ещё несколько дней, и потом повесили. Когда жена была в гестаповском застенке, к её родителям-старикам приехали два гестаповца и забрали больного десятимесячного ребёнка – якобы для того, чтобы мать его накормила. Они принесли ребёнка в камеру и сказали: если не скажешь, кто руководит вашей организацией, убьём сына. И убили на глазах у матери, а потом выкололи глаза и мучили. Обо всём этом я узнал после освобождения района. Я сам был при допросе нашими товарищами предателя-полицейского, который рассказал, как выколол ей „только“ один глаз, а второй, мол, выколол не я, сжальтесь… Трудно передать словами горе, которое мне пришлось пережить… Я знаю, что и сейчас жив офицер, выколовший глаз жене и истязавший её…»

Сердце сидящего в зале человека с грустным лицом уже объявляло всему миру, что настала пора другой педагогики.

Конечно, не эта первая встреча была той радостью, которую я ждал. Она придёт ко мне попозже, чтобы придать мне веру и прояснить смысл любви к детям. А потом придёт ещё, чтобы закрепить во мне путь.

«Как любить детей»

Этой радостью для меня была статья Василия Александровича Сухомлинского, опубликованная в журнале «Радянська школа» в 1967 году. Статья называлась: «Как любить детей». Я читал и перечитывал её с восторгом, с удивлением. Надо же, так просто, страстно, ясно, мудро и смело говорить о том, что является всеначальной энергией образования и что так упорно выкидывает наука за борт своего корабля!

Во мне прояснилось многое, если не всё.

Меня охватило состояние, когда восклицают: «То же самое хотел сказать, но слов не находил».

Я переписал всю статью, как песню, из которой нельзя слова выкинуть. Я делал выписки, конспектировал. Я впитал весь её смысл в себя до той степени, что она стала моей, отражением моего духа.

Сейчас я пользуюсь тогдашними выписками и конспектами и заново переживаю состояние более чем сорокалетней давности.

Идеи, изложенные в статье, были как вулканические извержения, и их мог родить в себе только человек с судьбою Василия Александровича.

Статью он начинал так: в учительской среде можно услышать дискуссию – обязательно ли, чтобы каждый педагог любил детей? «А если я их не люблю? – щеголял своей оригинальностью один учитель. – Если от их галдёжа у меня головная боль? Если я только и знаю светлые минуты, когда не слышу их и не вижу? Что же, прикажете оставить школу и переквалифицироваться?» Такому учителю Василий Александрович отвечает резко: «Да, надо оставить школу и приобрести другую специальность. Или же воспитать в себе любовь к Ребёнку – третьего не дано». Это потому что «Любовь к Ребёнку в нашей специальности – это плоть и кровь воспитателя как силы, способной влиять на духовный мир другого человека. Педагог без любви к Ребёнку – всё равно, что певец без голоса, музыкант без слуха, живописец без чувства цвета».

Далее последует серия цитат, которые не нуждаются в комментариях.

«*Нельзя познавать Ребёнка, не любя его*».

«Речь идёт о мудрой человеческой любви, одухотворённой глубоким знанием человеческого, пониманием всех слабых и сильных сторон личности, – о любви, предостерегающей от безрассудных поступков и вдохновляющей на поступки честные, благородные.

Любовь, которая учит жить, – такая любовь нелегка, она требует напряжения всех сил души, постоянной отдачи их».

«Мудрая любовь к детям – вершина нашей педагогической культуры, мысли и чувств. Сердечность, теплота, доброжелательность в отношении к Ребёнку, – то, что можно назвать общим словом – доброта, является результатом большой, длительной работы педагога над самовоспитанием чувств».

«Мудрая человеческая любовь к Ребёнку и детству – чувство, одухотворённое глубоким раздумьем, богатством мысли. Духовная пустота никогда не пробуждала и не питала подлинной любви».

«То, что мы вкладываем в понятие любовь учителя к детям, любовь детей к учителю, начинается… с удивления, с благоговения одного перед духовными богатствами другого и прежде всего перед богатством мысли».

«Любовь учителя к детям рождается в горении, в борьбе за человека, нередко – в муках».

Меня поражают сердечные откровения Василия Александровича. Посмотрите, как он пишет:

«Если бы я не познавал многогранности человеческого в Ребёнке, если бы каждый день не открывал перед собой чего-то нового в каждом Ребёнке, все дети казались бы мне похожими друг на друга – я не видел бы Ребёнка. А тот, кто не видит Ребёнка, не может и полюбить его».

«Я не могу себе представить, чтобы Ребёнок когда-нибудь надоел мне, чтобы я перестал любить его».

«В самих детях, в их оптимистическом мировосприятии – источник моей любви к ним. Мне хочется быть с детьми. Особенно сильным становится это желание тогда, когда по каким-то своим внутренним причинам я чувствую упадок духовных сил. Знаешь, что общение с детьми вдохновит бодрость, пополнит духовные силы, и потому в такие минуты больше, чем когда-либо, стремишься быть с детьми».

Василий Александрович не «из пальца высасывает» эти истины. Он описывает свою действительную педагогическую жизнь, описывает судьбы отдельных детей, которых преобразила и спасла его любовь.

«Было бы наивно, – говорит он, – представлять себе дело так, что все дети, которые приходят в школу, – красивые розы; и учителю не остаётся ничего, лишь только любоваться ими. Есть розы, есть и чертополох.

Сколько приносят с собой дети уродливого, сколько бывает такого, когда сердце детское – как гнойник, как язва, корни которой уходят в глубину тех дней, когда перед Ребёнком только

открывалось оконце в мир.

Бывает, смотрят на тебя не чистые, честные, откровенные, а наглые, лицемерные глаза».

«Разве можно всё это любить?» – ставит он вопрос и даёт такой ответ: «Я люблю Ребёнка не таким, какой он есть, а таким, какой он должен быть. И когда удаётся очистить сердце детское от гнойника и язв, когда в глазах Ребёнка сияет одухотворённость красотой, а не блуждает лицемерная усмешка, я люблю этого настоящего человека, ибо в нём – частица моей души».

Откуда такое глубокое чувство и понимание Любви?

Василий Александрович дал мне и всему учительству, всем педагогам, всем воспитателям ответ на вечный вопрос, от которого мы увиливали. Это так же, как дал человечеству ответ на вечный вопрос Иисус Христос.

Спросите у Иисуса Христа, для кого он пришёл на Землю?

И мы услышим: «Я пришёл призвать не праведников, но грешников».

Спросите: «Кто имеет нужду во враче?»

Он скажет нам: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные».

И что сделает пастух, если было бы у него сто овец, а одна из них заблудилась?

Иисус ответит: «Не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдёт ли искать заблудившуюся? И если случится найти её, то, истинно говорю вам, он радуется о ней больше, нежели о девяносто девяти не заблудившихся».

Только наивный спросит у Иисуса Христа: «Это как, Господи, всех, что ли, надо любить?»

Ибо мы имеем от Него вечную заповедь: «Возлюби ближнего своего как себя самого».

А теперь спросим у Василия Александровича: кому мы – учителя, воспитатели, педагоги – нужны, тем, кто уже воспитан и обучен, или тем, кто в этом нуждается?

Спросим ещё: всех детей, что ли, нам любить, или тех только, кто сам уже любит нас?

Спросим по-другому: неужели любить нужно того, в чье сердце поселилось зло, и того, в чьих глазах цинизм, и того, бессердечного и жестокого, бездушного и безнравственного? Любить этот «чертополох», этих духовных уродов?

Мы уже получили ответы на эти вопросы. «Да-да-да, – воскликнет Василий Александрович ещё раз, – всех, всех, всех детей нужно любить». И расскажет о том, как, любя «уродов», вылечивал их.

Вот о каком открытии читаю я в программной статье Василия

Александровича: *«Искусство нашей профессии состоит в том, чтобы, ненавидя зло, не переносить ненависть на того, в чьей душе живёт оно».*

А дальше расшифровывает эту идею: *«На мой взгляд, подавляющее большинство конфликтов между учителем и „неисправными“, „безнадёжными“ школьниками как раз и возникает там, где ненависть ко злу учитель переносит и на Ребёнка. Однако Ребёнок есть Ребёнок, а в том, что зло укоренилось в его сердце, виноваты взрослые».*

И как же бороться со злом в душе Ребёнка?

Клин клином, что ли, вышибать?

Нет, избавить Ребёнка от зла злом нельзя.

«Обращаясь к Станиславу К., я старался забыть, – и мне удалось это величайшим напряжением духовных сил, – что в его душе царит зло. И как только мне удалось забыть об этом, мальчик впервые в жизни почувствовал, что в эту минуту обращается человек к человеку».

«Я обращаюсь не к голосу зла, – скажет он далее, – а к голосу красоты человеческой, которая в Ребёнке обязательно есть, которую не заглушить ничем».

Василий Александрович предлагает ещё одну закономерность и предупреждает:

«Если вы забыли о ней, то ни вы не будете любить детей, ни дети не будут любить вас».

А закономерность такая: *«Если всё время, на протяжении которого учитель находится вместе со своими воспитанниками, считать единым целым, то две трети его должны быть непринуждённым, товарищеским, дружеским общением, в котором дети забывают, что они – воспитанники, а учитель – их воспитатель».*

Василий Александрович вводит новое понятие, рождённое в недрах понятия Любви – защитное воспитание.

«Любить Ребёнка – значит защищать его от зла, которое ещё окружает многих детей в жизни (мы имеем в виду, прежде всего, семью). Ежегодно, когда школьный порог переступают первоклассники, с тревогой смотришь в глаза детям, которые несут в своём сердце открытую рану. Я хорошо знаю этих детей, знаю их родителей, знаю боли и тревоги детской души, знаю, что отдельных детей надо уже не воспитывать, а перевоспитывать. Эти дети у меня на особом учёте, их воспитание я называю „защитным воспитанием“…» Детей надо защищать от одиночества и чувства ненужности, от обмана, нечестности, эгоизма, неуважения к людям, от телесных наказаний и насилия, от заласканности.

«Защитное воспитание – это глубоко индивидуальное творчество педагога. Тут надо так прикоснуться к болезненному, искалеченному сердцу Ребёнка, чтобы воспитание не обернулось для него страданием. От духовного одиночества самой лучшей защитой является пробуждение чувства любви, симпатии к человеку-учителю…»

Защитное воспитание есть проявление утончённого понимания чувства любви. Понятие это открывает целое научное направление в педагогике, если считать, что педагогика есть наука; или же высшие сферы искусства, если считать, что педагогика есть искусство. Лучше сказать – и в той, и в другой сферах.

Нежданная радость

Этой радости я действительно не ждал.

Это была радость, которая осталась во мне на всю жизнь, радость, которую я переживаю всё глубже и глубже, радость, которая рождает во мне лучшие мысли, да ещё грусть о памяти Василия Александровича.

Я долго мечтал побывать в Павлышской средней школе при жизни Сухомлинского. В 1969 году даже набрал группу учителей, даже взяли билеты на самолёт, и я предвкушал радость встречи с ним. Но… Такое тогда могло быть: накануне вылета тот, кто от Педагогического общества разрешил нам ехать к Сухомлинскому и профинансировал поездку, именно тот главный сказал нам: «Вы туда не поедете, ничему у сельского учителя не научитесь…» И велел сдать обратно билеты. Вот так! Двенадцати учителям Грузии, в том числе и мне, не посчастливилось пожать руку великому педагогу.

Но спустя пару месяцев нежданная радость всё-таки посетила меня.

В 1969 году в газете «Комсомольская правда» была опубликована моя статья об опыте обучения без отметок, в которой я сослался на мысли Василия Александровича. Прошло совсем немного времени, и в Институте на моё имя пришла бандероль. Внутри была только что изданная в Киеве книга «Сердце отдаю детям» с дарственной.

Свою мечту – быть в Павлышской школе – я исполнил только через 40 лет – в марте 2009 года. Я там почувствовал, как бьётся сердце Василия Александровича; вся школа с её милыми учителями и воспитателями пропитана Любовью, которой так щедро делился Василий Александрович и воспитывал в учениках и своих коллегах. Я не видел там ничего, что было бы сотворено, сделано, построено без Любви. Я увидел очень многое. В школе дышалось ароматом Любви, Добра, Искренности, Преданности. Я стоял перед маленьким крыльцом старинного школьного здания и воображал, как рано утром он стоит у крыльца и принимает каждого Ребёнка, принимает своих коллег, каждому улыбается, каждому дарит своё слово. А когда я оказался в его малюсеньком кабинете, вот тогда я ещё раз пережил свою радость, у которой нет конца.

Я вообразил: вот сидит он рано утром (может быть, поздно вечером) у своего рабочего стола, за которым он писал свои педагогические шедевры, слева от него лежит газета «Комсомольская правда», в которой он только что дочитал мою

статью; из пачки достаёт экземпляр книги «Сердце отдаю детям» (пачки привезли, может быть, сегодня, может быть, вчера), вскрывает её и своим неповторимым прямым бисерным почерком пишет на внутренней обложке:

«Уважаемому товарищу Ш. Амонашвили в знак большого уважения.

В. Сухомлинский

Павлыш, сентябрь, 1969 г.»

Но этим не довольствуется. Берёт лист бумаги и пишет: *«Уважаемый товарищ Амонашвили! Сердечное спасибо Вам за то, что в своей статье, опубликованной в „Комсомольской правде“, Вы сказали доброе слово о моих трудах. Высылаю Вам книгу, в которой раскрываются идеи, одобряемые Вами. Как хотелось бы мне, чтобы эта книга была прочитана моими грузинскими друзьями.*

С глубоким уважением – В. Сухомлинский

Сердечный привет коллегам – всем Вашим товарищам.

11.09.69»

Перечитывает письмо. Достаёт бумагу для шпалер, отрезает часть и аккуратно заворачивает в неё книгу. Склеивает. А сверху своей же рукой пишет:

«Заказная бандероль

г. Тбилиси

Грузинский научно-исследовательский

институт педагогических наук

им. Я. Гогебашвили

Старшему научному сотруднику

Ш. Амонашвили

–

УССР, Кировоградская область

Павлышская средняя школа

Сухомлинский В. А.»

Далее я воображаю, как входит к нему помощник, и он просит его отправить бандероль немедленно.

И эта радость спешит ко мне.

Я получаю книгу от Василия Александровича как Высшую Педагогическую Награду.

Приходят ко мне коллеги, учителя.

– Это правда, что сам Сухомлинский прислал тебе книгу?

– Правда… правда… – показываю книгу, письмо.

Просят дать почитать. Читайте, читайте! Сам читаю

и перечитываю. Книга быстро потрепалась, но вижу – она тоже радуется вместе со мной.

В предисловии Василий Александрович пишет:

«Что самое главное было в моей жизни?

Без раздумий отвечаю: любовь к детям».

А теперь спросите меня тоже, что было самым главным в моей жизни, отвечу то же самое.

И вот что ещё пишет он в предисловии, какой устанавливает закон нам всем: *«Имея доступ в сказочный дворец, имя которому – Детство, я всегда считал необходимым стать в какой-то мере Ребёнком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас, как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, как на сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри этого мира».*

Академик Григорий Давидович Глейзер, составитель тома Сухомлинского в серии «Антологии гуманной педагогики» предполагает, что творчество Василия Александровича Сухомлинского имеет глубокие христианские корни. Воспользуюсь его догадками:

«Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?

Иисус сказал ему: „Возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим“. Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: „Возлюби ближнего своего, как самого себя“; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

А теперь спросим у Учителя земного, Василия Александровича Сухомлинского: «Учитель, какая наибольшая заповедь мира образования?»

Он нам скажет:

«Возлюби Ребёнка. Возлюби его сильнее, чем самого себя. Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя. Всего себя отдавай детям. И только тогда ты сможешь именоваться Учителем». Вот такая любовь к детям.

Я любил детей, но научился их любить от Василия Александровича Сухомлинского.

Жизнь как Любовь. И смерть как Любовь.

О Корчаке я был наслышан ещё в 60-х годах, но, к стыду своему, его произведений не читал. К нему меня направил Василий Александрович. В книге, которую он мне прислал, я вычитал следующее:

«Януш Корчак, человек необыкновенной нравственной красоты… Когда я вскоре после войны узнал о героическом подвиге Януша Корчака, его слова стали для меня заветом на всю жизнь.

Януш Корчак был воспитателем сиротского дома в варшавском гетто. Гитлеровцы обрекли несчастных детей на гибель в печах Треблинки. Когда Янушу Корчаку предложили выбрать жизнь без детей или смерть с детьми, он без колебаний и сомнений выбрал смерть. „Господин Гольдшмит, – сказал ему гестаповец, – мы знаем вас как хорошего врача, вам не обязательно идти в Треблинку". – „Я не торгую совестью", – ответил Януш Корчак. Герой пошёл на смерть вместе с ребятами, успокаивал их, заботясь, чтобы в сердца малышей не проник ужас ожидания смерти. Жизнь Януша Корчака, его подвиг изумительной нравственной силы и чистоты явились для меня вдохновением. Я понял: чтобы стать настоящим воспитателем детей, надо отдать им своё сердце».

Я сразу собрал все (что было возможно) издания книг Корчака и о Корчаке. Из Польши привезли мне фотоальбом о Корчаке и его Доме сирот, несколько книг на польском языке. Всего этого было мало, но тем не менее помогло мне углубиться в понимание Любви к детям. Я с чувством восхищения, иногда со слезами на глазах читал истории о Корчаке и его чудные книги о детях и для детей. Каждое слово Педагога, в котором жил ещё не свершившийся подвиг, я принимал с трепетом как адресованное лично мне. Каждое слово было пропитано духом героя и воодушевляло меня. Я спешил к детям – к маленьким, старшим, общался с ними, проводил уроки и постоянно упражнялся в проявлении любви к ним по Корчаку, по Сухомлинскому. Я тогда многое приобрёл, многому научился. Как студент, конспектировал наставления Корчака и старался по ним жить. Хотя моя природа и моё сознание принимали от него всё безоговорочно, тем не менее, я понял, как трудно ходить по узким тропинкам к сердцу Ребёнка. А узкая тропинка – это Педагогическая, Учительская Любовь. Вот какие законы «расставил» на ней Януш Корчак для неопытного молодого воспитателя:

– Будь самим собой, ищи собственный путь.

– Познай себя прежде, чем захочешь познать детей.

– Прежде, чем наметить круг прав и обязанностей, отдай себе отчёт в том, на что ты способен.

– Ты сам тот Ребёнок, которого должен раньше, чем других, воспитать, научить.

Тут следуют мудрые пояснения. Одна из грубейших ошибок, говорит Корчак, считать, что педагогика является наукой о Ребёнке, а не о человеке. И вот какой изумительной логикой он это доказывает: *«Вспыльчивый Ребёнок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного Ребёнка выманили*

игрушку; у взрослого – подпись на векселе. Легкомысленный Ребёнок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты всё своё состояние».

Из этого следует вывод, о котором мир до сих пор не знал, и он должен изменить наше сознание, наше отношение к детям и к самому себе:

«Детей нет – есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными впечатлениями, иной игрой чувств». Корчак наставляет: «Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требования».

Следует пояснение: «Тебе не заставить живого, задорного Ребёнка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не сделается общительным и откровенным; самолюбивый и совестливый не станет кротким и покорным… Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми лёгкими, то напрасно будешь призывать галдящих к порядку».

Опять наставляет:

– Но у тебя добрая улыбка и тёплый взгляд. Не говори ничего: может быть, они сами успокоятся. Дети ищут свой путь.

– Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове.

И поясняет: «У тебя есть чудесный союзник – волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу – дряхлый опыт». Вот еще наставление:

– Не то, что должно быть, а то, что может быть.

И пояснение: «Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам – обязанный добросовестно выполнять предписанную работу – должен втискивать их в душевные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде».

– Не наказывать, не награждать.

– Ты должен быть для них образцом.

Но вот вопрос: «А куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся; ведь чем старательней ты будешь, тем старательней дети станут притворяться, что не видят, не знают, и потешатся над тобой, только самым тихим шёпотом».

Эти наставления я впитал в себя как школьник, устремлённый к познанию; как монах, устремлённый к совершенствованию; как артист, устремлённый к выражению. Я понял: очень трудно любить детей по Корчаку, по Сухомлинскому, по Песталоцци.

«Трудно тебе, даже очень трудно, согласен! – говорил „мне“ Корчак, – Но трудности есть у каждого, а вот решать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь не задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способ решения самое большее два».

Я искал свои ответы – как любить детей – не только в непосредственном общении с детьми, но и в построении учебников и задачников для всех, в утверждении смысла духовности в содержание образования, в возвеличивании воспитания над обучением, в обогащении жизни детей через содержательную организацию полного школьного дня, с занятиями по шахматам, театру, балету, по творческому труду, играм и прогулкам… В общем, протаптывал тропинку Педагогической Любви всеми теми способами, которые могли доставить детям радость, развитие в многогранной деятельности, а самое главное, чувство того, что они в школе живут жизнью, которая манит их.

Корчак помог мне понять ещё одну мудрость, связанную с вопросом: что есть гармоничное развитие. Сколько только ни философствовали по этому поводу педагоги, считавшие себя учёными-законодателями – левое полушарие, правое полушарие… физическое, умственное, нравственное, эстетическое… высвободить всю полноту скрытых возможностей…

А Корчак иронически улыбается: «Наивный, попробуй! Общество дало тебе маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждёт. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь – догматической веры, работодатель – честности, а все они – посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрёт, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу – кто? Да никто – жизнь!» А как же с гармоническим развитием, гармоническим воспитанием?

Корчак даёт простой совет, но от Высшего Педагогического разума: «Заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!»

Эта мысль освободила меня от лишнего научного мудрствования. Действительно: гармония – в любви ближнего. Если кто хочет быть гармоничной сущностью, пусть научится любить; если кто хочет воспитывать гармонию в детях, пусть научит их любить. Любовь проявляется многообразно. Что есть уважение? Одно из прекрасных форм проявление любви, конечно, если оно искреннее.

Уважение есть проявление любви. Уважать Ребёнка – значит растить в себе Педагогическую Любовь. Так я понял защиту Корчаком прав Ребёнка на уважение. Я выписал наказы по этому поводу:

Уважайте незнание Ребёнка!

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слёзы!

Уважайте собственность Ребёнка и его бюджет!

Уважайте право Ребёнка быть тем, кто он есть!

Уважайте тайны и отклонения тяжёлой работы роста!

Уважайте его текущий час и сегодняшний день!

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрёт она и никогда не вернётся!

Уважайте ясные глаза, гладкую кожу, юное усилие и доверчивость!

Уважайте, если не почитайте, ясное, непорочное святое детство!

А если всё это уважать, какая сложится педагогика?

Казарменная?

Нет, совсем нет! Она будет другая – корчаковская, сухомлинская, песталоцциевская и, вообще, классическая.

От имени всех классиков Януш Корчак скажет нам: «Воспитатель, который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а развивает, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, – переживёт вместе с ребёнком много вдохновляющих минут, не раз следуя увлажнённым взором за борьбой ангела с сатаною, где светлый ангел побеждает».

Величие Ребёнка Януш Корчак раскрывает, сравнивая его со взрослым. Он пишет: «А взрослый – это сплошной винегрет, захолустье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала до конца, безответственна! Беспечность, лень, тупое упрямство, недомыслие, нелепости, безумства и пьяные выходки взрослых…»

«И детская серьёзность, рассудительность и уравновешенность, солидные обязательства, опыт в своей области, капитал верных суждений и оценок, полная такта умеренность требований, тонкость чувств, безошибочное чувство справедливости».

Я полон Янушем Корчаком.

Это он впервые в мире написал книгу и назвал её так: «Как любить Ребёнка». Любить Ребёнка по-всякому нельзя. Если Любовь не воспитывает, она не для Ребёнка. Если в Любви нет преданности и скрытой готовности к самопожертвованию, она

тоже не для детей.

А теперь свершается последний аккорд Педагогики Корчака: жизнь его была Любовью к детям, и смерть тоже будет проявлением Любви к ним.

Я сопровождаю его и детей в своём траурно-торжественном воображении, как они направляются по варшавским улицам на вокзал.

Оттуда в товарных вагонах их отправят в Треблинку на сожжение, уничтожение в газовых камерах.

День 5 августа 1942 года.

В колонне двести детей. Дети одеты празднично. Они ещё не знают, что их ждёт. Они улыбаются.

Впереди идёт Януш Корчак с двумя детьми – самыми маленькими.

Над колонной развивается зелёное знамя с четырёхлепестковым золотым цветком клевера. Клевер – цветок счастья, надежды, любви.

Очевидец говорит: «Корчак объяснил сиротам, что их ждёт приятное событие – поездка в деревню. Наконец-то они могут покинуть стены отвратительных душных комнат, чтобы отправиться на луга, поросшие цветами, к источникам, где можно купаться, в село, где много ягод и грибов. Он велел детям получше одеться… Когда я встретил их на Гусиной улице, дети шли весело, с песней, Корчак нёс на руках двоих – самых маленьких, они тоже сияли, а Корчак рассказывал им что-то смешное…»

Воображаю это шествие, которому суждено свершить переворот педагогического сознания: искрой Великой Педагогической Любви сжечь старое сознание, в котором так много недоверия и неуважения к детям, так много насилия и принуждения, и дать возгореться костру, несущему Свет Возвышенного, Классического, Божественного Педагогического Сердца и Разума.

Товарный вагон загружают детьми.

Вот и комендант-гестаповец, ответственный за загрузку и отправление эшелона. Разыскивает ли он в толпе обречённых людей врача Корчака? Наверное, думает, что несёт ему радостную весть.

Дети уже погружены в вагон. Корчак поднимается последним.

В это время подходит комендант-гестаповец.

– Не вы ли написали «Банкротство маленького Джека»? – обращается он к Корчаку.

– А разве это как-то связано с отправкой эшелона? – отвечает Корчак.

– Нет, просто я читал вашу книгу в детстве. Хорошая книжка. Вы можете остаться, доктор!

– А дети? – спрашивает Корчак.

– Невозможно, детей отправят…

Остаться без детей?

Бросить их одних в беде?

Зачем же тогда он родился?

Зачем же тогда, будучи 29-летним, отказался от личной жизни, от семьи, чтобы создать большую семью с детьми беспризорными, брошенными?

Зачем же тогда он, фронтовой врач русской армии, в лазарете написал книгу «Как любить Ребёнка?»

А что скажет царь Матиуш Первый о своём родителе?

Нет, такому не бывать.

Жизнь его была Любовью к детям, и он примет смерть вместе с детьми, Любя их.

– Вы ошибаетесь… – говорит он гестаповцу. – Вы ошибаетесь… Дети прежде всего…

И он поднимается в товарный вагон.

Двери вагона с шумом закрываются.

Эшелон трогается и ускоряет ход.

А ветер рассеивает по всему миру завещание Педагога, чтобы, у кого есть уши, услышали: «Растёт новое поколение, вздымается новая волна. Идут и с недостатками, и с достоинствами; дайте условия, чтобы дети вырастали более хорошими! Нам не выиграть тяжбы с гробом нездоровой наследственности, ведь не скажем мы васильками, чтобы стали хлебами. Мы не волшебники – и не хотим быть шарлатанами. Отрекаемся от лицемерной тоски по совершенным детям. Требуем: устраните голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение! Это вы плодите больных и калек, вы создаёте условия для бунта и инфекции: ваше легкомыслие и отсутствие согласия.

Внимание: современную жизнь формирует грубый хищник (хомо рапакс): это он диктует методы действия».

Укрепление веры

В начале семидесятых годов мы приступили к новому этапу нашего масштабного эксперимента – с участием многих учителей из разных регионов Грузии. Новое заключалось в том, что мы направляли весь педагогический процесс на воспитание личности каждого школьника через зарождение и развитие в нём мотивов нравственности и познания. У нас было своё определение подхода к личности: Ребёнок раскрывает свою личность в той мере, в какой мы направляем его к осознанию своей неповторимости, необходимости и своего предназначения в том едином целом, в котором он существует: это жизнь.

Личностью является не тот человек, кто ничего не делает и не хочет сделать со своим неотёсанным характером и скудным духовным миром, а тот, кто творит в себе характер как подарок людям, осознаёт свою исключительность среди людей, творит свой духовный мир.

Януш Корчак и Василий Александрович Сухомлинский, а также наш опыт помогли нам дать содержательную характеристику педагогическому общению. Мы пришли к выводу, что общение педагога, учителя с детьми, учениками должно быть: естественным («каждый предстаёт такой, какой он есть»), непринуждённым, дружелюбным, поощряющим творчество и мысль («чтобы парили высокие мысли»), равноправным («как человек с человеком»), доброжелательным, «благоговеющим перед духовным богатством – мыслями», взаимопонимающим, сорадующимся, сострадающим, сопереживающим, чутким, деловым, умеющим сотрудничать, возвышающим, уважающим, утверждающим, устремляющим, ценящим, вдохновляющим, одухотворяющим…

В педагогическом общении не допускаются:

грубость,
оскорбление,
повышение тона над другим,
раздражение,
пустословие,
верховенство,
угроза,
ложь,
фальшь,
корысть,
насмешка,
издевательство…

Мы тогда уже пользовались понятиями: духовность, любовь, вера, радость, но их не афишировали. Официальная педагогика их не признавала (и не признаёт) в качестве своих категорий. Даже слово *радость* является чуждым для педагогической науки. Но при разработке нового поколения программ и учебников, а также педагогических процессов, мы эти понятия принимали за основу, как часть нашего педагогического мировоззрения. Это так же, как говорил Песталоцци: «Мысля любить и любя мыслить». Из этого мы сделали вариации: «Воспитывая любить и любя воспитывать», «Уча любить и любя учить».

В основу наших новых разработок заложили также принцип свободного выбора. Говорили о гуманности, о гуманном подходе. Особым качеством второго этапа эксперимента стала для нас личность учителя и воспитателя. Мы уже твёрдо знали, что учитель реформирует школу, но он может и деформировать её. Участникам эксперимента мы объясняли, какую они играют решающую роль в том, чтобы педагогический процесс был вдохновляющим, возвышающим. Тогда мы и сформулировали систему педагогических аксиом:

Любовь воспитывается любовью,
Доброта воспитывается добротой,
Честность воспитывается честностью,
Духовность воспитывается духовностью,
Нравственность воспитывается нравственностью…

Мы готовили и учили учителей, но учились и сами. Я упорно упражнял себя в общении с детьми разного школьного возраста, совершенствовал своё искусство ведения уроков.

Дети экспериментальных классов – их было несколько тысяч – всё больше и больше радовали нас: специальные опыты и общие наблюдения подтверждали воспитанность детей в духе благородства, развитые способности и глубокие познания.

Мы каждый год меняли программы – расширяли, дополняли, ибо этого требовали всё более возросшие способности и интересы детей. В своём свободном творчестве учителя фейерверком открывали новые способы и приёмы, что их воодушевляло.

Я любил бывать на уроках учителей – городских, сельских, и как пчела перелетает с одного цветка на другой и собирает нектар, так я собирал открытые ими новые приёмы и способы. Я научился сразу находить с незнакомыми мне детьми общий язык, и получалось так, как будто мы давным-давно знаем и дружим друг с другом. Это облегчало мне проведение показательных уроков для учителей и при этом самому обогащаться опытом. Я чувствовал, что обретаю какое-то внутреннее состояние духа, которое твердило мне: я свершаю

своё предназначение, свою миссию. Я всё глубже познавал своё призвание, и, независимо от того, что возникало множество осложнений с властями и учёными, я был счастлив. Я свершал свою судьбу. Это чувство не покидает меня до сих пор и надеюсь, не покинет уже никогда. Оно источник моей веры. Я верил, и это помогало мне переносить много ударов: предательство друзей, нападки власти, критику в местной прессе, недобрые намёки со стороны партийных органов. Это только со второй половины восьмидесятых годов опасность постепенно спала и высшие партийные органы даже начали интересоваться нашим «буржуазным» опытом.

Но самым большим достижением этого периода было не то, что власть начала относиться к нам лояльно и даже с интересом, а то, что мы подтвердили для себя истинность мудрости Иоганна Генриха Песталоцци:

«В любви Ребёнок находит
вдвое больше источник роста».

Двадцатилетний эксперимент

В 1984 году в нашей жизни произошло одно знаменательное событие: мы завершили 20-летний эксперимент и наблюдения над бывшими нашими учениками, а потом – молодыми людьми, ставшими нашими друзьями.

В 1964 году мы открыли экспериментальный первый класс в тбилисской школе № 10 (школа находилась в рабочем районе). В начальных классах детей (их было 32) вела молодая учительница Додо Махарадзе. Она быстро восприняла наши педагогические установки, проявила творчество, и дети успешно перешли в пятый класс. Далее экспериментом руководила научный сотрудник института, кандидат педагогических наук Мери Романовна Догонадзе. В течение шести лет она практически постоянно находилась с ребятами и вела тончайшую работу по духовно-нравственному воспитанию. Дети начали проявлять самостоятельность мысли, требовательность к нравственным поступкам, они философствовали о смысле жизни, честности, о справедливости, о взаимоотношениях людей, о любви. Говорили и о вере, о Боге. Мы возвеличивали в них благородство и великодушие, взаимопонимание и взаимопомощь. Взращивали в них чувство любви, не отходили от обсуждения любви между девочками и мальчиками. Давали возможность поговорить о семье, о воспитании собственных детей, о преданности супругов и т. д. Создавали условия, чтобы они проявляли и утверждали свои нравственные качества в жизни.

Наряду с этим М. Догонадзе время от времени проводила естественного рода опыты по выявлению нравственной устойчивости подростков.

Детям было дозволено обсуждать качество уроков. Были случаи, когда некоторые учителя, возмущённые требованиями учеников изменить авторитарный стиль общения с ними и делать уроки интересными, углубить программы, дать им возможность самим оценивать свои знания, конфликтовали с учениками, уходили из класса. Но творческие учителя обретали славу своими успехами в работе с экспериментальным классом, ибо ученики охотно шли за ними и преуспевали.

За трудовую доблесть во время летнего лагеря в 1973 году класс был награждён Грамотой Верховного Совета Грузии. Это был первый такой случай в республике.

В разное время, в силу семейных обстоятельств, четверо учеников ушли в другие школы.

В 1974 году школу закончили 28 учеников. В том же году все

они поступили в разные вузы. Каждый месяц они собирались в школе, где мы обсуждали с ними жизненные вопросы, обсуждали действительность, в которой оказался каждый из них, проводили консультации.

В 1979 году они закончили вузы и начали работать по своим специальностям. Вскоре мы узнали, что пять парней женились на своих одноклассницах. Это была любовь со школьной скамьи. Мы продолжали и дальше встречаться с ними. Приходилось обсуждать более общие вопросы социальных взаимоотношений, отношения на работе. Понятия справедливости, честности, благородства, взаимности и т. д. проходили сложные испытания. У некоторых появились дети, и мы обсуждали вопросы о воспитании детей в семье, о любви в семье. В 1984 году мы прекратили регулярные встречи с ними.

Вот такой 20-летний педагогический эксперимент.

Мы убедились, что все они – наши бывшие ученики – в жизни стали просто хорошими людьми, которые не могут идти против совести. Они стали активными преобразователями жизни вокруг себя, из-за чего многие из них навлекали на себя жизненные осложнения, сталкиваясь с косностью. Семьи создали и все остальные, и не было ни одного случая распада семьи.

Борьба за честность давалась им с огромными усилиями.

«Ладо» рос хорошим весёлым мальчиком в школе, любил шутить, был шалуном. Но любил и физический труд. Будучи на четвёртом курсе, женился на однокласснице, красавице «Мзии». Появились двое детей. Они вдвоём не пропускали наши встречи, рассказывали о своих малышах, приводили их к нам, и мы радовались им. После окончания института «Ладо» быстро продвинулся по работе и стал прорабом, строил высотные жилые дома. На встречах он рассказывал о сложных взаимоотношениях с начальством. «Требуют, чтобы я сдавал им ложную смету или же отдавал кому-то цемент, блоки, кирпичи, которые были отпущены на строительство», – рассказывал нам «Ладо». «А ты что?» – спрашивали ребята. «Что я? – отвечал он с негодованием, – Я этого не делаю! Я не могу строить бракованный дом… Не могу грабить государство!» – «А что они?» – «Ах, – говорил Ладо, – они меня ругают, кричат на меня, говорят, что я не знаю жизни…» Спустя некоторое время мы узнали, что он уволился с работы и работает теперь в другой строительной компании. Там он разругался с начальством по той же причине.

– «Ладо», а ты не мог бы сделать им нужную смету? – спросил я.

– Вы бы научили меня, как быть бесчестным, тогда я составлял бы такие сметы, и тогда были бы довольны и они, и я –

построил бы себе дачу…

У всех наших бывших учеников жизнь складывалась нелёгкая, и они рассказывали не о том, как приспосабливаются к жизни, а о том, как стараются её перестроить, облагораживать.

Открываем уже открытое

Наш профессор постоянно озадачивал нас. Когда мы восторгались продвижениями детей на втором этапе эксперимента, он вдруг сказал нам:

– Возможностям Ребёнка нет пределов, и вы в этом убедились. Мы будем гнаться за ними, а этому конца не будет. Развивающий педагогический процесс доказывает эту истину. Мотивы, которые мы воспитывали в них, делали детей нашими сотрудниками в их же воспитании и обучении. Всё это хорошо, но должно же быть некое генерирующее условие, которое, с одной стороны, увлечёт Ребёнка, с другой же, поставит его перед необходимостью проявить свои разносторонние, глубоко скрытые возможности…

Он сказал это и вскоре ушёл из жизни.

Спустя годы в одной из книг я вычитал мудрость и восхитился проницательностью нашего профессора – Барнаба Иосифовича Хачапуридзе:

> «Кто мучается земными вопросами, тот ответа о небесном не получит».

Идея о некоем «генерирующем условии» задела нас. Мы потратили почти четыре года теоретического и экспериментального поиска этого нового для нас фактора. За это время каждый из нас прошёл самые прекрасные и высшие курсы углубления в педагогические проблемы через философию, психологию, историю, антропологию, классическую педагогику. Лично я понял тогда, что загадку не разгадать без Религии.

В поиске чего-то очень важного мы создавали разные исследования и совершенствовали эксперимент.

Наконец, мы открыли эту тайну, но она оказалась вовсе не тайной, но хорошо забытой старой истиной. Тайна умещается в одно прекрасное слово – Жизнь.

Перед нами засияла мысль Константина Дмитриевича Ушинского: «…не нужно забывать, что дитя не только готовится к жизни, но уже живёт; а это очень часто забывается как родителями, так и посторонними воспитателями и школой, а эта забытая, непризнанная жизнь Ребёнка напоминает о себе теми прискорбными извращениями в характере и наклонностях, о которых воспитатель не знает, откуда они взялись, так как он сеял, кажется, только одно хорошее; но эти слабые семена заглохли, подавляемые роскошным ростом других растений,

которые сеяла жизнь и жадно воспринимала душа дитяти, подобная сильной и богатой почве, которая, если ей не дадут возможности произвести пшеницу, будет производить бурьян, – но непременно будет производить».

Из этого мы сделали вывод: значит, педагогический процесс со всеми действующими в нём условиями должен предоставлять Ребёнку Жизнь, то есть, педагогический процесс сам должен стать Жизнью. И тогда Жизнь сама направит Ребёнка, он узнает кого и что любить, к чему стремиться; она сама зародит в нём мотивы, разовьёт чувства, будет утончать мыль; она сама пробудит в нём способности, возможности, задатки и таланты. Жизнь будет приглашать всю природу Ребёнка, всю его сущность. Она будет звать Ребёнка на помощь, чтобы он спасал её, защищал, улучшал и облагораживал.

И какая должна быть эта Жизнь? Всякая?

Нет, детям не нужна всякая жизнь. Есть Жизнь, которая возвышает человеческую сущность, а потом сама человеческая сущность начнёт возвышать Жизнь. Но есть жизнь, которая унижает человека, разрушает его, и потому в дальнейшем он сам будет прилагать усилия разрушить и унизить жизнь.

Детям нужна одухотворяющая Жизнь, им нужна Жизнь, которая вмещает в себя всё воспитание, всё образование, всё обучение, всё развитие как своё естество. Это так же, как является для Жизни естественным биение сердца, общение человека с человеком, любовь к ближнему, переживания радости и горя…

Кто строит для детей такой уровень Жизни и вовлекает их в него, тот и любит детей, любит каждого Ребёнка; того будут любить и дети, будет любить того каждый Ребёнок.

Мы начали философствовать о Жизни, и я впервые соприкоснулся с Павлом Флоренским, с Иваном Ильиным, с Николаем Бердяевым. Наше педагогическое сознание расширилось. Нам понадобились понятия для выражения общего направления: Жизнь, Воспитание Жизни в Ребёнке, Воспитание Жизнью, Духовность, Гуманность, Духовный Гуманизм, Благородство, Воспитание Благородного Человека, Общение, Вера. Мы искали раскрытие этих понятий на основе принципа Песталоцци:

«Мысля любить и любя мыслить».

Мы попытались осмыслить и дальше развить наше педагогическое направление через эти понятия, и оно приняло название: Гуманно-личностный подход к детям в образовательном процессе. Оно входит в более целостное понятие – Гуманная педагогика. В учительской среде его обласкали ещё понятием – Педагогика Любви.

Так и начало оно входить в сознание многих тысяч учителей, так оно отражается в научно-педагогической литературе.

Благая Весть о Любви

Меня всегда что-то тянуло к Святым Писаниям.

Может быть, потому, что они были запретными плодами моего детства? Может быть, потому, что я помнил, как тайком крестили меня, семилетнего, в цинандальской церквушке? Молитвы бабушки, наверное, тоже давали знать о себе.

Будучи школьником, я знал, что есть такая Книга – Библия. И хотя о Боге и о Слове Бога никто мне доброе слово не говорил, кроме бабушки, я чувствовал, что в этой Книге должны быть записаны какие-то очень важные тайны.

Тяга была, но такая: «И хочется, и колется».

И вот в то время, когда мы искали нечто очень важное и не знали, что это такое, в лабораторию вошла второклассница – настоящий ангелочек, и небесным голоском пропела:

– Шалва-учитель, я вам подарок принесла…

Ой, какая улыбка на её лице сияла!

Она протянула мне старинную книгу, потрёпанную.

Это был Новый Завет!

– Кто тебе велел это передать? – спросил я с удивлением.

– Никто. Папа всё время читает её, и я подумала, что она вам тоже будет интересна…

– А папа знает, что ты взяла из дома эту книгу?

– Да, я попросила дать мне, чтобы вам подарить!

– А он что?

– Он сказал – хорошо… И я вам дарю её…

И она побежала, счастливая, что преподнесла мне Радостную Весть.

В старинной книге были закладки, и я начал читать эти страницы.

Неужели для меня отец ангелочка закладывал страницы?

Впервые я читал величайший из всех гимнов – Гимн о Любви. Читал, впитывал и начинал понимать, что есть Любовь, которая дарована человеку Господом Богом: Бог есть Любовь, сам Бог есть Любовь! Она творящая всемогущая сила, энергия творческая – неисчерпаемая.

В Гимне этом я познал и источник смысла жизни, и основу педагогики. Я выучил его наизусть и даже нашёл свой способ записать на бумаге так, чтобы подчеркнуть значимость каждого слова и каждой фразы.

Вот и пишу его здесь с помощью моего способа.

Если я говорю языками
человеческими и ангельскими,

а Любви не имею,
то я –
медь звенящая и кимвал звучащий.
Если имею
дар пророчества,
и знаю
все тайны,
и имею
всякое познание
и всю веру,
так что могу и горы переставлять,
а не имею Любви, –
то я
ничто.
И если я раздам
Всё имение моё
и отдам
тело моё на сожжение,
а Любови не имею, –
нет мне в этом
никакой пользы.
Любовь долготерпит,
милосердствует,
Любовь не завидует,
Любовь не превозносится,
не гордится,
не бесчинствует,
не ищет своего,
не раздражается,
не мыслит зла,
не радуется неправде,
а сорадуется истине;
всё покрывает,
всему верит,
всего надеется,
всё переносит.
Любовь никогда не перестаёт,
хотя
и пророчества прекратятся,
и языки умолкнут,
и знание упразднится;
Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем.
Когда же наступит
совершенное,

тогда то, что отчасти,
прекратится…
А теперь пребывают сии три:
Вера, Надежда, Любовь;
но Любовь из них –
больше…
Достигайте Любви;
ревнуйте о дарах
высших.
Это от Святого Апостола Павла.

А другая закладка открыла мне страницу от Святого Апостола Иоанна и я прочёл следующее:

Бог есть
Любовь,
И пребывающий
в Любви
пребывает
в Боге,
и Бог в нём.
В Любви
нет страха,
но совершенная
Любовь
изгоняет страх,
потому что в страхе есть мучение;
боящийся
не совершенен
в Любви.
Дети мои!
Станем
Любить
не словами и языком,
но делами
и истиною.
Бог есть Любовь.

А человек сотворён по образу и подобию Бога.

И заложил в него дар Любви.

Значит, надо помочь человеку открыть в себе этот дар, и тогда человек тоже станет Любовью.

И что же человек, как Любовь, сотворит на Земле и на Небесах?

Фантастика!

Так маленький ангелочек дал импульс расширению моего педагогического сознания.

Там, где не царствует Любовь

Гуманная педагогика, как она сложилась в моём сознании и практике, есть вариация на тему классической педагогики. Она отличается от традиционной авторитарной педагогики не тем, что призывает образовательный мир к ненасилию, а тем, что выводит из обихода педагогического сознания и образовательной действительности насилие как понятие и как деяние.

Если в образовательном процессе есть насилие, значит, есть и причина, его порождающая. Причина эта лежит в самом образе мышления тех, которые теоретизируют педагогику (то есть, учёных) и тех, которые строят практику (то есть, учителей и воспитателей).

Причина не мелочная, не такая, чтобы было бы достаточно умоляюще попросить учителей и воспитателей не пользоваться насилием применительно к своим ученикам и воспитанникам. Попросить, конечно, можно, можно и пристыдить их, даже пригрозить законом, но они, учителя и воспитанники, если даже сто раз пообещают, что так больше не будут, всё равно то и дело будут применять насильственные меры. И это потому, что причина, провоцирующая их на силовой подход к детям, есть опора, точка отсчёта педагогического сознания: материалистический взгляд на мир образования, на самих детей.

Материалистическое педагогическое сознание ведёт учителя к такому роду образовательной практики, когда знание превращается в товар и в предмет купли-продажи, когда святое служение становится услугой и тоже подвергается продаже, когда ненаблюдаемые и неизмеряемые материалистическими мерками следствия воспитания и духовного роста (скажем, великодушие, благородство, совесть, справедливость, вера, любовь…) отклоняются как не имеющие товарный вид, когда личность школьника воображается как ходячая цифра в виде отметок и баллов, когда…

Материалистическое педагогическое сознание может иметь только одно детище – авторитарную педагогическую практику. В нём не приживётся принцип Песталоцци – «мысля любить и любя мыслить», у него свой принцип – «мысля требовать и требуя мыслить». Детей можно любить, если они не будут мешать педагогическому процессу; их можно любить, если они хорошие, а нехороших лучше вывести из сферы преподавания.

Но неужели нужна будет глубокая наука, чтобы понять:

Там, где не царствует Любовь,

троном обязательно завладеет злоба.
Там, где не почитается Дух,
будут обязательно почитать выгоду.
Там, где нет веры, обязательно
восторжествуют неверие и недоверие.
Там, где нет Света,
обязательно наступит тьма.
И, вообще, там, где не нуждаются в Боге,
обязательно возрадуется безбожие.

Авторитарная педагогика, конечно, осознаёт свою неприглядность. Потому сама же призывает себя к ненасилию, прикрывается возвышенными понятиями, в том числе понятием гуманности.

Но гуманность – понятие высшего порядка: оно означает «богопознание»; гуманный – тот, кто познаёт в себе Творца, познаёт Свет в себе.

А в материалистическом сознании смысл гуманности не выходит за грани человеческих взаимоотношений. Для педагогики ненасилия, что есть старание облагораживать силовой педагогический процесс, слово «гуманный» в его материалистическом смысле становится способом прикрытия.

Гуманная педагогика есть суть всей классической педагогики, основанием которой являются такие высшие смыслы, как: ДОБРОТА, ВЕРА, ДУХОВНОСТЬ, ЛЮБОВЬ, БОГ. Педагогика в этом отношении, как выразился Климент Александрийский (один из отцов раннего христианства – 150–215 – годы жизни) в своей классической книге «Педагог» – есть «путь по прямому направлению к Богу». Действительно, в основе классических педагогических учений нетрудно обнаруживать христианские начала, что и делает их учениями из Будущего.

Я стажируюсь у Константина Дмитриевича Ушинского

С целью углубления в смысл гуманного образования я прошёл стажировку у Константина Дмитриевича Ушинского. Вот какие вопросы задал я ему и какие получил ответы.

– Константин Дмитриевич, скажите, пожалуйста, что вы мыслите под понятием «гуманное образование»?

Ответ: «Под именем гуманного образования надо разуметь, вообще, развитие духа человеческого, и не одно формальное развитие».

– Что может быть содержанием гуманного образования?

Ответ: «Человека можно развить гуманно не только изучением классических языков, но ещё гораздо более и прямее: религией, языком народным, географией, историей, изучением природы и новыми литературами».

– Какое влияние может оказать на душу ребёнка гуманное образование?

Ответ: «В гуманно-образовательном влиянии учения надо отличать собственно два влияния: влияние науки и влияние самого учения. В низших и средних учебных заведениях главную цель учебной деятельности составляет сам человек, в университетах – наука; хотя при первом стремлении мы всё же будем изучать науку, а при втором – всё же будем гуманизироваться изучением науки».

– В чём вы находите различие между реализмом и гуманизмом в образовании? Способно ли содержание образования решить вопрос развития духа?

Ответ: «Реализм и гуманизм можно найти в каждой науке, и различие это заключается собственно не в различии наук, но в различии способа их изучения. Можно из истории сделать реальную науку, можно из Закона Божия сделать тоже реальную науку, – за примером ходить недалеко; наоборот, можно арифметикой и химией развивать гуманность в человеке, и даже обучение грамоте можно сделать гуманным и реальным».

– Как это может произойти и какие недоразумения на этом пути нас могут ожидать?

Ответ: «Реализм начинается тогда, когда мы ищем в науке не мысли, не пищи духу, развивающей его и укрепляющей, не уясняя воззрений человека на самого себя и внешний мир, а именно только те знания, которые необходимы для той или другой отрасли человеческой жизни».

– Каковы, по-вашему, следствия возвеличивания реального образования?

Ответ: «Реальное направление в образовании пагубно для человека, если он прежде не был развит гуманно; оно сушит, убивает в человеке человека. Даже для самого реализма необходим гуманизм как основание. Потому общее гуманное образование должно составлять главную цель низших, средних и даже отчасти высших учебных заведений».

– Что вы считаете главным для гуманного образования?

Ответ: «Каждый класс, начиная с самого младшего, должен иметь своё округлённое мировоззрение, доступное возрасту учеников, и в центре этого мира, отразившегося в детской душе, должна блестеть, как солнце, всё освещая и согревая, нравственная гуманная христианская идея. С каждым годом это мировоззрение должно углубляться, расширяться и пополняться: тогда только дитя найдёт жизнь в школе, а не непонятную букву, ведущую его к непонятной, отдалённой цели; тогда только и школа войдёт в жизнь человека, а не будет неизбежной, скучной процедурой детского возраста».

– И в связи с этим, стало быть, надо задуматься о построении наук в школе?

Ответ: «При распределении предметов преподавания в общеобразовательных заведениях должно иметь в виду не науки в их отдельности, а душу учащегося в целости и его органическое, постепенное и всестороннее развитие…»

– Скажите, пожалуйста, о значении Любви в гуманном образовании?

Ответ: «Любовь единственное средство подчинить себе душу человека. Кто повинуется другому из Любви, тот повинуется уже требованию собственной души и делает чужое дело своим… Нужно только, подходя к Ребёнку, быть самому совершенно чистым в душе».

– Константин Дмитриевич, как бы вы назвали гуманность, в которой не мыслится душа, духовность?

Ответ: «Это была бы искусственная, поддельная гуманность. Такой гуманностью редко обманешь Ребёнка. Она несёт ему вред именно своей поддельностью».

Я кланяюсь Великому Учителю и остаюсь стажёром у него на всю жизнь.

Допущения гуманной педагогики

Случилось так, что всё психолого-педагогическое наследство, наработанное лабораторией экспериментальной дидактики за время 25-летней масштабной творческой деятельности, досталось мне. Некоторые из моих дорогих коллег ушли из жизни, некоторые перешли на другую работу. А потом времена изменились, в силу чего в Грузии гуманная педагогика была вытеснена. Лабораторию закрыли.

Я остался не совсем один. Рядом со мной – моя спутница жизни – Валерия Гивиевна Ниорадзе, с которой вместе и с коллегами мы когда-то создавали лабораторию и нарабатывали наследство.

Наследство было богатое: научные труды и диссертации, идеи, обобщения экспериментальных наработок, опыт создания программ и учебников, искусство работы с детьми, много новизны, мировое признание и имя.

Надо было придать всему этому системность и предложить педагогическому сообществу.

Я попытался это сделать.

Воспользовался методом допущений, на что каждый имеет право. Исходя из характера нашего наследства, из тех идей, которые мы берегли или закладывали в подтекстах, я выдвинул три постулата в качестве основы гуманно-личностной педагогики (Школы Жизни).

Первый постулат: я признаю реальность Творца, Бога и постоянно развивающего тварного мира.

Второй постулат: признаю бессмертие человеческого духа как сущностной части тварного мира, и его вечную устремлённость к совершенствованию, целькоторого – стать соработником у Бога в творении мира.

Третий постулат: признаю, что земная жизнь есть отрезок пути восхождения человека.

Эти допущения не являются чем-то новым для философского мира. Но выводы в отношении Ребёнка, которые могут вытекать из них, заставляют иначе взглянуть на образовательную действительность. Если эти допущения принимаются за истину, а я их такими и признаю, тогда можем сделать следующие три вывода.

Первый вывод: Ребёнок есть явление в нашей земной жизни; он родился, потому что должен был родиться.

Второй вывод: Ребёнок есть носитель своего предназначения, своего пути, своей миссии.

Третий вывод: Ребёнок есть носитель неограниченной энергии духа, «он всё может».

Эти допущения и выводы я объединяю под единым понятием духовности и принимаю её в качестве четвёртого измерения педагогического сознания. Каковы же первые три измерения? Они дают картину материалистических аспектов воспитания. Любая педагогика знает их: наследственность, стихийная среда и особо организованная среда. А четвёртое измерение – духовность – известна в основном классической педагогике. «Четвёртое» не значит – последнее. Духовность ведёт педагогическое сознание, она и есть основная сила для созидания гуманной педагогики.

Я не считаю, что своими допущениями и введением четвёртого измерения открываю что-то новое. Новое состоит в том, что из недр классической педагогики возрождаю «хорошо забытое старое», а оно на фоне ограниченного материалистическими нормами педагогического сознания, перекосившегося в авторитаризм, выглядит новым. Однако если современное педагогическое сознание далее будет развиваться на основе измерения духовности, то оно откроет много нового и в теории, и в практике.

Через измерение духовности приоткрываются духовные смыслы части педагогических понятий. Особый путь поиска этих смыслов дают нам следующие трактовки:

Школа – это лестница восхождения души и духовности растущего человека.

Учитель – это душа, носитель Света.

Образование – это процесс раскрытия в человеке образа Творца.

Гуманный – это человек, ищущий в себе связь с Высшим.

Для понимания естественной природы Ребёнка из накопленных научных психологических знаний выделяю три особых устремления.

Первое – развитие.

Второе – взросление.

Третье – свобода.

Ведущей силой педагогического процесса является личность учителя, личность воспитателя. Его характер, мировоззрение, устремление, культура, его духовно-нравственный мир, знания, образ жизни, привычки, его любовь к детям и своей профессии, в общем, вся его личность предопределяют качества педагогического процесса. Качества эти зависят не столько от хороших программ, учебников, методов, «новых технологий», оборудований, средств и прочее, а в первую очередь от личности

учителя.

Потому возвышение и совершенствование духовно-нравственного мира учителя, забота общества об учителе – решает проблему всякого успешного обновления образовательной действительности.

Гуманная педагогика предлагает учителю соблюдать и творчески применять в образовательном процессе принципы:

– сущностносообразность,

– творящее терпение,

– одуховторение,

– воспитание жизни в Ребёнке с помощью самой жизни,

– облагораживание среды вокруг Ребёнка.

Целью воспитания провозглашается облик Благородного Человека.

Всеначальной энергией всех сфер образовательной действительности является Любовь к Ребёнку.

Это мировоззренческое начало гуманной педагогики (гуманно-личностного подхода к детям) легло в основу системы Школа Жизни. Все теоретические и практические аспекты образования рассматриваются тоже через это мировоззрение.

Защитники

Направление гуманно-личностной педагогики находило поддержку учителей и части учёных по всему Советскому Союзу и в мире уже с 60-х годов прошлого века. Оно прошло сквозь линию фронта идеологической войны и выдержало жестокие атаки приверженцев педагогического авторитаризма.

Но его поддерживали и защищали люди, имеющие имя, авторитет и власть. Среди них были:

Асмолов Александр Григорьевич
Давыдов Василий Васильевич
Предтеченский Олег Александрович
Загвязинский Владимир Ильич
Запорожец Александр Романович
Зуев Дмитрий Дмитриевич
Кезина Любовь Петровна
Кондаков Михаил Иванович
Кудряшова Лариса Евгеньевна
Лашкарашвили Тамара Васильевна
Леонтьев Алексей Алексеевич
Лихачёв Дмитрий Сергеевич
Матвеев Владимир Фёдорович
Матятин Олег Петрович
Никандров Николай Дмитриевич
Ниорадзе Гиви Трифонович
Патиашвили Джумбер Ильич
Петровский Артур Владимирович
Положевец Пётр Григорьевич
Попхадзе Григорий Георгиевич
Поцхишвили Александр
Прокофьев Михаил Алексеевич
Рябов Виктор Васильевич
Соловейчик Симон Львович
Соловейчик Артем Симонович
Столетов Всеволод Николаевич
Фельдштейн Давид Иосифович
Чавчавадзе Нико
Чикваная Леван Фомич
Хачапуридзе Барнаб Иосифович
Эльконин Даниил Борисович
Ягодин Геннадий Алексеевич

Прошла гуманно-личностная педагогика через стыковку двух тысячелетий и шагнула в двадцать первый век. Она и стремилась

к этому веку, чтобы помочь ему в борьбе за защиту детей. Начала проникать в сознание многих тысяч учителей.

На фоне такого отношения к гуманной педагогике мы с Валерией Гивиевной продолжили свою деятельность в России и странах, составляющих ранее Советский Союз и ставших независимыми государствами.

Что же мы свершили в этом пространстве? Вот какой получается у меня отчет:

За последние пятнадцать лет более двадцать тысяч учителей прошли курсы повышения квалификации по основам гуманной педагогики и получили сертификаты и удостоверения.

В разных городах и регионах созданы более двухсот лабораторий гуманной педагогики, накапливающие опыт искусства – как любить детей.

Несколько десятков школ в экспериментальном режиме практикуют систему гуманно-личностного подхода к детям в образовательном процессе.

Созданы постоянно действующие мастер-классы по гуманной педагогике для студентов и аспирантов.

Разработаны спецкурсы об основах гуманной педагогики для студентов педагогических университетов и колледжей.

При Московском городском педагогическом университете создана Лаборатория гуманной педагогики.

Защищаются кандидатские и докторские диссертации по проблематике Гуманной педагогики.

Для издания научно-методической литературы по гуманной педагогике создан Издательский Дом Шалвы Амонашвили.

Ежегодно проводятся Международные Педагогические Чтения.

Факел Духовности и Любви

Меня давно – с 70-х годов волновал вопрос об ограниченности сознания многих учителей. Это была не их вина, а того образа подготовки учителей или системы повышения квалификации, которые бытовали в то время. К сожалению, эта проблема ещё больше обострилась с наступлением капитализма.

На что может быть направлено материалистическое педагогическое мышление, если в обществе царствует принцип рынка?

По сути, принцип рынка есть завершенная идеология капиталистического строя, в основе которого лежит общество потребления. Он направляет сознание людей на материальные блага, удовольствия, потребительскую страсть. Иметь, богатеть, брать от жизни всё, заботиться о своих личных интересах пусть даже в ущерб других. Любой разговор об общечеловеческих ценностях, а такими являются Вера, Нравственность, Праведность, Справедливость, Красота, Благородство, Любовь, в условиях рыночной идеологии будет только способом отвода глаз от действительности. Если эти ценности не примут товарный вид, они потеряют смысл. В образовательном мире, который для меня есть Храм и потому область святая, тоже врывается рыночная идеология и начинает его разрушать. То, что нужно рассматривать как служение, переименовывается в «образовательные услуги» и на них накладывается цена. Сознание большинства учителей ещё сильнее привязывается к материалистическому взгляду на свой труд и на Ребёнка. Расширить сознание учителя и зародить в нём искреннюю любовь к детям возможно, прежде всего, на основе понятия духовности – этого четвёртого измерения. В этом случае учитель поймёт закон Песталоцци:

> *Пусть учитель, помогая, живёт для вечности, но пусть, живя, помогает настоящему.*

Вся классическая педагогическая литература, изданная в советский период, подгонялась под коммунистическую идеологию, из произведений классиков безжалостно изымались мысли, которые не соответствовали или противоречили материалистическому мировоззрению. Но беда была ещё и в том, что у будущих учителей не прививали страсть к чтению произведений классиков и их последователей. Это положение, как мне представляется, не изменилось и после смены

социального строя. Коммунизм, как идеология, строился на так называемом диалектическом материализме; и капитализм тоже строится на идеологии материализма, но более грубого и откровенного. Предупреждение К. Д. Ушинского, что надо защитить детей от опошляющей реальности и от торгашеского направления, которые из жизни начинают проникать в школу, сегодня как нельзя кстати.

Остро чувствуя духовное обнищание многих учителей, я задумал создать для них многотомную «Антологию Гуманной Педагогики». Еще будучи членом Верховного Совета СССР, я попытался воспользоваться своим положением и предлагал свой план издательствам, министрам, партийным органам, однако не нашёл поддержку. Но находясь в гуще жизни, понимая, в каком направлении идет ее развитие, я чувствовал, что Учитель не может научиться искусству любить детей, этому высшему, утончённейшему виду искусства, не зная подлинного Песталоцци, подлинного Ушинского, подлинного Корчака и подлинного Сухомлинского? Не зная того глубочайшего общего источника, из которого подлинные классики черпали силу осознанной Любви.

Я мечтал издать «Антологию» как чашу педагогической мудрости, в которую вошли бы, в качестве источников гуманной педагогики, наряду с трудами классиков и их спутников, тексты Святых Писаний, философские воззрения, психологические учения всех времен и народов.

И когда Великий Союз развалился, я нашёл мецената, который был готов оказать финансовую поддержку начинанию этого дела. Мы зарегистрировали Издательский Дом Шалвы Амонашвили. Встал вопрос о главном редакторе «Антологии».

И я обратился к Дмитрию Дмитриевичу Зуеву.

Дмитрий Дмитриевич в моей судьбе сыграл исключительную роль. В советское время он возглавлял издательство «Просвещение» и славился тем, что всегда, в течение 25 лет, все учебники всех классов, все методические пособия, все программы выпускал точно в срок и качественно. О нём еще говорили, что он «Димократ» и даёт себе волю ослушаться партийного руководства. Одно его выступление на каком-то совещании меня поразило смелостью и необычностью. И еще, что поражало меня, когда я просматривал книги «Просвещения» после прихода нового директора – это появление литературы, прямо направленной на воспитание личности ученика и учителя, библиотека директора школы, библиотека для учащихся, выходящие за рамки программ… Все это расширяло горизонты школ, способствовало развитию творческого мышления и, естественно,

импонировало мне.

Я не был знаком с Д. Д. Зуевым и даже не мечтал что-либо издавать через «Просвещение».

Но вот однажды, когда уже в который раз, министр образования Грузии запретил нам ходить в школу, потребовал закрыть эксперимент как антипедагогический и я был в отчаянии, Валерия Гивиевна, которая верила, что это временное явление, сказала мне:

– Это даже хорошо. Ты давно мечтал написать книгу. Теперь у тебя есть на это дело достаточно времени. Сядь и пиши…

Я послушался. Заперся в своей комнате, и мысли потекли. Я даже не думал о том, что пишет моя рука, я писал и наслаждался этим занятием, ибо впервые писал книгу на русском языке, и этот язык подчинялся моей воле. На моём письменном столе бегали дети, кто-то заглядывал в страницы – «Что вы пишете?», кто-то возник в сознании – «Пиши обо мне…» Детский «жриамули» сопровождал меня всё время, как музыка. Летели дни и ночи, рукопись росла… Входит Валерия.

– Отдохни немножко, послушай музыку… – и включает проигрыватель с песнями Марка Бернеса.

Одна песня меня ударила словно током.

Послушал ещё и ещё раз.

У моей недописанной книги не было названия, о нём я как-то и не думал. Но вот оно – название! Марк Бернес мне его дарит:

«Здравствуйте, дети!»

И я снова погружаюсь в свою книгу, снова встречаю на пороге школы своих учеников. Им всего шесть лет. А совсем недавно в школу шли в восемь, а позже – в семь лет. Не рано ли им в шесть?

– Нет, не рано! – слышу я голоса детей. – Нам хочется в школу, мы готовы учиться!

– Ну, здравствуйте, дети! Заходите в класс, я убуду вашим учителем!

И снова кто-то сверлит сознание: «Пиши обо мне».

Я пишу. Дверь закрыта, телефон отключён. Но процесс рождения книги идёт.

Почему в Тбилиси закрыли эксперимент?

В Тбилиси приезжает корреспондент газеты «Правда» Олег Петрович Матятин. Идёт расследование.

А я, теперь уже в книге, присаживаюсь на корточки перед Марикой и ласково шепчу ей на ушко возможный вариант решения задачки…

Как это интересно – писать свою первую книгу!

Как незаметно и быстро летит время…

Входит Валерия.

– Вот почта… – она кладет на стол письма и газеты.

Среди писем один странный конверт – важный, на нём гриф «Просвещение». Достаю письмо. Оно от Д. Д. Зуева! Он пишет:

«Прочитав о Вас статью в газете „Правда“, я хотел бы издать книгу мудрого грузинского учителя. Если у вас есть что-нибудь для нас, прошу прислать рукопись». Я воодушевлен. Зачем отправлять, сам привезу!.. И вот я в Москве.

В кабинет директора издательства за столом Розана Дмитриевна Карпенко – заведующий редакцией начальной школы, там же редактор и художник. Дмитрий Дмитриевич отрывается от рукописи.

– Ну что же, Шалва Александрович, – говорит он, – пишите дальше… Это очень, очень интересно, ибо Вы пишете о глубокой любви к детям. Страна переходит на обучение детей с шестилетнего возраста. Я уже говорил с министром просвещения России о вашей книге и Александр Иванович Данилов подтверждает мое решение ее издать…

Было это в 1981 году.

А в 1983 году книга – «Здравствуйте, дети!» – выходит тиражом в 400 000 экземпляров.

Успех моего откровения огромен Д. Д. Зуев требует продолжения. Вскоре издаются вторая и третья книги: «Как живёте, дети?» и «Единство цели». Далее книги переиздаются, переводятся на разные языки, и их общий тираж превышает два миллиона экземпляров! (С грустью констатирую, что ни одна из них так и не вышла в грузинском педагогическом издательстве.)

Вот так, Дмитрий Дмитриевич Зуев, не боясь издать «буржуазного» педагога, прославляет меня на весь мир.

Об этом Зуеве идёт речь – «Антология» ждала его.

Тогда, в середине девяностых годов, он только что, не вписавшись, по его словам, в рыночно-денежные отношения, ушёл из издательства.

Мы вместе со своим меценатом пришли к нему домой, объяснили идею и предложили стать главным редактором «Антологии Гуманной Педагогики». Спустя пару дней раздумий он согласился.

Дмитрий Дмитриевич пришёл со своим дополнением к проекту: издавать «Антологию» комплектом по пять книг – Мудрость Древних, Восток, Запад, Россия, Современная Гуманная Педагогика, а также в каждой конкретной книге отразить не всегда совпадающие точки зрения автора произведений, составителя тома и первого читателя, который оставляет в книге

свои пометки.

Таким образом, «Антология Гуманной Педагогики» – это не очередная хрестоматия, а вечно восходящая Истина, Чаша Педагогической Мудрости, протянутая нам добрыми руками из Будущего.

«Антология» – носитель духовности, её основа – Вера и Любовь. Она несёт учителю высший образ педагогического мышления, она может вдохновить, зажечь, устремить учителя к свершению творческого педагогического подвига.

«Антология» взращивает в учителе Любовь к детям и учит, как надо мудро их любить.

Издано уже 55 томов.

Исполняется моя мечта. Она стала заветной и для главного редактора «Антологии».

Дмитрий Дмитриевич Зуев, ныне профессор, член-корреспондент Российской Академии Образования, своим чутким учительским сердцем всегда поддерживает меня и дарит мне богатства дружбы. Он готовил тома «Антологии» и продолжает это делать бескорыстно, ради любви к Детям и их Учителям.

Соты Мудрой Любви к детям

Можно ли собирать Любовь, собирать Мудрость Любви к Детям?

Можно ли дарить друг другу с огромным трудом и в муках творчества набранную крупицу Мудрости Педагогической Любви?

Можно, нужно, необходимо это делать.

Потому надо объединиться, надо сотрудничать. Надо создать крупные соты, куда прилетят пчёлы со всех цветущих полей и принесут свои пылинки. Соты наполнятся.

Мёд этот будет Учительской Любовью, Учительской Мудростью Любви. А из сот каждый может унести с собой столько, сколько его сердце и разум будут в состоянии вместить в себя. И разлетятся пчёлы по своим полям, поспешат учителя к своим ученикам, к своим воспитанникам, с окрепшей и умноженной любовью, начинённой мудростью. Сказал же Песталоцци: «В Любви Ребёнок находит вдвое больше источник роста». А если учитель удваивает и утраивает в себе Любовь с Мудростью, какой это будет источник роста для его учеников?

Маленькие лаборатории гуманной педагогики – это были маленькие соты собирания мёда. Нужна была сота, которая могла бы собирать всё богатство в одно целое и давать каждому желающему пользоваться мудростью Педагогической Любви.

Я мечтал об этом. И на радость многим соты возникли при содействии Людмилы Васильевны Шапошниковой: **Международный Центр Гуманной Педагогики**. Первым делом он начал проводить ежегодные Международные Педагогические Чтения.

Смысл моей жизни расширился: живу от Чтений к Чтениям, живу заботами о предстоящих Чтениях. Темы Чтений как крылья, как пёрышки для крыльев. Они, как самые красивые и ароматные цветы, притягивающие пчёл из дальних краёв. С чувством благоговения называю темы каждых чтений.

Первые Чтения (2002 г.): Гуманная педагогика и духовность образовательных пространств.

Вторые Чтения (2003 г.): Улыбка моя, где ты?

Третьи Чтения (2004 г.): Почему не прожить нам жизнь Героями духа?

Четвёртые Чтения (2005 г.): Без сердца что поймём?

Пятые Чтения (2006 г.): Спешите, дети, будем учиться летать!

Шестые Чтения (2007 г.): Истина Школы.

Седьмые Чтения (2008 г.): В Чаше Ребёнка сияет зародыш зерна Культуры.

Восьмые Чтения (2009 г.): Истинное воспитание Ребёнка в воспитании самих себя.

Девятые Чтения (2010 г.): Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний, учителю надо впитать море Света.

Из года в год мы совместными усилиями всех участников стараемся совершенствовать формы общения на Чтениях: круглые столы, мастер-классы, лекции, встречи, сообщения по теме: «Как светлый ангел побеждает». Чтениям посвящается ежегодный выпуск журнала «Три ключа», в нём же публикуются списки всех участников, их число постоянно возрастает.

Со временем смысл и назначение Чтений приобретали всё большую чёткость и целенаправленность.

Чтения способствуют расширению сознания учителей ивоспитателей, привнося в него понятие духовного гуманизма.

Чтения направлены на самосовершенствование их участников, на облагораживание их разума, сердца и чувств.

Каждые Чтения рассматриваются как большой творческий урок, который даёт участникам импульс для дальнейших поисков и совершенствования.

Чтения помогают учителям и воспитателям осознать исключительную значимость своей личности в одухотворении своего образовательного мира.

Чтения помогают им освободиться от авторитарного образа мышления, от привычек авторитарногообщения с учениками и воспитанниками.

Чтения ставят перед учителями и воспитателями задачу от чего нужно защищать нынешнее поколение детей, какие глобальные угрозы могут надвигаться на них и как дать им отпор.

Чтения высвобождают в учителе и воспитателе энергию духа и чувствознание, необходимые для постижения искусства Любить Детей.

Чтения вдохновляют учителей и воспитателей на подвиги во имя одухотворения образовательного мира и защиты детства от всяких посягательств.

Чтения развивают идеи гуманной педагогики.

Чтения раздвигают границы гуманной педагогики.

Чтения взращивают в учителях и воспитателях осознание величия своего служения.

История образования в мире не знает такого опыта духовного восхождения учителей, расширения их сознания.

При содействии Международного Центра Гуманной Педагогики были созданы прекрасные соты: Центры Гуманной Педагогики Хакасской и Дагестанской Автономных республик, Всероссийский Центр Гуманной Педагогики, Латвийская

Ассоциация Гуманных Учителей, Литовский Центр Гуманной Педагогики. В этих сотах много мёда Любви к Детям.

Международный центр имеет свой символ: лебедь на фоне сердца. Это означает единство любви и мудрости.

Я радуюсь, находясь в гуще этих событий.

Радуюсь, потому что «любовь моего поколения присоединяется к моей любви» и «род человеческий, сама природа всегда представляет себя в распоряжении для целей» моей любви.

Я обращаюсь к книгам как к Небесам

Да, Любовь для меня есть самая сущностная Истина и на Земле, и во всей Вселенной. Любовь есть Бог. Я это знаю. Но я всё ещё очень далёк от той тридцатой высшей ступеньки лестницы Иоанна Лествичника, которая называется Любовью и которой завершается восхождение духовной сущности человека на Земле. Я это тоже знаю. Знаю ещё, что, сколько бы я и впредь не прожил, всё равно, постичь полноту любви не успею. Тем не менее, стремлюсь к недостижимому, и потому часто спешу к Мудрым Книгам, Книгам Жизни. Я обращаюсь к ним как к небесам, задаю вопросы, и они отвечают мне. Но смогу ли я осознать весь смысл ответов.

Что есть Любовь? – спрашиваю я у Книг Жизни.

Они мне отвечают:

Любовь есть ведущее, творящее начало всего сущего на Земле и во Вселенной.

Любовь есть истинная реальность.

Великая Любовь заложена в основании Космоса. Ею пронизано, ею движется всё, что только существует в виде Добра и Красоты, Созидания и Восхождения, Вечности и Беспредельности, Видимого и Невидимого, Проявленного и Непроявленного.

Земля сотворена Любовью и для Любви.

Человек создан для постижения Любви, для возвышения до её вершины, создан для того, чтобы научился он Любить и творить по законам Любви.

Любовь есть двигатель расширения сознания.

Через Любовь люди найдут своё место в Космосе.

Любовь нужна для пути в Беспредельность.

Любовь есть ключ к пониманию необходимости движения.

Без Любви нет продвижения и невозможно понять движение.

Любовь есть венец Света.

– Что может сделать Любовь? – спрашиваю я.

Книги Жизни отвечают:

Любовь может созидать миры.

Любовь строит храмы.

Любовь и знания все преодолеют.

Любовь – мощь преодоления.

Любовь – целебный родник неиссякаемый.

Любовь укажет границу установления Новой Жизни.

Каждый предмет изучается только при Любви.

Каждая трудность побеждается только силой Любви.

Никакое рассуждение не даст того огня, который возжигается искрою чувства Любви.

– Скажите мне о качестве Любви! – прошу я у Книг Жизни.

Они объясняют:

Нужно, прежде всего, осознать беспредельность Любви: она, как и Вера, как и Преданность, не имеет границ.

Любовь, могущая двигать мирами, не походит на любовь над болотом, где гниют кости пережитков.

Любовь, Подвиг, Труд, Творчество хранят восходящее стремление. Смотрите, какие прекрасные привходящие понятия они заключают в себе: какая же Любовь без самоотвержения, Подвиг без мужества, Труд без терпения, Творчество без самосовершенствования. Есть любовь задерживающая и Любовь устремляющая. Первая – любовь земная, а вторая – Любовь Небесная. Но какое множество созиданий разрушено первой, такое же множество окрылено второй. Первая знает ограничения пространства и сознания, вторая не нуждается в мерах земных. Она не затруднена расстояниями и суждениями о смерти. Первая знает мир как планету, а перед Второй открываются все миры. Вторая Любовь – Любовь устремляющая – идёт как по физическому миру, так по Небесному, Огненному Миру. Она зажигает сердца для радости высшей и тем нерушима.

Я обращаюсь к Небесам:

– В чем человечество нуждается?

И на меня льётся каскад пожеланий и наставлений, как оживляющий и очищающий майский дождь.

Человечество нуждается в осознании Огня Любви.

Люди даже не замечают, что их подвалы полны злобы.

Сердце, изгнавшее жестокость, познает добро и восполнится Великодушием и Любовью.

Ничего на земле не зажжёт огонь сердца, как Любовь.

Любовью зажжёте свет Красоты, и действием явите миру спасение духа.

Сердце, преисполненное любви, будет творящим, мужественным и устремлённым.

Полюбите каждодневность, она закаляет дух и даёт мужество помыслить о нескончаемости цепи трудовых веков.

Советуем людям Любить и укреплять чувство Преданности.

Помогайте всему, что стремится к усовершенствованию.

Вместо враждебной невежественности лучше явите Любовь к познанию.

Преуспейте Любовью.

Высшая Религия учит не страху, но Любви.

Познавайте, где стремление к Любви и где страхование

грехов, где Любовь к восхождению, и где беспокойство сомнения.

Нужно полюбить качество Жизни. Малейшая утрата качества подавляет все поступательные движения.

Пылайте Сердцем и творите Любовью.

Пусть внутри Сердца теплится Лампада Любви.

Это не красивые фразы, а сокровенные знания. Я не в состоянии разобраться в них до глубины, до полной ясности. Но моё сердце чувствует, что Бог всё измеряет Любовью, каждого земного человека проверяет по тому, смог ли он научиться любить ближнего своего, смог ли он возвыситься до любви врагов своих.

Небеса проводят мне экзамен, их очередь задавать мне вопросы.

Они спрашивают:

– Когда человек преисполнен Любовью, разве существует препятствие?

– Нет, конечно! – отвечаю уверенно.

– Но может ли Любовь существовать с предательством?

– Нет! – восклицаю я.

– Где она – Любовь творящая?

– Во мне, во мне! – твержу я.

– разве можно пребывать в злобе, убийстве, в обмане среди величия миров?

– Нет, нет… Грех, позор!

– Но что же среди земных средств может противостоять тьме?

– Только Любовь, только Огонь Любви! – радуюсь я.

– Какая Огненная Любовь вселится в искушённое сердце?

– Никакая, никакая…

– Может ли полюбить сердце, в котором злоба и жестокость.

– Нет, не может…

– А сомнение?

– Там, где истинная Любовь, нет места сомнению…

– А если осуждение?

– Там, где зарождается осуждение, нет полной любви.

– Если земная любовь уже творит чудеса, как же умножает силы Небесная Любовь?

Я ищу меру: может быть, стократно, может быть, тысячекратно? И догадываюсь:

– До беспредельности…

– В чём твоё оружие?

Отвечаю без запинки:

– В Совершенной Любви.

Жду: скажут ли мне Небеса, как я прошёл экзамен. Но Небеса молчат.

Видимо, я должен догадаться сам: какая есть во мне Совершенная Любовь.

Мой клубок любви

Что я вынес из прошлого?

В детстве я не раз наблюдал, как бабушка из овечьей шерсти пряла нить и накручивала в клубок. Он рос и становился всё больше и больше, как детский мяч, а потом заканчивалась шерсть.

Из прошлого я вынес вот этот клубок, но не шерсти, а любви. Я и впредь буду наматывать на него опыт любви, насколько позволят мне жизнь и силы.

Что в этом клубке, какие выводы, какие обобщения?

Я отдаю отчёт тому, что моя любовь вовсе не совершенна. И вообще я только начинаю карабкаться по лестнице Иоанна Лествичника; потому до тридцатой – вершинной ступеньки, которая знаменуется Совершенной Любовью, мне уже не успеть подняться.

Тем не менее, в моём клубке любви есть нечто такое, что позволяет мне дарить детям уроки, общаться с учителями, писать книги, высказывать свои мысли и верить.

Да, я верю, что мир сотворён Творцом-Богом. Верю, может быть, больше, чем тот, кто верит, что мир есть случайное производное от хаоса.

Историческая культура моего грузинского народа привела меня к Православному Христианству. Потому мне близки и понятны идеи христианской Любви, и я стремлюсь к ней.

Учусь любить ближнего.

Учусь любить врагов своих. Хотя давно уже никого не воспринимаю как врага своего.

Учусь прощению и просить прощения. Давно простил всех, кто когда-либо причинял мне зло, и попросил прощения у всех, кому, может быть, я причинил зло. Хотя с верою могу повторить слова Януша Корчака: «Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается».

В моём клубке любви есть особая полоска, которая вплетается в мою жизнь с начала 50-х годов: эта цветная, голубая, как мечта, полосочка есть моя сознательная любовь к детям. Вначале она зарождалась как чувство, которое привязывало меня к ним, а со временем совершенствовалось как искусство.

Я всё глубже познавал мудрость:

Любовь надо нести детям с любовью, красиво и изящно, чтобы они приняли её и воспитывались.

Учительская, Педагогическая любовь более утончённая форма Любви, чем даже, пусть не сердятся на меня, Родительская

Любовь. Она требует для своего проявления огромных душевных усилий и мудрости сердца.

В ком уже есть любовь к детям, к тому, при старании, придёт и искусство их любить, т. е. понимание того, как их нужно любить. В ком нет любви к детям и стремления полюбить их, тот пусть не ждёт посещения мудрости педагогической любви.

Кто откровенно не любит детей, тому мудрость любви не достанется. Он сделал бы доброе дело, если покинул бы работу, которая навязывает ему общение с детьми.

Мудрость находится внутри самой любви к детям, а не вне её.

Потому мудрая педагогическая любовь не технологизируется, методически не выстраивается, не расписывается по пунктам, а познаётся сердцем.

Я пристал к одному учителю со своими вопросами:

– Вы любите детей? – спросил я.

– Да, конечно… – ответил тот.

– Как вы их любите?

– Как все…

– Этого мало.

– А как ещё надо их любить? – спросил учитель.

– Так, как любил Сухомлинский…

– А как он любил?

– Любил, как Корчак…

– А как Корчак любил?

– Как Песталоцци…

– Ну а Песталоцци как любил?

– Любил он детей нежно, искренне, преданно, постоянно, без оглядки, любил с радостной улыбкой на лице или со слезами сострадания на глазах…

– Кошмар какой-то… – сказал учитель.

Учитель, который любит детей «как все», далёк от познания величия своей профессии и своего служения.

Любить детей – это сокровенное искусство, но некоторые общие нормы, конечно, существуют.

Из своего клубка любви я достаю обобщения и рад, что они совпадают с мыслями классиков педагогики.

Любить детей и каждого ребёнка надо:

– искренне, честно, от всего сердца;

– спокойно, терпеливо, доверительно;

– нежно, красиво, изящно;

– преданно, постоянно, без условностей;

– воодушевлённо, вдохновенно, увлечённо;

– заботливо, мужественно, понимающе;

– с уважением, утверждением, возвышением.

Назову такую Педагогическую Любовь Небесной – вот такой Любовью надо любить детей. Она несовместима с раздражением, с грубостью, с недоверием, с унижением, с насилием, с принуждением…

Знаю детей, потому не буду утверждать, что все они ангелочки. Они дети Света, но вовсе не послушные, разумные и уже воспитанные. Среди них есть неугомонные, дерзкие, шаловливые, требовательные; есть дети замкнутые; есть дети с большими или меньшими способностями: есть красивые и некрасивые, больные и уродливые, есть дети уже испорченные, избалованные, извращённые…

Кого меньше любить, кого больше?

Кого оставить в своём классе, от кого избавиться?

Кого сажать за переднюю парту, а кого – за последнюю?

Но Любовь сравнима только с Солнцем. Солнце дарит всем на Земле свет и тепло одинаково. Нет у него любимчиков и нелюбимых.

– Кого любит Любовь?

– Всех: и того, в ком она есть, и того, в ком её нет.

– Кого ненавидит Любовь?

– Нет такого.

– Кого больше любит Любовь?

– Свою сущность – Бога.

– А у Бога есть избранник на Земле?

– Есть: это – дети.

«Кто примет одно такое дитя во имя Моё, тот Меня принимает», – так говорит Иисус Христос. Получается, что надо принимать каждого Ребёнка как маленького Христа. Потому – «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

Из этих стихов Нового Завета я черпал чувства ответственности и восполнялся трепетной любовью перед каждым Ребёнком.

Дополним перечисленные качества педагогической любви ещё одним:

Детей надо любить с чувством глубокой ответственности, долга и служения перед Творцом.

Дети всегда будут разными, и каждый из них потребует от нас только свою, ему предназначенную любовь. Это есть любовь согласно сущности этого отдельного Ребёнка. И только чувствознание сердца будет способно помочь нам открыть в себе мудрость такой любви.

«Люблю исцелять неправых в жизни Любовью».

Это есть восточная мудрость. Из неё можно сделать

прекрасные выводы для наших педагогических дел.

Надо любить детей, чтобы защитить их

Педагогическая Любовь к детям есть всемогущая творящая энергия образовательного пространства, которое без этой Любви не станет образовательным. В школе должен быть хоть один учитель, который любит детей и которого любят дети, и он в какой-то степени сможет нейтрализовать ту отрицательную эманацию, которой заполняется пространство, где нет Любви.

А мой внутренний закон таков:

Дети будут преуспевать в своём духовно-нравственном становлении и познании наук в той мере, в какой всем и каждому достанется благотворная энергия педагогической любви. И чем больше будет наполнено образовательное пространство этой энергией, тем богаче закипит в нём жизнь детей.

Педагогическая Любовь велит нам защищать детей. Защищать их нужно:

– от невоспитанных воспитателей,
– от учителей невежд,
– от штампованных уроков и пустых нравоучений,
– от отупляющих домашних заданий,
– от наводящих ужас и страх контрольных и проверок,
– от града отметок и одурманивающих сознание баллов,
– от скуки,
– от насилия учебников,
– от постоянного чувства вины,
– от вынужденной лжи и агрессии,
– от равнодушия,
– от сквернословия,
– от недоверия,
– от посягательств взрослых,
– от «опошляющей реальности»,
– от «торгашеского направления»,
– от чувства собственности,
– от…
– от…

А самое важное: надо защищать детей, каждого Ребёнка от бездуховности и безбожия.

Необходимо защищать:

– от растлевающего влияния средств массовой информации,
– от насилия безнравственных развлечений,
– от пошлых чувств и мыслей,
– от дурных зрелищ и дурной музыки,
– от общественной злобы.

Защищать нужно детей:

– от посягательств государства на своих юных граждан.

Мы же видим, как жертвует государство интересами детей в имя своих политических амбиций.

– Можно ли считать, что рыночный принцип в образовании, или, как говорил К. Д. Ушинский, «торгашеское направление, которое из жизни начало проникать в школы», есть проявление глубочайшей любви и заботы государства о детях?

– Нет, конечно!

– Можно ли утверждать, что искусственноезанижение и стандартизирование уровня подготовки учителей и воспитателей по такназываемым «европейским образцам» есть проявление любви и заботы государства о детях, об их будущем?

– Разумеется, нет!

– Можно ли полагать, что насильственное внедрение в образовательный мир так называемых единых государственных экзаменов, – опять по «западному образцу», – есть проявление самой преданной любви государства к своим молодым гражданам?

– Глупость!

– Можно ли надеяться, что там, где директорами школ, начальниками образования разного уровня, министрами образования назначаются люди с ограниченным сознанием, не любящие, не знающие детей, люди невежды, корыстные, бездушные, – тоже от искреннейлюбви к детям?

– Нет и нет!

– То, что учителя школ, завучи, директора, тонут в отчётности перед начальством, а их Забота о детях страдает бумажной волокитой, бюрократическими инструкциями, постоянными и жёсткими проверками, – всё это исходит от любви к детям?

– Смешно, абсурдно!

Если в мире образования что-либо делается не от любви к детям, не от чуткой к ним заботливости, всё будет ложью, порождающей злобу.

Вот и происходят беды.

– Не было такого ужасающего количества детей-бомжей, а теперь есть.

– Никогда не было такого количества детских суицидов, а теперь есть.

– Никогда не было такого размаха криминала среди несовершеннолетних, а теперь есть.

– Никогда не было национальной вражды и неприязни среди молодых, а теперь есть.

– Никогда не было стольких, содрогающих душу наркоманов, курящих и алкоголиков среди детей, а теперь есть.

– Никогда не было такого размаха детской проституции, а теперь есть.

– Никогда не допускалась к детям порнография, а теперь допускается.

– Никогда не было подпольного бизнеса по торговле детьми, а теперь есть.

– Никогда не было…

– Никогда не было…

Только любовью к детям можно защитить их от этих бед.

Есть тьма.

Есть Свет.

Света мало там, где сосредоточена власть, которая могла бы положить всему этому конец, но у нас пока такой власти нет.

Но кроме власти, в которой пока мало любви к детям, есть добрая воля учителей и воспитателей, которым любовь к детям и их защита Богом предписаны.

Я устремлён в Будущее

Время уходит.

«Полюбите будущее, крылья вырастут», – говорит Великий Восток.

Раньше я не знал эту мудрость, но моя сущность всегда устремляла меня к Будущему.

Когда-то, размышляя о времени, я записал для себя следующие обрывки мыслей:

Будущее – это тот, кто собирает хворост для костра.

Настоящее – это тот, кто зажигает костёр из хвороста.

Прошлое – это тот, кто хранит в золе догорающие угольки.

Будущее – это оправдание Настоящего.

Настоящее – это вечное и непрерывное вхождение в Будущее.

Прошлое – их следы.

Будущее – гнездо мечты.

Настоящее – действие для перетягивания мечты.

Прошлое – архив для них.

Настоящее – ошибка Будущего.

Прошлое – контрольная для Настоящего.

Восторг – это вспышка пламени в душе человека, вызванная неожиданным посещением искры из Будущего.

Радость – это Настоящее, которое, оторвавшись от Прошлого, раньше времени входит в Будущее.

Печаль – это тогда, когда Настоящее не может вдохновиться Будущим, но и не может вернуть Прошлое.

Пессимизм – это тогда, когда Прошлое застревает в Настоящем и не даёт ему двигаться в Будущее.

Скука – это такое Настоящее, которое, забыв о Будущем, роется в золе Прошлого, наблюдая, как гасятся последние искры.

Жизнь – это пламенный танец Настоящего с Будущим, следы которого хранит Прошлое.

Жизнь – это вечное Настоящее, ведомое Будущим, но задерживаемое Прошлым.

Живёт тот, кто спешит перетянуть Будущее в настоящее, не задерживаясь в Прошлом.

Я всегда рвался в Будущее, не думая о том, что оно прибавит мне годы. Стремлюсь в Будущее и сейчас.

Но что я в нём ищу?

Рвусь не к тому Будущему, которое может принести голод, холод, войны и разрушения, безнадёжность и обречённость, злобу и ненависть;

рвусь не к всеобщей «чипизации», глобальному порабощению

населения планеты, не к рекламному рабству, не к вакханалии разврата, разрушению семьи, к торжеству антихриста;

рвусь к тому, чтобы всего этого не было, а было совсем другое, противоположное, светлое.

Сказано: Красота спасёт мир.

А что спасёт Красоту?

Кто, что спасёт Красоту, чтобы весь мир, всё человечество были спасены?

Тучи надвигаются.

Я не знаю, что ждёт наших детей, которых сегодня воспитываем, спустя пятьдесят лет. Так же, как не знали учителя 30–40-х годов, что могло случиться с моим поколением в 90-х годах прошлого века.

Но я люблю детей, и у меня горький опыт. Потому спешу уберечь их от возможных грядущих социальных бедствий и потрясений. Они должны быть готовы к ним, должны найти в себе силы и мужество предотвратить их, противостоять им, одержать победу над ними.

И Мир, и Красоту, и Культуру, и Человечество спасёт только Всеначальная Энергия Любви, которая от Бога. Эту энергию, – она неисчерпаема, – должны набрать в себе и умножить люди и передавать, дарить её друг другу.

Чем больше накопится на Земле Всеначальная Энергия Любви, тем успешнее люди будут эволюционировать, восходить, творить, расширять сознание, открывать сердца, проявлять таланты и нести друг другу свои дары духа.

Я понял, что детей надо любить не только красиво, но с чувством глубокой ответственности за их будущее, их надо любить всей своей жизнью, надо любить их постоянно. А это значит – заботиться о них, о каждом из них, не услаждать их байками о «светлом будущем», а вдохнуть в них мужество бороться против тьмы, учить их самим строить, облагораживать жизнь для себя и для других и защищать её.

Надо, чтобы Ноосфера Земли была защищена всемогуществом Сферы Любви.

Фантазия ли это?

Нет ли на Земле людей, которые верят, что такие времена наступят, но, конечно, понадобятся огромные усилия воли и преданная, бесстрашная устремлённость к цели?

Есть. Есть такие люди.

Возвышенно их называют устремлёнными.

Их называют учителями, воспитателями.

Их называют художниками Жизни.

Называют Учителями Света.

Во власти этих людей – дать всем остальным импульс Любви.
Я хочу быть среди них.

IX. Учитель, вдохнови меня на творчество!

Господи!
Коль вдохновение
на светлое творчество
есть путь и для восхождения,
И для спасения,
Вдохнови меня,
учителя,
на мое учительское творчество
и я вдохновлю своих учеников
на творение светлого и прекрасного.
И помоги мне избавиться от самости и неверия
и от всего того,
что мешает мне принимать
Твою благодать.
О, Господи,
Сделай это немедля,
чтобы не лишил я
своих учеников
ни мгновения
Радости устремления к Свету.
Аминь

Мои мысли о вдохновении

Об учительском вдохновении и учительском творчестве. Вдохновение для меня не есть некое чуждое явление. Я живу вдохновением.

Давно оно стало естеством моего духа, образом моей жизни. Я открыт для вдохновения, а вдохновляет меня всё.

Всё вдохновляет.

Вдохновляют Кавказские горы.

Вдохновляет красота.

Вдохновляют дети, учителя.

Вдохновляет жена.

Вдохновляет моя правнучка Тамусики.

Вдохновляют ласточки,

которые гнездятся на моей веранде.

Вдохновляют цветы, облака, камни, журчанье ручья.

Вдохновляет виноградная кисть на лозе.

Вдохновляет память, мечта, воображение.

Вдохновляют классики педагогики…

Могу вдохновиться даже возмущением, даже грустью, даже неудачей, даже безысходностью, даже несправедливостью.

В общем, вдохновляет меня сама жизнь, которую мне хотелось бы сделать лучше.

Вдохновение меня устремляет.

Куда?

Направление всегда одно и то же – будущее.

Я путешествую во времени как челнок: несу туда из сегодняшнего дня мысли и идеи, чтобы будущее проверило их, поставило на них свою печать одобрения, и спешу обратно ещё более вдохновлённый – надо ускорить время и подтянуть настоящее до будущего; надо жить сегодня так, как хотели бы мы жить в будущем.

На этот раз вдохновила меня моя Фея, которая всегда рядом со мной. Она шепнула мне: «Пиши об учительском вдохновении на творчество, о вдохновении учеников».

Но что это такое – вдохновение?

Хотя оно живёт во мне давно, но мне показалось, что я его совсем не знаю.

Я поспешил к верным наставникам – мудрым книгам, перечитал их, выписал мысли и начал над ними размышлять.

«Надо же, – подумал я про себя, осознав, с чем имею дело, – это же могущество наше – дар вдохновения!»

Что это слово может означать?

«Пойдём к детям, они помогут нам в нём разобраться», – подсказало сердце.

И я пришёл к ним.

– Дети, мне нужна ваша помощь!

– Скажите, и мы вам поможем… – ответили они. Они почувствовали, что надо спасти учителя и вдохновились.

– Что может означать слово «вдохновение»?

– Это же просто, – ответили они мне весело, – вдох нового…

Да, так и написано в одном редком словаре: «Вдохновение – вдох нового». Но дети же не знают его?

– Объясните, пожалуйста, откуда этот вдох нового, вот что я хочу от вас узнать!

Давно я убедился: дети имеют дело с первоисточниками, потому всегда знают, о чём говорят и уверены, что говорят правду. Они удивляются тому, что взрослые этого не знают и не понимают. Вот и сейчас они смотрят на меня с досадой: «Эх, ты, учитель!» И объясняют.

– Как откуда?! От небес… Вдохновение даруют нам Небеса… Небеса вдохновляют…

– Значит, Небеса…

Ведь в мудрых книгах я вычитал о том же! А дети знают о Небесах без книг.

– Что нам даёт вдохновение? – спрашиваю я.

– Как что?! – удивляются они моей непонятливости и спешат объяснить.

– Прибавляются силы во сто, тысячу раз больше…

– Горы можете свернуть…

– Творить будете успешнее…

– Самые интересные люди – вдохновлённые…

– Они смелые…

Тогда задаю им последний вопрос:

– Как мне быть, если пришло ко мне вдохновение? И разом получаю каскад наставлений:

– Действуйте, творите…

– Спешите…

– Берегите вдохновение…

– Делитесь им с другими… вдохновляйте других…

– Увлекайте их за собой…

Я записываю наставления и вижу: то же самое я выписал из мудрых книг.

– Спасибо… – говорю детям.

Они расходятся, но двое задержались. Один говорит мне наставнически, на что, как я тут же убедился, он имел право:

– Вдохновитесь сами и вдохновляйте нас. Тогда увидите,

какое у вас получится воспитание, а у нас – школьная жизнь…

А другой обратился ко мне с искренней просьбой:

– Учитель, вдохнови меня на творчество!

И Фея моя шепнула мне: «Это есть обращение всех детей ко всем учителям».

* * *

Услышал учитель об Огне Вдохновения.

Приходит к нему, а там – хранитель Огня.

– Дай мне огонь вдохновения…

– Кто ты? – спрашивает хранитель.

– Житель земли… – отвечает учитель.

– Не даётся жителям земли вдохновение! – сказал хранитель и не допустил учителя к Огню Вдохновения.

* * *

Чем мы, учителя, обычно гордимся?

Тем, что учим наших детей доступно и прочно.

Но достойна ли такая гордость?

Нет, потому что будущему совсем не нужны люди, которые прочно хранят в себе груз прошлого. Жизнь будет преобразовываться не прочными знаниями людей, а их умением творить прекрасное и устремиться к прекрасному.

Потому каждого из наших учеников надо вдохновлять на творчество, на «путешествие» в будущее, чтобы они научились строить настоящее.

Хватит мечтать о светлом будущем. Надо научиться самим и научить наших учеников перетягивать завтрашний свет в день сегодняшний. Пусть настоящее станет светлым, таким, как нам представляется завтрашний день. Тогда радость ожидаемого будущего станет действительно притягательной.

Знал ли Ребёнок, о чём он говорил, когда обратился ко мне, к каждому из нас, с просьбой: «Учитель, вдохнови меня на творчество!»

Знал, конечно!

Дети многое знают, но становятся бессильными против наших авторитарных рвений. И ломаются. И вместо того, чтобы хватать звёзды с неба, мы пытаемся уподоблять их самим себе.

* * *

Вдохновение…

Этот дар Небес присущ каждому человеку от рождения.

Никто не обделён даром вдохновения.

Но нужен труд души, чтобы он раскрылся в нас.

Нет жизни без вдохновения, учитель, нет той жизни, ради которой мы родились!

Можно много работать, проводить сотни, тысяча уроков, выполнять свои обязанности, честно служить… Всё можно.

Но если всё это не будет пропитано вдохновением, если хотя бы время от времени не посещает нас учительское вдохновение, жизнь наша для нас самих станет тягостной, грустной, мрачной. Мы превратимся в щепку в море жизни. Душа будет томиться.

Нас минует радость учительской жизни, мы не сможем познать красоту нашей профессии, не сможем познать глубину детской души.

Учитель, который не стремится к вдохновению, будет скучным для своих коллег и учеников. От него не будут вдохновляться. И чтобы уберечь представление о себе, он будет вынужден принимать позу строгого и требовательного учителя, или станет своего рода «дружком» для них.

* * *

Учитель черепашек был недоволен своими учениками: медлительные, тугодумы, глупые, им только шалить да играть. «Какие из них получатся черепахи? – грустно размышлял он, – Такие же жалкие, каких много на свете». Учителю было скучно их воспитывать и учить.

Черепашкам **тоже** не нравился их учитель: безрадостный, безжизненный, дальше своей программы ничего не видит. Как только учитель начинал урок, в классе опускались *сумерки*…

Однажды морская волна перевернула учителя на спину. Он измучился, но не смог встать на ноги.

Тем временем стемнело, и он впервые увидел над собой Звёздное Небо.

К счастью, в нём ещё ютился дар восхищения.

– Ооо… – только и вырвалось у него из груди.

Звёзды показались ему его учениками, а Небо – великой жизнью.

В голове у учителя промелькнула мысль: «Как на Небе, так и на Земле», и почувствовал он в себе такой прилив энергии, что воспарил над землёй и полетел к своим ученикам.

Те, увидев своего учителя летающим и услышав от него страстный рассказ о Звёздном Небе, тоже вдохновились мыслью стать Звёздами и познать жизнь Небесную.

Скептиков-коллег оказалось много. Они до сих пор злословят и высмеивают учителя и его учеников за их «глупый» порыв, и не замечают, что у черепашек вырастают крылья.

А ученики со своим учителем не собираются останавливаться на полпути, ибо они познали радость творческого вдохновения.

* * *

Вдохновение…

Это есть действительно чудное состояние духа – возвышенное, надземное.

Само слово «вдохновение» прекрасно это объясняет.

Нас предупреждает мудрость Востока: «Умейте понимать слова в их совершенном значении, иначе такое высшее понятие, как вдохновение, превратится в пустой звук».

В пустой звук могут превратиться и другие высшие понятия, которые вместе с вдохновением и творчеством возвышают нас над землёй и дают нам понять о нашей истинной сущности: совесть, предназначение, совершенствование, любовь, сознание, вера, душа, бессмертие, вечность, беспредельность, человек… Нам надо беречь их истинный смысл, чтобы не потерять Путь в земном бытии. Тем более, нужно беречь и хранить понятия, в которых Высшая Истина: Небеса, Творец, Бог.

Если понятия, в которых Истина, превратятся в пустой звук, то оскудеет смысл жизни, жизнь потеряет смысл.

А разве нет попыток превратить «вдохновение» в пустой звук? Откроем любой словарь, найдём слово «вдохновение», прочитаем: «Вдохновение – творческий подъём, прилив творческих сил». И всё.

Но разве это всё?

И разве в этом заключается полнота истины этого особого и прекрасного понятия?

Само слово «вдохновение» говорит о себе ясно, просто; даже дети знают, как надо его понимать. Вдохновение, говорят они нам, это – вдох нового.

А теперь углубимся в суть «вдохновения»: откуда этот вдох нового происходит? И не побоимся принять ответ из недр нашего сознания: вдохновение происходит извне – «некто вдохнул или из чего-то вдохнулось».

И что дальше?

Пусть наше сознание расширится и дадим в нем волю измерению духовности, чтобы вместило оно основу основ: извне – это значит из Небес. Всё земное, – будь это человек, птичка, облачко, речка, трава, – есть полезные и необходимые посредники передачи или возбудители приёма той высшей энергии, которая называется приливом творческих сил и которая возвышает нас над землёй.

Мы не сможем понять очень многое, может быть, самое существенное, если не поверим и не почувствуем, что над нами есть Живые Небеса, и мы часть их. От Живых Небес мы получаем «явления всех вдохновений». Они, – эти беспредельные дали Вселенной, – дарят нам состояние надземное, в котором переживаем прилив необычной мощи сил творчества. Творческая Вселенная, внутри которой мы существуем, есть источник нашего вдохновения на творчество. Вдохновляемся мы или непосредственно от Небес, или же получаем эту чудесную энергию через людей, через природу, через животных, через вещи, через всё то, что нас окружает…

Зачем нам дарится вдохновение? Дарится оно не для праздности и наслаждений, а с целью: помочь нам ускорить путь совершенствования, ускорить движение человека и человечества к восхождению, сделать жизнь радостней и успешней. Дарится оно ещё и с той целью, чтобы каждый успел в этой жизни проявить полноту своего божьего дара.

Небеса возвышают нас не потому, чтобы потом сбросить нас обратно на землю, разбить нас с нашими мечтами и творениями, а для того, чтобы мы закрепились на новой высоте и помогли тем, которые ещё там, внизу, подняться на более высокий уровень бытия.

Представьте себе, говорят мудрые книги, что такое возвышенное состояние станет постоянным и даст ещё высшее вдохновение – ведь всё бытие тоже возвысится!

* * *

Вдохновение есть высший дар,
оно великое природное качество
и присуще всем людям.
Но оно весьма редкое явление.
Чтобы вдохновение снизошло на нас,
надо самому устремиться к нему.

Во-первых, надо верить в Живые Небеса, верить, что есть Высшие Миры, есть Царство Небесное, есть Бог.

Вера и устремлённость дадут возможность принимать касания Свыше. Так родится искра, которая воспламенит весь наш духовный мир, наполнит его силами и направит на свершение чуда.

Творчество может быть без вдохновения, но оно будет похоже на птицу без крыльев,

Во-вторых, надо, чтобы наше сознание было направлено только к прекрасному и к созиданию прекрасного; только на общее благо; только на творение добра, на строительство эволюционного будущего, на самосовершенствование.

В-третьих, нужно воспламениться возвышенными чувствами – любовью, добротой, терпением, преданностью, отзывчивостью… Всё это предопределяет нашу устремлённость к благу и есть магнит, который притягивает вдохновение. Оно не может нисходить на нас, если мы обуяны беспокойством и раздражением.

В-четвёртых, нам надо мыслить себя не только земными жителями, но и вселенскими. Надо верить, что в нас есть своё предназначение, своя миссия; верить, что мы несём служение Свету, а вдохновение нам нужно для успешного исполнения возложенных на нас задач.

Однако вдохновение ставит перед нами сложные условия, и выдержать их будет нелегко. Но есть одна возможность, которая приблизит нас к нему: это – устремлённость к совершенствованию, и тогда каждый получит вдохновение по мере своих стараний. При устремлённости за одним вдохновением последует другое, более возвышенное. Так мы могли бы стать постоянно вдохновлёнными и устремлёнными к благу и творчеству.

«У людей возвышенного образа мышления, – говорят мудрые книги, – такое вдохновение должно быть не гостем редким, но основою их жизни».

* * *

Видит учитель вдохновленного коллегу.

Завидует.

Опять приходит к Огню Вдохновения.

– Зачем тебе, жителю земли, вдохновение? – спрашивает хранитель.

– Хочу попробовать…

– Не для любопытных оно! – отвечает хранитель и преграждает ему путь к Огню.

* * *

Дорогие коллеги!

Знаете, что мне хочется узнать от вас при встрече с вами?

Вот что:

– Здравствуйте! Как Ваше творческое вдохновение? А при расставании я бы пожелал вам:

– Прощайте! Дай Бог Вам творческого вдохновения! Прошу вас, скажите мне то же самое, если хотите поднять мне настроение.

Да, привык наш язык к выражениям: «Здравствуйте» и далее: «Как ваше здоровье?», «Как дела?», «Как самочувствие?», или «Прощайте», и далее: «Здоровья вам», «Счастья вам», «Удачи вам», «Всего вам хорошего» и т. п. Добрые люди, естественно, искренне желают Друг другу, чтобы с ними всё было хорошо, особенно же – со здоровьем.

Но, пожалуйста, друзья, мои, не надо мне говорить эти слова. При встрече со мной поинтересуйтесь, в ладах ли я с вдохновением, и вы заденете во мне самое живое, и мне захочется рассказать вам, какой со мной происходит подъём, или же сообщу с грустью, что с вдохновением у меня пока не налаживаются отношения. Ваши сорадость и сочувствие подбодрят меня и устремят к цели.

А при прощании пожелайте мне: «Дай бог вам творческого вдохновения», и вы подарите мне импульс к вдохновению. Если, с вашего сердечного пожелания, вдохновение станет моим неразлучным спутником, то оно повлечёт за собой и мое здоровье, и моё счастье, и всю удачу, и всё самое прекрасное, и мне будет хорошо. И сколько бы вы не пожелали мне вдохновения, всё равно никогда лишнего не будет. Скажите мне, шепните мне, как умеют нашептывать ангелы беззвучно, вроде касания ветерка: «Дай Бог вам творческого вдохновения», и вся моя сущность будет вам признательна.

Но почему я говорю только о себе?

Представьте, как это будет прекрасно, если в нашей учительской среде каждый из нас станет для другого добрым, светлым ангелом и научится шептать коллеге: «Дай Бог Вам творческого вдохновения, учитель!» Сердечные пожелания возвысят нас, и жизнь педагогическая потечёт, конечно, успешнее.

А если кто насмешливо улыбнётся и скажет, что это суеверие, пусть так, пусть будет это нашим суеверием. Разве оно не лучше другого суеверия: «Ни пуха, ни пера» и последующего за ним ответа: «К чёрту»?

От всего сердца желаю каждому учителю, желаю с верою, что

свершаю доброе дело:

– Дай Бог Вам творческого вдохновения, учитель!

* * *

Было время, мне и моим коллегам запретили ходить в школу, дарить детям уроки, общаться с ними. И это из-за наших «буржуазных» идей. Я впал в отчаяние.

Можно ли вдохновиться, находясь в отчаянии? Оказывается, можно.

Но надо, чтобы ты умел прислушиваться к своему ангелу, который верят в тебя и любит тебя.

Уметь прислушиваться! Этому дару надо учиться.

Браво тому, кто умеет прислушиваться к голосу сердца, к нашёптыванию своего светлого ангела, к совету доброй Феи. Тот всегда будет спасён, тот осознает своё сегодняшнее отчаяние через завтрашний день и поймёт, что тем самым Бог посылает ему Благо.

Да, то, что меня и моих коллег отстранили от любимых дел, это стало благом для этих же дел. Но те, которые отстранили нас, разумеется, вовсе не думали творить для нас благо. Об этом заботились, надо полагать, Высшие Силы.

Я прислушался к своей Фее и понял: мне даётся время не для отчаяния, а для вдохновения и творчества. «Садись и пиши… Надо успеть», – шепнула Фея.

Я принял этот шёпот как спасение, и сразу почувствовал в себе необычной мощи прилив сил.

Сердце загудело.

В сознании зажглось пламя.

Я затворил окна и пригласил в комнату ночь.

Ночь навеяла на меня тишину и отрешённость от земного.

Включил настольную лампу.

Выровнял перед собой стопку бумаг.

Взял ручку и, не зная ещё, что буду писать, приступил к работе.

И с этого самого мгновения я воспарил над землёю, над настоящим, над моим отчаянием.

Я вошёл в будущее.

Там, над землёю, в будущем я начал иную жизнь – творческую. Кто мог запретить мне войти в школу, которую открыло во мне моё воображение? Дети, учителя, друзья и даже противники – все собрались вокруг меня, чтобы поддержать и поощрить моё творчество.

Огонь вдохновения помог мне развить неимоверный темп жизни. Всё, что происходило вокруг меня, мне казалось прошедшим, вчерашним днём, хотя оно текло параллельно с моим необычным временем.

Радость, которую я переживал, находясь в возвышенном состоянии, была совсем другой – тоже неземной: тихая, мудрая, невидимая, растворённая в творчестве и во времени.

Спустя годы я понял, почему мудрецы говорят, что радость есть особая мудрость. Любовь, которую я там познал, тоже была неземной: чистая, заботливая, поощряющая, она была как волшебная шкатулка мыслей, терпения, страданий и преодолений. Муки, которые достались мне там, были особые: я стремился к ним, в них я рождался, в них рождалось моё творение.

Прошло всего три месяца.

Надземный мир спустил меня на землю вместе с моим даром духа – с книгой «Здравствуйте, дети!».

Я оглянулся: что на земле происходит?

Недоброжелатели отступили.

Школу вернули.

И я вошёл в неё уже не тем, кем был недавно, а совсем другим – вдохновлённым и обновлённым.

Книга скоро ушла от меня к людям, учителям разных стран. Но она оставила во мне живую память о надземном состоянии духа… Я искренне желаю, чтобы это произошло со всеми учителями мира.

Учитель, дай Бог Вам вдохновения на творчество!

* * *

В мудрых книгах сказано: вдохновение есть особое состояние духа.

Со своей стороны добавлю: совсем особое.

Мудрые книги говорят о нём так:

«искра возвышенного подъёма»,

«возвышенное состояние»,

«сверхземное состояние».

Может быть, это есть разные уровни состояния вдохновлённости, но все они прекрасны.

Что нам даёт вдохновение?

Даёт оно две вещи как единое целое: необычно мощный прилив энергии, направляющий нас к творению.

Вдохновение для творения!

Нас влекут большие и благородные дела.

Нас не пугают трудности.

В нас раскрываются способности и таланты.

Мы верим в себя, ибо чувствуем в себе истину.

Нет в нас гордыни, нет злобы, нет зависти, нет самости.

Есть любовь, есть надежда, есть преданность, есть отдача.

Состояние вдохновения не есть состояние опьянения, когда разум слабеет и рушатся ориентиры.

В состоянии вдохновения мы уподобляемся целеустремлённым искателям будущего, чтобы наполнить им настоящее, но с одним условием: это будущее обязательно должно быть лучше, чем настоящее.

В состоянии вдохновения мы становимся, хотя бы в какой-то степени, ясновидящими и яснослышащими.

Спешит к нам на помощь наше чувствознание: оно открывает нам доступ к источникам сокровенных и глубинных знаний, которые хранятся в нас самих.

Мы – энтузиасты, бескорыстные и устремлённые.

Мы не думаем о себе. Думаем о благе и творим благо. Думаем обо всех и о каждом.

Мы возвышаемся.

В нас самих и вокруг нас течёт другая жизнь.

Она действительно светлая, одухотворённая, прекрасная.

Она ещё не наступила на земле, но наши старания могут приблизить её к людям земли.

Учитель, желаю Вам творческого вдохновения!

* * *

Дорогой Коллега!

Вы видели вдохновлённого учителя?

Они есть, их много.

Может быть, Вы есть один из них, но сами этого не знаете.

Я знаю Вас и могу нарисовать Ваш портрет в своём воображении.

Вы женщина невысокого роста. Худощавое лицо.

В глазах Ваших озабоченность и грусть. То и дело они наполняются у Вас слезами. Но они у Вас горят.

Может быть, в Вашей личной жизни что-то не так, но Ваша забота превышает Вашу личную жизнь: как спасти мальчика, больного, калеку, прикованного к коляске, несчастного, ибо его предали, бросили.

В нём не раскрывающийся талант. Горе, как надгробный

камень, давит сверху и не даёт таланту проявиться.

Мальчик чувствует себя никому не нужным.

Ему ничего не стоит откатить свою коляску к пропасти и броситься туда. Он только ищет возможность.

Его нужно спасти.

Именно Вам нужно его спасти.

Но как?

Надо стать для него светлым ангелом!

И Вы забываете о себе, о том, что у Вас тоже есть жизненные проблемы, есть своя личная жизнь.

Душа Ваша, сердце Ваше страдают из-за мальчика: его судьба поглощает Вашу судьбу.

И Вы начинаете жить для него.

С помощью искусства осторожной, нежной любви пробуждаете в нём веру в людей. И хотя его мало кто любит, он прощает и любят всех.

С помощью мудрости общения Вы подводите его к пониманию своего предназначения и долга. В нём зарождается смысл жизни, и пропасть, в которую он собирался броситься, отдаляется от него.

Вы облегчаете ему горе и даёте таланту проявиться, и он уже знает, какие дары своего духа будет нести людям.

Вы поместили в его духовной кельи весь мир, всю Вселенную, расширили его сознание. Он открыл в себе человека и преодолел одиночество.

Он вдохновляется на творчество.

Нет, не картинки рисовать для конкурсов, не трактаты сочинять. Ему не нужно удивлять каких-то дядь. Это мелочи для его возвышенного вдохновения.

Он вдохновлён на творение жизни…

И все это происходит не один прекрасный день, а на протяжении долгих лет.

Он повзрослел, а Вы набрали седину и морщины. Но у Вас он не один: вот ещё другой, вот и третья. Их тоже надо спасать.

И Вы спасаете.

Они взрослеют, Вы стареете.

Светлый ангел так и не нашёл денёк, чтобы подумать о своей судьбе. Может быть, у него и нет своей судьбы, ибо сплелась она в судьбах обречённых.

Светлый ангел побеждает и побеждает.

А глаза его наполняются заботой, грустью, слезами, радостью, заботой, грустью, слезами, радостью, заботой…

Я спрашиваю у Вас:

– Коллега, поделитесь опытом, какую педагогику Вы

применяли?

Вы озадачены, Вам вопрос мой непонятен.

– Ой, какая там педагогика, не было никакой педагогики, – говорите Вы мне.

Нет, у Вас, конечно, есть педагогика, но Вы о ней не думали: это есть педагогика Вашего страдальческого и светлого сердца. Она сама, без Вашего ведома, раскрылась в Вас и направила Вашу жизнь. Она превратилась в Вас в саму жизнь.

Спрашиваю ещё:

– Что Вы скажете о Вашем вдохновении? Вижу, Вы рассердились, потому одёрнули резко:

– Мне было не до вдохновения… Неужели?

Сейчас увидим. Разрешите только на мои вопросы к Вам ответить мне самому вместо Вас.

Итак:

– Вы любили каждого Ребёнка, которого спасали? Что за вопрос! Любили, да еще как!

– Вас тревожила судьба Ребёнка? А как же иначе!

– Заботясь о Ребёнке, Вы забывали о себе? А как же по-другому…

– Вы проливали слёзы над горем каждого? Да, было такое.

– Вы избегали страданий и мук, которые возникали на Вашем пути?

Это невозможно…

– Вы принимали жизнь каждого как свою? Естественно…

– Вы переживали радость спасения их? Великую.

– Почему у Вас опять наворачиваются слёзы? Несчастных много, а Вы один…

– Почему о Вас говорят, что вы не от мира сего? Потому, что многие Вас не понимают,

– А из какого Вы мира? Не знаете?

А я скажу Вам: Вы из мира вдохновения, из надземного Вы мира. Вы находитесь в ином плане бытия – он возвышенный. Для Вас самоотверженность и преданность, как и любовь и горение, естественное состояние. Вас возмутит предательство, но не удивит преданность. Вот почему Вас называют человеком не из мира сего.

Вами движет скрытая сила вдохновения. Вы не замечаете его? Не беда.

Вдохновение – это состояние просветлённого.

Хотите, назову Ваше имя?

Нет-нет?

Так и знал, что вдохновлённому это не нужно.

Услышал учитель упрёк в свой адрес:

«Нет в вас никакого огня!»

Обиделся, затаил злобу.

Отправился к Огню Вдохновения.

– Сколько тебе нужно вдохновения? – спрашивает хранитель.

– Весь Огонь! – требует учитель.

– Не хватит его для твоего вдохновения! – говорит хранитель.

Мучитель опять не прикоснулся к Огню.

«Учитель, вдохнови меня на творчество!»

Кто слышит этот беззвучный глас?

Он есть глас ученика, вот уже сколько веков вопиющего в пустыне образования.

Конечно, не все глухие сердцем.

Кто-то из миллионов учителей уловил этот вопль, его сердце сжалось и, решив обновляться, понёс своим ученикам вдохновение, свободу и творчество.

Так родились светлые островки в океане образования. Но этих «кто-то» было очень мало.

Потому глас вопиющих учеников не прекращался.

Со временем учителей, у которых тоже открылся слух, стало чуть больше и к прежним светлым миркам образования прибавилось ещё несколько…

Теперь начало XXI века.

Стало быть, мы продвинулись дальше, и учителей с тонким слухом стало больше?

Да, их стало больше, но много не стало.

Все они вместе составляют каплю, а образование – океан.

Потому глас вопиющих учеников усиливается всё больше:

Учителя, дайте нам свободу творчества! Учителя, воспитывайте нас в любви!

Учителя, расширяйте наше сознание!

Учителя, подарите нам радость познания! Учителя, помогите нам полюбить жизнь! Учителя, вдохновляйте нас…

Учитель, вдохнови меня…

Вдохнови…

Вдохновляйте…

* * *

Учитель, вдохнови меня на светлое творчество!

Вдохновение – это зажигание свечи, творчество – это горение свечи, а свеча – это Божья Воля. Я есть свеча.

Мне нужно гореть и творить себя, творить мир вокруг себя.

Мне нужно творить вещи, творить отношения с людьми.

Мне нужно творить мысли, идеи.

Мне нужно творить саму жизнь и жить в ней.

Во вдохновении и творчестве познается Вечность и Беспредельность, Истина и Красота, ощущается Дух, ощущается присутствие в тебе Бога.

Вдохновение и творчество есть состояние радости. А я люблю чистую радость, ту радость, о которой вы говорите, что она есть особая мудрость.

Все это, Учитель мой, я несу в себе от рождения, но нужно, чтобы Ты вдохновил меня и пробудил во мне всю мою высшую стихию.

Тогда и только тогда мир увидит, какое на Земле идет поколение детей, и какие оно несет дары духа для землян.

* * *

Дары наши порадуют вас.

Они выправят искаженный вами путь развития человечества и умножат творимые вами блага.

Они рассеют ваши заблуждения и постигнутую вами Истину.

Они отрезвят вас от слепого восторжения достижениями технократного мира и утвердят главенствование Духа и Культуры, Блага и Красоты, Веры и Любви.

Они направят жизнь на мир и созидание, на единение и сотрудничество.

Они ускорят восхождение человечества к Свету.

Однако, Учитель мой, раскрой и расширь мое сознание, буди во мне всю возвышенность моего духа, береги во мне мою совесть, не приучай ее идти против самой себя.

* * *

Учитель, вдохнови меня на светлое творчество!

Однако не пытайся сделать это силой принуждения. Для начала полюби меня и верь в меня. Я откроюсь только тому, кто любит меня и верит в меня. Безграничен мой дух, я все могу. Но надо, чтобы воспитатели и учителя терпеливо и мудро искали подход к тайным дверцам даров моих, открывали их любовью и верой.

Твоя любовь и вера, Учитель мой, вызовет во мне ответную любовь и веру к Тебе, и между нами зародится заветная духовная общность. Это будет означать, что Твоя добрая воспитательная

воля без препятствий с моей стороны может сеять в моей душе, в моем сердце семена прекрасного и вечного. Духовная общность поможет Тебе воодушевлять и вдохновлять меня, я тогда Ты дашь моему всемогуществу проявиться в творчестве, а я стану Твоим помощником в своем жевоспитании.

* * *

Учитель мой, стань для меня убежищем!

Я нуждаюсь в защите.

Нынешний мир земной опасен для меня, я слаб и он может разрушить мой чистый и неокрепший мир. Защити меня, Учитель! Защити от всего дурного, что недостойно человеку.

Не дети несут миру пороки, вроде разврата, злобы, зависти, ненависти, жадности, алчности, соблазнов, грубости, хамства, сквернословия, войн, раздоров, наркомании, курения, алкоголизма, бессердечия, убийств, грабежей… Это взрослые своим неразумением сотворили муть, оскверняющую дух человеческий.

Я боюсь дурно воспитанных взрослых, Учитель! Их я встречаю на каждом шагу и они зазывают меня в свое темное логово, соблазняют. Потому спаси меня, Учитель, стань для меня убежищем и не дай никому загрязнять мои чистые устремления к Свету.

* * *

Учитель мой, вдохнови меня на светлое творчество!

Вдохнови на дружбу и преданность, на долг и служение, на взаимопонимание и единение.

Вдохнови на справедливость и великодушие, на расширение своего сознания и понимание мироздания.

Вдохнови на восприятие веры и познание самого себя, на поиск смысла жизни и своего предназначения.

Вдохнови на смелость и мужество в совершении благородных дел.

Вдохнови на возвышенную любовь и на творение добра.

Вдохнови на творение красоты жизни, красоты семьи, красоты воспитания собственных детей.

Вдохнови на познание наук, дай мне искать истину в любви и красоте.

Вдохнови меня на мышление, дай мне полюбить мышление

и вложи в меня ответственность за свои мысли.

Вдохнови меня на осознание Высших Сил, воспитай во мне благоговение перед природой и взращивай во мне заботу о человечестве и о своей семье, о планете Земля и о своем доме, обо всех и о себе.

Вдохнови меня Культурой и устреми меня на ее защиту и умножение.

Дай мне понять свою причастность к строительству Космоса, понять величие человеческого духа.

Учитель, вдохнови меня на творение в себе Человека Духовного, Человека Благородного и Великодушного.

* * *

О, милый Учитель мой!

Прошу Тебя, не прикасайся ко мне без любви и без веры в мои способности.

Отходи от авторитаризма.

Не пытайся стандартизировать меня и не дай никому стандартизировать Тебя.

Сожги в себе страх перед начальством.

Сними с лица ложные маски строгости, недоверчивости.

Отгони от себя всякие мысли, унижающие Твое высокое достоинство.

Сдавай в архив свое раздражение и злобу.

Не дави на меня отметками, контрольными, тестами, экзаменами, соревнованиями, конкурсами.

Не тащи меня к знаниям, не заставляй зубрить, учиться без охоты.

Не смотри на меня как на липшего человека в жизни.

Не приходи ко мне без вдохновения на творчество и самосовершенствование.

Все эти недоразумения авторитарности роят пропасть между мной и Тобой, они делают нас глухими друг для друга.

* * *

Милый мой Учитель, вдохнови меня на творчество!

Будь героем духа и я пойду за Тобой!

Живи по закону: Утверждающий богат, отрицающий беден.

Излучай сердечную улыбку!

Гори в творчестве и обновлении!

Одухотворяй свои педагогические намерения искренностью и преданностью!

Дай мне постигнуть счастье, что у меня есть свой Учитель, что я у Тебя один такой ученик!

Всегда будь рядом со мной, дай мне чувствовать, что я защищен Тобой!

Верь в меня и люби меня!

Так Ты станешь источником моего постоянного вдохновения на творчество и созидание.

Оправдание всех Твоих мытарств – это я, это мы – дети Света.

* * *

Оглянемся вокруг внимательно: что происходит с образованием в начале третьего тысячелетия? Не властвуют ли в нём силы, которым вовсе не хочется, чтобы учителя и их ученики были вдохновлены на творчество?

Творчество – понятие великое.

Оно – основа всех основ нашего бытия – земного и надземного.

Творчество – суть личности: смысл жизни и путь совершенствования.

Вся Вселенная, вся Природа зиждется на творчестве.

Может ли человек не творить? Мудрые книги гласят:

«Истинно, человек есть высшее проявление Космоса.

Истинно, он выбран нареченным строителем и собирателем всех сокровищ Вселенной.

Истинно, название „человек“ означает утверждение творчества».

Может ли такое высшее существо во Вселенной не творить?

Нет, не может!

Человек так сотворён: творчество есть его естество.

Мысль даётся ему только для того, чтобы он творил.

Только через творчество он познает и совершенствует себя и становится строителем беспредельной Вселенной.

Человек сотворён для творчества, а не для рождения и смерти.

И он творит.

«Творит непрестанно, сознательно или несознательно, действенно или мысленно; в бодрствовании или во сне человек продолжает творить, тем самым исполняя своё предназначение».

В творчестве человек проявляет Волю Бога.

Чем больше человек творит, чем сильнее он устремлён

к Свету, тем больше он совершенствуется и возвышается.

Но что же будет с человеком в таком образовательном мире, где учителя сами не вдохиовляются на творчество и потому не могут (и не считают нужным) вдохновить своих учеников?

Будет то, что уже есть.

Человек не может не творить – это закон.

Но чтобы обрести путь восхождения и совершенствования, он должен творить добро. Если этот закон нарушается в мире образования, то наши ученики сами научатся творить зло. Они вырастут знающими людьми, но злыми, завистливыми, злобными.

Вырастут!

Это не значит, что пока они будут расти, они не будут упражняться в делах падшего ангела.

Кто взвесил, кто сосчитал, сколько в школах наглости, злобы, ненависти, недоверия, предательства, коварства, жестокости, вещизма, национальной и религиозной неприязни?..

А суициды?

Наркомания?

Алкоголизм?

Сквернословие?

Развращённость?

Беспризорность?

Бомжевание?

Фашизм?..

Это всё тоже вдохновение и творчество, но тьмы.

Вытесните из школы вдохновение на светлое творчество, и вдохновение на тёмное творчество само расцветёт.

Сорняки растут сами, растут бурно. За ними ухаживать не надо. Заботы немалой требуют розы, тюльпаны, гвоздики, лилии…

* * *

Ведется тонкая мировая агрессия против образования.

Тьма не может присвоить понятие образования, ибо оно означает: раскрытие образа Творца в растущем человеке. Но она умеет лживой улыбкой внедряться в него, умеет быть невидимой влияющей силой, умеет наряжаться и представляться как благодетель, умеет прибрать к себе власть и диктовать свою волю. Тьма умеет и делает все это.

И многие из нас даже вдохновляются на творчество, думая, что во имя Светлого. А на деле получается, что исполняют волю

тьмы. Это называется заблуждением.

Скоро об «ЕГЭ» будем говорить с любовью и ласково, ибо преподносится он как спасительная сила справедливости, как отцовская забота государства о своих Любимых молодых гражданах, как грозила коррумпированности в образовании.

Хотя пока мы ещё знаем (но можем забыть), что он есть зло, он творит и сеет только плохое, и если кто-то торжествует тем, что он есть в нашем образовании, то это не общество, не родители или их дети, не учителя, я те, кто его внедрил. «ЕГЭ» не поможет кого-либо вдохновить на светлое творчество: ни учителей, ни учеников, а значит поощряет творчество тьмы.

* * *

Где-то в «счастливых» «пилотных» регионах в практике школ постепенно и нежно прививают службу, – смотрите, какое загадочное название у этой должности, – обмудсменов. Да, те, которые вводят «новшество», знают, как нужно затуманивать сознание людей, чтобы они в Бабе-Яге признали Спящую Красавицу. Обмудсмен зорко следит за всем, что происходит в школе; а особенно, у него профессионально развит слух: он подслушивает, где о чём шепчутся, кто с кем дружит или ссорится, или крайне внимательно выслушивает предательские доносы учеников о своих учителях и родителях: кто-то задал ученикам лишнее задание, кто-то завысил голос, говоря с учеником, кто-то отошёл от программы, где-то в семье не купили мальчику желанный мобильник, не отпустили гулять с «друзьями», запретили курить и т. д. и т. п. Виновные будут наказаны. Обмудсмен – уполномоченное от государства лицо, он имеет власть и он всегда прав.

Чему будут учиться ученики, имея такого «защитника»? Назовём вещи своими именами: будут учиться предательству, мщению, клевете, доносам, стукачеству. В этом направлении и будут они вдохновлены на творчество. И какое это творчество? Неужели кто-то скажет, что Светлое? Нам объяснят, что обмудсмены защищают права детей, регулируют отношения, устанавливают порядок. Мы же наивные люди? Вот и поверим в эту свистульку. Но мы ещё из пугливых, и какой учитель, напуганный и загнанный в рамки, будет вдохновляться режимом обмудсменов и вдохновит своих учеников на светлое творчество? Он скорее всего даст самому себе наказ: не связываться с обмудсменами, и придёт к ученикам как тысячелетняя мумия: ни к чему не придерёшься, но и светлого вдохновения

на творчество от него не жди.

Ой, придумал бы кто-то, ввел бы в мир образования должность добрых феев, светлых ангелов, вдохновителей! Какая от них была бы польза и с какой бы радостью учителя принимали бы их – учились бы у них, вдохновлялись бы от них, возвышались бы с их помощью!..

* * *

Кто ещё не наслышан, что на Западе расцветает власть так называемой ювенальной юстиции? Может быть, нам тоже завести её, чтобы «независимые» и наделённые всеми правами органы занялись рассмотрением наших отношений с собственными детьми? И как красиво на чужом языке – «ювенальная юстиция»! Однако мало кто подумает о том, что это есть карательная система, которая стала на Западе кадаврой, монстром, грозилой; из-за неё тысяча семей лишаются родительских прав, и это происходит, как правило, против воли самих детей.

Ну как? Завести нам срочно ювенальную юстицию, чтобы «догнать» Запад, не «отстать» от «продвинутых» стран? Нам помогут в этом наши депутаты всех уровней, они примут готовые законы. Поможет Запад – подготовит нам специалистов, западные банки охотно дадут ссуду на это дело. И, конечно, государство выделит финансирование в объёмах многих миллиардов.

Однако беспокоиться нам из-за этого монстра не следует. Уже нашлись облечённые властью люди, которые этим занимаются. Они сперва подготовят «общественное мнение», то есть, введут общество в заблуждение по поводу истины ювенальной юстиции: «докажут» нам, что ювенальная юстиция единственная спасательная сила в защиту прав детей. И эти права будут защищаться по образцу Запада: путем вдохновения и детей, и взрослых на тёмное творчество.

* * *

Образование стандартизируется.

Стандартизируются люди.

Вместо того, чтобы возвеличивать воспитание в наших детях благородства и великодушия, из образовательного мира целеустремлённо, методично вытесняется воспитание.

Всё делается как будто для воспитания подрастающего поколения, но по сути делается всё, чтобы именно воспитание не состоялось. Из педагогической сферы оно – питание духовной оси растущего человека – переносится в сферу юридическую.

* * *

Середина восьмидесятых годов прошлого века.

Переделкино – дачное место писателей под Москвой.

Уютная дача писателя Анатолия Рыбакова. Одноэтажный особняк, красивый. Обустроен просто, по-деревенски. Дворик небольшой, с калиткой.

Писатель уступил нам, учителям, домик на три дня.

Середина осени.

В небольшой столовой в кругу сидят:

Владимир Фёдорович Матвеев, главный редактор «Учительской газеты»;

Симон Львович Соловейчик, педагог и писатель, сотрудник «Учительской газеты»;

Михаил Петрович Щетинин, создатель щетининской школы;

Софья Николаевна Лысенкова, учитель начальных классов;

Евгений Николаевич Ильин, учитель литературы;

Владимир Фёдорович Шаталов, учитель математики;

Борис и Елена Никитины, муж с женой, создатели нового опыта по семейному воспитанию;

Игорь Павлович Волков, учитель труда;

Шалва Александрович Амонашвили, организатор массового педагогического эксперимента в Грузии.

Встречей руководят Владимир Федорович Матвеев и Симон Львович Соловейчик.

Три дня делимся своим опытом, выискивая новые идеи, которые, в конце концов, синтезировались в двух понятиях: сотрудничество и сотворчество. Но решили, что сотворчество должно следовать за сотрудничеством. Надо, чтобы учителя сперва освоили педагогику сотрудничества, а потом предложить им педагогику сотворчества. Синтез их создаст более возвышенную педагогику, которую я тогда называл гуманно-личностным подходом к детям.

Так, с лёгкой руки Симона Львовича Соловейчика, был написан наш общий манифест – «Педагогика сотрудничества». Он был опубликован в «Учительской газете» и вскоре вызвал, с одной стороны, восторг тысяч и тысяч учителей, с другой же, возмущение и негодование партийных и государственных

властей, а также ярых сторонников так называемой официальной, то есть, авторитарной педагогики.

Вслед за манифестом началось повсеместное движение учителей за педагогику сотрудничества. Действительно, учителя были вдохновлены на творчество, они восстали против бесправия и рутины в образовании. На волне такого подъём был создан Творческий Союз Учителей огромной страны.

Творческий!

Творчество и свобода создают целостное состояние духа.

Нельзя быть творческим, но рабом в духе.

Свобода существует только, – только! – для творчества и созидания, а не для абсурда.

Свобода и творчество создают высшую организацию жизни, а не своеволие и насилие.

Свобода есть познанная необходимость, и путать её с хаосом нельзя.

Учителя, которые обрели в себе свободу, и вдохновлённые на творчество, возвышали образование, воодушевляли и вдохновляли своих учеников на познание, на самовоспитание.

Так было в 80–90-е годы XX века.

Жизнь изменилась.

Изменилась она сразу, грубо, с грохотом.

Она разрушилась.

На её место пришёл иной строй.

Закрепил ли он за учителями право на творчество, которое завоевали они в борьбе с рутиной?

Ждали, что это так и произойдёт. Но произошло совсем обратное.

Этот строй во сто, в тысячу раз больше глагольствует о свободе, но во сто, тысячу раз коварнее противодействует свободе творчества в образовании. Само понятие «Педагогическое творчество» всё более становится неудобным. Зато универсализируются понятия, которые несут смысл стандартизации и ограничения учительской самобытности, вроде «технологии образования». Технология есть система жёстких предписаний, она принуждает, подчиняет себе волю учителя, потому вдохновлять его на творчество не может и не будет.

Государство, – теперь уже капиталистическое, – во сто раз жестче контролирует образование, чем это было в любых других формациях, властно принуждает учителей выполнять его предписания.

Что может вдохновить учителя?

Может быть, система аттестации? Но её учителя боятся как огня.

Может быть, постоянная тревога и страх остаться безработным?

Может быть, давление правящей партии принимать её сторону?

Может быть, «новые образовательные стандарты»?

Может быть, единые государственные экзамены, которые стали проявлением государственного недоверия к учителю и источником новых видов коррупции?

Этих «может быть» так много, что в них светлое вдохновение выглядит как утопающий в бушующем океане. Без самоотверженных спасателей оно может погибнуть.

Что же предлагается ученикам для вдохновения на творчество?

Предлагается всепроникающая тёмная страсть, вознесённая в святой закон капитализма: конкуренция. Как ни называй её здоровой, суть её всегда будет одна: кто кого утопит.

Конкурсы, соревнования раскачивают образовательный мир – они всюду, постоянно.

Надо завоевать грамоты, медали – они пригодятся!

Надо победить где-то, занять первое место, призовое место – это будет иметь значение!

Отбираются «лучшие», «самые талантливые», «самые умные», «самые сильные».

Они нужны капитализму.

Кому сейчас объяснить, что всякие конкуренции и соревнования есть мощная разрушительная сила в образовании? Как бы красиво они не выглядели, какими бы грамотами и премиями не награждались победившие, они могут говорить только об одном – о подмене истинных ценностей лживыми.

* * *

Чувствует учитель: трудно ему с учениками.
Раздражается. Опять спешит к Огню Вдохновения.
Спрашивает хранитель: – Что дашь взамен?
– Бери, что хочешь!
– Не знаешь цену вдохновения! – говорит хранитель.
И отправляет его обратно.

* * *

12-летний мальчик растёт без отца.

Видит, как мама разрывается на части, чтобы зарабатывать на хлеб для трёх детей. У неё нет средств платить за «дополнительные образовательные услуги» для детей.

Мальчик переживает о состоянии семьи.

Увидел по телевизору конкурс на необычные трюки. Ведущий постоянно кричит: «Кому достанется 100 000! 100 000! 100 000!»

«Приму участие в конкурсе, выиграю 100 000 и помогу маме», – подумал мальчик

Он «вдохновлён» этой мыслью.

Но что же такое необычное показать членам жюри конкурса?

Он решает учиться делать сальто в тайне от всех, на крыше 4-этажного дома.

Первая же попытка закончилась трагедией. Он упал с четвёртого этажа, сломал позвоночник и на всю жизнь стал тяжёлым инвалидом, обречённым на неподвижность.

Те, кто возмущён такими конкурсами, говорят: «Надо запретить провоцировать детей на конкурсы и на страсть к деньгам. Конкурсы и соревнования губят их душу и тело».

Но организаторы конкурсов, – конечно, у них есть свои корыстные цели, – возражают: «Глупый мальчик… Надо было не на крышу лезть, а тренироваться в спортзале под наблюдением хорошего тренера».

* * *

А это история о 14-летних подростках.

Учительница математики постоянно была ими недовольна, ставила двойки, обещала испортить им жизнь, унижала и оскорбляла.

Девочки сговорились наказать учительницу: они написали на зеркале – «Вините нашу учительницу математики». Взялись за руки и выбросились с 10-го этажа.

Конечно, погибли.

Те, кто знает смысл творческого вдохновения, говорят с возмущением: «Пора сменить учительское издевательство на гуманную педагогику».

А учительница математики не считает себя наказанной. «Я ведь ради них самих старалась».

Те же, которые вынашивают и осуществляют скрытые цели, молчат, ибо в образовании для них всё идёт своим чередом.

* * *

Парню 17 лет.

Скоро надо будет сдавать ЕГЭ.

Родители не могут нанять репетиторов, но требуют от него обязательно добиться успехов. Он старается, но боится.

Наступает день первого экзамена. Отец предупреждает:

– Не сдашь, пеняй на себя…

Мама говорит:

– Не сдашь, лучше не возвращайся домой…

Вот такие у него родители.

Сказали они это в шутку? Всерьёз?

Парень пришёл в школу, где проводился экзамен. Школа не его, чужая. Видит, с какой придирчивостью и недоверием проверяют, изымают шпаргалки, мобильники. Конечно, никто никого приветливо не встречает, не желает успеха, не подбадривает, не улыбается.

Страх и неуверенность в себе усиливаются. А там – родители… Он в смятении. Недалеко пруд, Он идёт к пруду…

Те, кто понимает, какое это зло – ЕГЭ в образовании, требуют, чтобы его немедленно упразднили.

Те же, которые служат скрытым целям и упрочению государственной власти в образовании, равнодушно поясняют: «Глупый мальчишка… Хоть попробовал бы сперва сдать экзамен…»

* * *

Мальчику 11 лет. Он милый, красивый, добрый, старательный.

В классе его любят, он – душа ребят.

Он один у своей бабушки. Нет родителей. Что стоило учительнице литературы вдохновить его на творчество? Он бы стихи начал писать, стал бы прекрасным чтецом, играл бы в школьных спектаклях.

Но учительница сама вдохновлена злом: злорадствует, когда ставит двойки, издевается над жертвой.

Монотонное объяснение, опросы и контрольные, вот все основы её личной педагогики. Оскорбления для этой педагогики – норма. Вот и оскорбила мальчика, обозвала его дурными словами перед классом, перед девочками.

Мальчик не смог перенести оскорбления.

Он уходит из школы,

находит полосу железной дороги,

кладет голову на рельсы,

рядом на шпалах – школьный портфель,

и электричка…

Те, которые знают, что авторитаризм в образовании есть зло, возмущены.

Учительница литературы оправдывается: «Я же ради него самого…»

Но те, в руках которых тёмная власть, молчат: для них всё в порядке вещей.

* * *

Все знают: директор Павлышской средней школы Василий Александрович Сухомлинский был человеком, вдохновлённым на творчество. Его высокое вдохновение заражало всех учителей, всех учеников. Вся школа Сухомлинского была вдохновлена на светлое творчество, она потому и прославилась по всему миру.

А теперь вообразим такую редкую действительность.

Решил молодой директор вобрать в себя сердце Сухомлинского и восполнился вдохновением. «Устремлю учителей и учеников к Свету», – подумал он. Оставалось одно: терпеливо, с применением всех добрых принципов сотрудничества привлечь к своим творческим планам учителей, учеников, родителей, вселить в них вдохновение и устремить к цели.

Но зададим вопрос его начальнику:

– Как бы вы отнеслись к возвращению в школу Василия Александровича Сухомлинского?

Что же он нам ответит?

Не надо сомневаться, он нам скажет:

– Я бы приветствовал… Нам нужны директора вроде Сухомлинского…

Но мы не услышим, что он скажет в сердце. И в этом тоже не надо сомневаться, там он верен тьме, потому даст самому себе обет: «Пусть только посмеет вернуться, своими руками задушу». Ему не нужен директор, который может в тысячу раз лучше своего начальника руководить школой.

Скажем ему:

– Вот молодой директор, он вдохновлён Сухомлинским. Вы дадите ему свободу творчества?

Что он сделает на этот раз? Улыбнётся, выразит радость и даст нам обещание:

– Разумеется… Будет оказана всякая поддержка… – Но опять не услышим, что он скажет в душе. А там он скажет: «Удушу его

в паутине власти».

Наивный молодой директор, воодушевлённый «поддержкой» начальника, готов горы свернуть. Ему не терпится приступить к творчеству.

Но первым делом надо включить компьютер и просмотреть электронную почту: а вдруг там приветственное письмо начальника, поздравления, добрые мудрые напутствия, выражение радости, что в школу пришёл человек с сердцем Сухомлинского.

Ничего такого он там не обнаруживает. Ну что же, начальникам не до поздравлений из-за всякого там творческого вдохновения.

Зато на экране красным цветом мерцают приказы, предписания, распоряжения, задания, требования, и все они с намёками на угрозы и наказания, если не будут исполнены срочно, немедленно.

Срочно отправить группу детей чтецов на районный конкурс…

Срочно представить команду на спортивную олимпиаду…

Срочно представить расписание уроков…

Срочно представить список участников…

Ваша школа пропустила выставку, вам списали 10 баллов…

Немедленно сообщить…

Совещание директоров, явка обязательна… Семинар для директоров, явка обязательна… Срочно выслать сведения о количестве… Немедленно представить отчёт… Присутствовать на торжественной церемонии… Директорам сегодня запрещено покидать школу…

Готовиться к конкурсу, который пройдёт…

Участвовать в соревнованиях…

Немедленно сократить штатное расписание…

Немедленно примите меры…

Мы вас предупреждаем: если это повторится…

Вчера ваша команда…

Молодой директор не успевает разобраться во всей этой паутине, а сверху разное начальство не устаёт плести её новыми приказами, поручениями и угрозами…

Голова его набирается хламом.

Вдохновение вот-вот лопнет…

Кто осмелится назвать этот тёмный поток управленческой власти заботой о вдохновении директоров и учителей?

И кто скажет, что начальники, раз они творцы такого наводнения в образовании, светлые люди?

А те начальники, те министры, премьеры и президенты,

которые нижестоящим разрешают такое творить, кто они?

Что сделает этот молодой директор, вдохновлённый Сухомлинским?

Может быть, отвернётся от экрана компьютера и гневно воскликнет: «Тьма, во тьму уйди… Сгинь… Сгинь…»

Тогда ему нужно будет «с оружием в руках» идти до победного конца. Только пусть поймёт, что борьба будет неравная и нелёгкая. Могут оклеветать его, как оклеветали Сухомлинского, могут отстранить от должности, как «не справившегося». Могут даже наградить, как Сухомлинского, чтобы тем самым выглядеть перед миром честными и чистыми.

Но пусть молодой директор знает ещё, что мы готовы следовать за ним, мы его поддерживаем, нам нужно от него вдохновение на возвышающее нас с учениками творчество.

Потому скажем ему от всего сердца: «Желаем вам победы в защите вдохновения в педагогическом творчестве! Мы с вами!»

* * *

Учителю предстоит открытый урок.
Взволнован. Надо же блеснуть перед коллегами!
Обращается к хранителю Огня Вдохновения.
Спрашивает он строго:
– Что будешь творить?
– Открытый урок… – отвечает учитель.
– Не для самости вдохновение! – говорит хранитель, и учитель опять уходит ни с чем.

* * *

Раскрой, учитель, ладонь своей левой руки и запиши на ней несмываемыми чернилами указ для постоянного исполнения:

«Чем преображается дух?

Творчеством импульса.

Чем восходит дух?

Творчеством устремления».

Указ этот не даст тебе ошибиться в своих думах и действиях, и ученики обнаружат в тебе источник для своего вдохновения на творчество.

Вдохновленный от тебя ученик полюбит тебя, и это защитит его от дурных влияний. Он устремится к созиданию красоты

внутри себя и вокруг себя, и он почувствует смысл жизни. Он будет радоваться познанию и своему духовно-нравственному взрослению, и он утвердится в социуме. Он найдёт себя, откроет могущество воли.

Вдохновлённый на творчество и влюблённый в своего учителя ученик не будет вешаться, не будет тянуться к дурной кампании, не будет помышлять зло… Он защищён вдохновением на творчество.

Это так будет.

Но кто сосчитает, из миллионов школьников сколькие защищены этим могущественным щитом духа?

Учитель, посмотри на свою ладонь, вспомни указ для немедленного исполнения и устремись к цели.

И пусть весь мир пожелает тебе вдохновения на педагогическое творчество.

* * *

«Учитель, вдохнови, меня на творчество!» Вас давно преследовал этот зов, Коллега? Зов нуждается в отклике.

Я знаю Вас и могу понять Ваши переживания, Вы долго не находили ответа; чем откликнуться, что предложить?

Зов, казалось бы, простой – «Вдохнови на творчество!», но как это сделать, чем и как вдохновить?

Вы долго, – не год, не два, а больше, – мучились, ибо зов ученика проходил через Ваше сердце и просил о помощи.

Именно о помощи, ибо вдохновлённый на творчество имеет Путь, а Путь есть и счастье, и спасение.

Вы сами не раз обращались за помощью ко всему миру: «Как вдохновить учеников на творчество, кто знает? Научите, спасите меня и моих учеников!»

Читали научные книги по педагогике, по методике, по психологии, по философии. Но в них о вдохновении ни гу-гу, а творчество было заключено в золотой рамочке: «за черту не переходить».

Тогда Вы берёте другие книги – мужественные книги. Они и направили Ваш сложный поиск.

«Вдохновение заразительно», – было сказано в них.

Вы ищете общество вдохновлённых людей. Нашлись такие люди. Они приняли Вас, улыбнулись Вам, и бы почувствовали, что в Вас что-то начало зреть.

«Каждый, позаботившийся о своём сознании, может получить этот высший дар».

И Вы упорно следите за Вашим сознанием, приручаете его и приучаете к расширению. Понятие духовности начинает верховодить Вашим сознанием, оно направляет мысли на дальние поиски.

На какой-то странице какой-то из этих книг перед Вами возникла мысль, как камень преткновения:

«Мыслите себя

Не земными жителями,

Но вселенскими».

Ваша скромность настораживается: возвеличивать себя? Нельзя, неудобно, что скажут люди?

Но сердце подсказывает: «А мы никому говорить об этом не будем…»

Всё же земная ложная скромность не отпускает Вас: «Как это так – я вселенский житель?!»

Да, камень тяжёлый, споткнёшься – и дальше тебе пути не будет.

Спешат помочь Вам ученики. Они окружают Вас и хором просят: «Учитель, вдохнови нас на светлое творчество!»

Тем самым они говорят Вам: «Нам плохо, учитель… Нам трудно жить в скуке… Дай нам импульс к смыслу жизни!»

А сердце наставляет: «Если ты устремлён к поиску вдохновения, то дай твоему сознанию понять, что ты есть гражданин Вселенной. Иначе Небеса останутся закрытыми для тебя».

И сознание Ваше преобразовывает Вас: Вы начинаете смотреть на мир с чувством вселенского терпения, смотрите на мир из будущего.

Камень преткновения прёодолён.

Мысли же из книг всё больше приближают Вас к надземному состоянию духа.

«Молитва есть вдохновитель к знанию. Каждый, кто осознал величие такого собеседования, неминуемо начнёт устремляться к познанию», – сказали Вам книги.

Молитва Ваша сердечная, искренняя: «Господи, вдохнови меня на достойный отклик на зов моих учеников…»

Искры вдохновения начинают Вас посещать.

Лишь бы задержать одну из них и зажечься от нее!

Оказывается, нужен случай: нужные люди, нужная обстановка, нужный настрой, нужное слово, прозвучавшее в пространстве в нужное время…

И этот случай настал.

И вдохновение мгновенно охватывает всю Вашу сущность. Оно возвышает Вас в сверхзсмном состоянии, сознание озаряется

и всё в душе переворачивается.

Ваше сознание цепко схватывает идею, а необычная мощная волна рвётся к её воплощению.

Вот, оказывается, какое это внеземное состояние духа – вдохновение на творчество!

Оно уже не отходит от Вас, держит Вас высоко, Вы отречены от всего лишнего.

В Вас творится отклик на зов ученика: «Учитель, вдохнови меня на творчество!»

Отклик…

Вот тебе отклик, ученик, отклик учительского вдохновения!

Тебе нужны не мёртвые науки, – мертвая физика, мёртвая биология, мёртвая математика и тому подобное, – а живые!

Тебе нужна Физика, которая любит тебя, Математика, которая обожает тебя, Биология, которая души в тебе не чает…

Тебе нужны науки, которые заботятся о тебе и существуют для тебя, а не наоборот.

Они должны уметь говорить с тобой на особом языке, наиболее понятном тебе – на языке сердца.

Тогда ты поймёшь их, а раз поймёшь, конечно, полюбишь их и вдохновишься на творческий диалог с ними.

Это принесёт тебе радость жизни и, в какой-то степени, приблизит к пониманию смысла жизни.

Ты доволен? Физика языком сердца! Биология языком сердца!

Вдохновение заразительно, и кто-то преподнесёт тебе: Математику языком сердца, Слово языком сердца, Химию языком сердца, Историю языком сердца.

Будет всё это.

Ты только не уставай, возноси свой зов, чтобы услышали другие тоже: «Учитель, вдохнови меня на творчество!»

Но учителю, который уже вдохновляет тебя, пожелай, чтобы он и впредь оставался в своём надземном мире вдохновения и туда же возвышал тебя.

* * *

А вы знаете, какой у нас Начальник? Вот что я вам скажу: у нас всё получится, потому что Начальник-то у нас необычный!

Это не тот начальник, которого вы имеете в виду. Раз начальник, ему бы сидеть в своём уютном кабинете, звонить и отвечать на звонки, вызывать подчинённых и давать поручения. Когда нужно, завысить голос, говорить строго, в приказном тоне,

капризно, с намёком на свою власть. Пусть подчинённые побаиваются его. Можно посетителей заставить ждать в приёмной часами… Он же начальник! А начальникам положено вести себя так. Во всяком случае, так нам запомнился прежний начальник.

Но Этот у нас совсем другой.

Он как ртуть, которая то распадается на множество мелких шариков, то опять собирается в единое целое.

На Его круглом лице всегда сияет добродушная улыбка. Она у Него пленительная.

Голос спокойный, располагающий.

Глаза светлые, смотрят прямо, обласкивают вас.

Речь умная, мудрая, вдохновляющая.

Никогда никому ничего навязывать не будет, но вдохновлять умеет.

Мы Его обожаем.

Он начальником называется, на самом же деле работает вдохновителем.

Он всё время в школах. Но не для того, чтобы проверять, а для того, чтобы вдохновлять, воодушевлять. Вдохновляет и отдельных учителей, и целые коллективы.

Любит общаться с учителями. По крупицам собирает всё наше творчество. Восхищается и радуется нашим находкам и успехам. Берёт у нас разрешение, чтобы о них рассказать другим учителям.

Сам тоже подарит какую-нибудь идею, но так, что обязательно среди нас окажется учитель, который воодушевляется и, может быть, в его жизни начнётся обновляющее совершенствование.

Он не умеет приказывать и навязывать, но любит показывать и привлекать.

Однажды Он пригласил нас поучаствовать в Международных Педагогических Чтениях. Желающие поехали в Москву на автобусах. Вернулись очарованные и вдохновлённые: три дня они обсуждали учительскую улыбку. Эту новую Улыбку привезли они с собой, и жизнь начала меняться.

Через год опять повёз учителей на следующие чтения. И это стало нормой. Получилось, что учителя, вдохновлённые идеями гуманной педагогики, развернули бурную творческую деятельность: от вдохновлённых учителей вдохновились на творчество ученики.

И всё это – от нашего вдохновителя, который называется начальником.

Чем Он нас вдохновляет? Улыбкою своею.

Тем, что сам вдохновлён и вдохновляется от нас. Тем, что

делится с нами своей властью, Тем, что даёт нам свободу творчества. Тем, что защищает нас.

Тем, что Он любит нас, а мы полюбили Его. Он у нас умный, мудрый, начитанный.

Вот какой у нас начальник – вдохновитель районного образования.

Поэтому ещё раз уверяю всех: у нас всё получится. А у вас какой начальник?

* * *

Пора проходить аттестацию,

Учитель волнуется: что будет?

Надо ещё раз попытаться пригласить вдохновение. Спешит к хранителю.

– Кому ты его понесёшь? – спрашивает хранитель.

– Начальству… – отвечает учитель.

– Вдохновение не есть обменная монета! – говорит хранитель и выпроваживает учителя обратно.

* * *

Коллега, расскажите, пожалуйста, о себе!

О себе? Что вы хотите от меня услышать?..

Хорошо, раз настаиваете…

Не люблю я творить без вдохновения.

Творить и, вообще! жить без вдохновения скучно. А я люблю радоваться: радоваться каждой встрече с детьми, каждому уроку, каждой трудности.

Вы думаете, я в возрасте, и пора мне на пенсию!

Бросьте!

С каждым годом, набирая творческий опыт, я чувствую всё новый прилив сил – и духовных, и физических. Лечу к детям на крыльях, возвращаюсь домой на крыльях.

Конечно, устаю.

Но эта усталость приятная.

Достаточно мне в своём воображении пообщаться с каким-нибудь своим учеником, как всякая усталость покидает меня, чувствую себя в другом мире.

Люблю готовиться к завтрашнему дню, к урокам.

Вы думаете, я просто сижу у стола и рассматриваю параграфы учебников? Думаете, составляю шаблонные конспекты уроков?

Нет. Я в это время живу иной жизнью, завтрашней, ну, конечно, в своем воображении. Эта жизнь отличается от действительной только тем, что сижу у своего рабочего стола и в голове разыгрываю воображаемые события. Но переживания от всего того, что я творю в своём воображении, они самые настоящие. В моём воображении я действую: воспитываю, объясняю, радуюсь, огорчаюсь; иногда всё получается очень хорошо, иногда натыкаюсь на трудности.

Я люблю муки творчества.

Муки творчества может любить только вдохновлённый учитель.

В муках творчества складываются возможные события в моём классе с моими учениками.

Совпадает ли действительность с моим воображением? Иногда да, но полностью – никогда.

Иногда же получается совсем другое.

Это потому, что мои ученики ведь тоже готовились для встречи со мной? Они обычно уходят от меня вдохновленные на какие-то дела, а потом спешат, чтобы сообщить мне, что и как получилось у них, кто в чём преуспел.

Они ведь тоже воображали встречи со мной?

Вот и встречаемся мы со своими намерениями, и бывает – они уводят меня в свой мир. Это мне очень интересно: прожить их жизнью; я наполняюсь новыми силами вдохновения.

А когда получается так, что мы вместе врываемся в мир непознанного, искрами вдохновения для меня служат их восклицания: «Осветило», «Озарило», «Просветлела моя голова», «Понял», «Догадался», «Ох, как здорово» и т. д.

Эти восклицания, выражающие восторг, удивление, радость понимания, счастье сопричастности я принимаю как высшую оценку моего труда.

Это состояние можно назвать девятым валом познания.

Так было сегодня.

Накануне я предложил им сделать вычисления не по примерам учебника, а в связи с другой задачей. Я сказал им:

– Ребята, вот что я вычитал в одном журнале: оказывается, наша планета Земля при своём движении вокруг Солнца проходит путь в 936 250 000 км в год. Во-первых, перепроверьте, пожалуйста, эту цифру с помощью Интернета или других источников. Во-вторых, рассчитайте, какой Земля проходит путь за сутки, за час, за минуту, за секунду.

Сегодня прихожу в школу и вижу: мои ученики шумно обсуждают результаты своих расчетов. Увидев меня, дети сразу

обратились со своими расчётами ко мне.

– Итак, что у нас получается?

Вначале мы выяснили результаты наших вычислений, и они поправили мои «ошибки» и; «упущения», и свои тоже. У нас получилась следующая картина: если Земля вращается вокруг солнца 936 250 000 в год (они подтвердили, что это число правильное), а в году считать 365 дней (мы договорились упростить задачу и не принимать во внимание високосный год), то получится, что Земля вокруг Солнца проходит:

в сутки – 2 563 285,4 км

в час – 106 803,55 км

в минуту – 1 780,0593 км

в секунду – 29,667655 км

Как будто на этом должно было всё завершиться, но кто-то спрашивает:

– Зачем вы нам эту задачу задали?

Я не успеваю ответить, как другой поясняет:

– Дело не в вычислениях, ибо каждый из нас вычислил с помощью калькулятора…

– Это же очень интересно знать, с какой скоростью движется Земля вокруг Солнца…

– Дело не в этом… – продолжает первый.

– Почему? Смотри, почти 30 км в секунду…

– Это же быстрее пули…

– Не в этом дело… – твердит первый.

– Земля летит почти в 60 раз быстрее реактивного самолёта…

– Поймите, – не успокаивается первый.

И этот первый поворачивает урок в сторону философии жизни и выживания.

– Поймите, – завышает он голос, – это не Земля летит вокруг Солнца с такой скоростью, мы летим, понимаете… Земля, как ракета, в которой все мы находимся и летим в Космосе… Это понятно?.. Мы все – космонавты, поняли?..

Все взглянули на меня.

Детские глаза и мысль о том, что мы все космонавты, вдохновили меня, и я дал им волю поговорить о жизни «космонавтов»… И мы забыли, что надо было садиться за парты…

Вдохновение на озабоченность – вот с каким состоянием духа закончился наш урок. Но закончился ли он?

Л люблю своё учительское вдохновение, и от кого или от чего бы я ни вдохновлялся, мне представляется, что на Небесах живёт Разумная Сила, которая и вдохновляет нас всех, а потом мы делимся этой волной Друг с другом.

Хотите мне что-то пожелать?

Да, это прекрасное пожелание, спасибо, и то же буду говорить моим коллегам:

– Учитель, дай Бог тебе творческого вдохновения!

* * *

Понял учитель тайну приобщения к вдохновению.

Призвал волю свою.

Призвал силы Света.

И поспешил к Огню Вдохновения.

Сидит рядом с Огнём хранитель.

Он спрашивает, а учитель отвечает:

– Кто ты?

– Гражданин Вселенной!

– Зачем тебе вдохновение?

– Чтобы гореть им вместе со своими учениками!

– Сколько тебе нужно вдохновения?

– Сколько вместит моё сердце!

– Что дашь взамен?

– Все, что от тьмы во мне!

– Кому ты понесёшь вдохновение?

– Моим ученикам и всему миру!

– Что сотворишь?

– Жизнь, Радость, Благо! Говорит хранитель:

– Ты вдохновишься от одной искры, бери её от Огня!

Вместил учитель в сердце своём всего одну искру Вдохновения и поспешил к ученикам.

Ученики!

Примите вашего учителя, Преображённого и вдохновлённого на светлое творчество! Он спешит к вам с Искрой Божией в сердце, чтобы вдохновить каждого из вас – и помочь вместе с ним возвыситься мыслями и чувствами!

Ученики, Вам повезло!

Примите вашего вдохновлённого учителя, и берегите его!